ПИОНЕР

НОЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 11

Я помню,— таким я и сам был когда-то —
от пап и от мам убегали ребята.

С краюхою хлеба иль с пачкой печенья
они убегали искать приключенья.

Не ради бездумного озорства,—
мечтали они открывать острова.

С геологами сквозь тайгу продираться
и вместе с отцами за Родину драться.

Бежали они покорять Антарктиду,
но их возвращали...

Глотая обиду,
ребята сердито садились за парту,
и снова их взгляд устремлялся на карту...

Сегодня мала уже стала она:
вниманье ребят притянула Луна.

Им вымпел у моря Спокойствия снится!
Скорее, скорее бы им прилуниться!

Но по облакам не уйдешь на планету,
и зайцем, как в поезд, не сядешь в ракету.

И чтоб прилуниться, и чтоб примарситься,
одно остается: отлично учиться.

Еще земляков у нас в космосе нет...
Учитесь! Всем хватит и звезд и планет!

Юрий Коринец

Рисунок В. Высоцкого.

Год издания 36-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

НОЯБРЬ
№11
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959 год

Герб, из которого вычеркнут меч

I

15 сентября этого года в Вашингтоне Никита Сергеевич Хрущев преподнес президенту США Эйзенхауэру необыкновенный памятный дар — точную копию вымпела, посланного на Луну советским народом.

В тот же день по кабелям фототелеграфа, на самолетах и в поездах понеслись во все концы мира снимки этого маленького, но значительного подарка.

В Париже, в Токио, в Тиране, в Пекине — где чуть пораньше, где чуть попозже — люди, развернув газеты, внимательно разглядывали «портрет» нашего вымпела. Были среди этих людей такие, которые и прежде не раз видели советский герб, были и такие, которые в тот день впервые увидели его, но и те и другие на этот раз с одинаковым вниманием рассматривали перекрещенные серп и молот в венке из колосьев.

Гербы бывают разные. Но с тех пор, как на щитах рыцарей появились первые гербы, все они были символами могущества и власти. На своих гербах рыцари-феодалы изображали львов, орлов, мечи и секиры, словно заранее вызывали всякого встречного на бой и грозили: загрызу, растерзаю, заклюю, зарублю!

Давно нет рыцарей, истлели их щиты, а гербы с орлами и львами по наследству перешли к большим и малым государствам.

Этот вымпел с изображением герба нашей страны был доставлен ракетой на Луну.

Когда создавалось наше первое в мире государство рабочих и крестьян, ему, как и всякому другому государству, понадобился герб. Могла бы и Советская страна изобразить на своем гербе символы власти и силы. Победа не с неба упала в руки трудового народа. С оружием в руках, в тяжелых боях отвоевал наш народ свое право на свободу. Нелегко было забыть об этих боях. И когда на утверждение Ленину принесли первый проект герба, в рисунке над серпом и молотом был изображен меч.

— Идея есть, но зачем же здесь меч? — сказал Ленин, внимательно рассмотрев рисунок.— Завоевания нам не нужны. Меч не наша эмблема...— И тонко очиненным карандашом он своей рукой старательно зачеркнул изображение меча.

С тех пор так и остались на нашем гербе символы труда — серп и молот. Наша сила, наша надежда в свободном труде рабочих и крестьян — вот о чем говорит герб.

II

Большой, глубокий смысл заключается в том, что именно наш советский вымпел с нашим трудовым гербом был доставлен на Луну советской космической ракетой.

«Научным подвигом», «непревзойденной победой советской науки» назвали в мире успешный запуск ракеты на Луну. Слова эти справедливы. Но если сказать, что запуск Лунника — великая победа свободного труда, это будет не менее справедливо.

Сегодня с точностью до долей секунды можно сказать, когда начался и когда закончился полет на Луну. Но успех этого полета, открывшего новую эру в истории солнечной системы, начался много раньше.

Голыми руками, с голой земли космическую ракету не запустишь. А мы следом за ракетой, благополучно прилетевшей на Луну, вскоре запустили другую — с автоматической межпланетной станцией на борту,— на этот раз в облет Луны! Только народ-великан, могучий, мудрый и богатый, может сделать миру такой подарок!

Откуда же пришло богатство к нашему народу, получившему в наследство от прошлого разрушенные войной допотопные заводы да заросшие бурьяном поля?

Где, когда начиналось наше могущество? На непаханых землях Казахстана, где комсомольцы взрастили первый целинный урожай? На штурме Днепра, где вручную месили бетон для величайшей в то время плотины? На стройке первой советской электростанции, когда голодные, полураздетые люди долбили ломами мерзлую землю?

Раньше! Наше богатство, наша непобедимая сила, наше могущество начались 7 ноября 1917 года, когда народ, взяв власть в свои руки, стал хозяином своей великой страны и своей великой судьбы. Оно умножалось повсюду там, где советский человек создавал для себя, для народа новые ценности. Оно растет и сегодня на наших народных полях и на наших заводах.

Много воды утекло с первых дней революции. Могучими механическими молотами куют раскаленный металл сегодняшние кузнецы. Корабли полей — самоходные комбайны — убирают колхозные урожаи. Давно заржавели под застрехами серпы, редко-редко где увидишь в работе ручной молот — кувалду. Но по-прежнему золотом сияют серп и молот в гербе нашей Родины.

Великие дела совершили серп и молот, прежде чем советский народ одержал победу над космосом.

«Эта победа,— как сказал Никита Сергеевич Хрущев,— стала возможной в результате того, что те же советские люди своими руками, своим героическим трудом в кратчайший исторический срок сумели решить величайшую социальную проблему — они построили социалистическое общество и уверенно строят коммунизм».

Это победа нашей социалистической системы.

В соревновании экономики, промышленности, науки, которое идет сейчас между социализмом и капитализмом, победила система социализма.

III

Во время поездки Никиты Сергеевича Хрущева по Америке произошел незначительный, но забавный эпизод: на пути в Сан-

Никита Сергеевич Хрущев выступает перед делегатами Генеральной Ассамблеи ООН.

Франциско на маленькой станции сопровождавший Хрущева в поездке Генри Кэбот Лодж, оттертый толпой провожавших, не успел вовремя сесть в поезд. Никита Сергеевич протянул руку Лоджу и втащил его на площадку вагона.

— Смотрите,— шутили журналисты по этому поводу,— при взаимопонимании и коммунизм может помочь капитализму не отставать в пути!

Конечно, это была просто шутка. Но уже совсем не шутя пришлось Н. С. Хрущеву снова и снова объяснять американцам, что близок день, когда в экономическом отношении мы обгоним Америку.

«Сейчас,— говорил он в Питтсбурге,— мы уже кое в чем догоняем вашу страну. Если говорить образно, у нас идет с вами перекличка свистками. Наш свисток вы слышите все громче и ближе. С каждым годом он будет слышнее. И недалек тот день, когда мы с вами поравняемся на одной и той же станции, поприветствуем вас и двинемся дальше. Но впереди будем уже мы, а не вы. Не мы будем следовать за вами, а вы за нами...»

Американцы — народ деловой. Они готовы внимательно выслушать мудрые слова, но верить они предпочитают фактам и цифрам. Никита Сергеевич Хрущев с фактами и цифрами в руках разъяснял американцам, почему рано или поздно наша Советская страна обгонит Америку, почему социализм рано или поздно оставит позади капитализм.

«По сравнению с уровнем 1913 года,— сказал Никита Сергеевич,— производство в Советском Союзе выросло в 36 раз, а у вас только в 4 раза...»

Рассказал Никита Сергеевич американцам и о том, как наш народ перевыполняет семилетний план, и о том, что всего один процент перевыполнения нашего годового плана сегодня дает государству 11 миллиардов

рублей прибыли, а к концу семилетки будет давать 19 миллиардов!

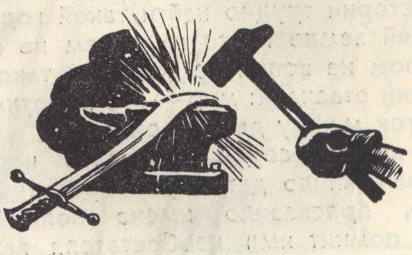
Соревнование идет. И как бы ни колдовали американские капиталисты, как бы ни спешили они, им все равно придется уступить нам первое место.

Почему? Да потому, что двигатель, который толкает вперед экономику капитализма, безнадежно устарел. В самом этом двигателе, внутри него, заключены тормоза, которые замедляют развитие хозяйства.

«Мир в промышленности!», «Кризисов больше не будет», «Полная занятость, всеобщее процветание!» — еще недавно такие заголовки то и дело появлялись в западных газетах. А сегодня?

Недвижимые, стоят копры над шахтами Рура, стоят вагонетки под землей. Молчат отбойные молотки. Унылыми черными холмами лежит рурский уголь. Унылыми серыми толпами идут рурские горняки в Бонн — требовать работы, хлеба, справедливости. Около четырех миллионов безработных бродят по дорогам Америки. То тут, то там вспыхивают забастовки на американских заводах. Когда Никита Сергеевич Хрущев приехал в город металлургов Питтсбург, заводы этого города тоже бастовали, и вечерами необычная темнота стояла в городе, привыкшем к отсветам сталеплавильных печей...

Наши двигатели — социализм, плановое хозяйство, соревнование. Эти двигатели работают без помех. Мы и сегодня неплохо наращиваем темпы, а завтра мы еще быстрее пойдем вперед. Мы и сегодня сокращаем рабочий день, строим миллионы новых домов и квартир для трудящихся, строим новые школы, новые университеты, новые стадионы, новые телецентры. Мы и впредь будем облегчать труд рабочих, сокращать их рабочий день. Мы по-прежнему будем делать все, чтобы наш советский человек жил богаче, спокойнее, красивее.

IV

На полпути к Луне космическая ракета выпустила в межзвездное пространство натриевое облако. Несколько мгновений спустя в небе стала видна искусственная комета. И впервые в истории Земли люди, глядевшие на комету, заговорили о ней как о предвестнице мира.

Немало комет запомнило человечество. И с давних пор всякий раз, когда появлялась в небе комета, люди ждали войны.

18 сентября 1959 года. Этот день надолго останется и в памяти тех, кто заполнил просторный зал заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, и всех людей, кто любит жизнь, мир и труд. От имени Советского Союза Никита Сергеевич Хрущев предложил, чтобы все государства навсегда покончили с войной.

Удивляться тут нечему. Невежественный человек, увидев в небе новое светило, по виду похожее на меч, суеверно искал тут связи с грядущими бедами войны. Удивительнее другое: почти всегда мрачные предзнаменования комет сбывались!

Впрочем, чему же тут удивляться? Комета — явление редкое, а войны... Войны так часто возникали на земле, что к любой, самой захудалой кометке можно было приурочить подходящую кровавую войну.

В истории трудно найти такой год, когда на всей земле никто ни с кем не воевал. Недаром на вопрос о том, что такое мир, шутники отвечали: мир — это короткий промежуток между двумя войнами.

Со времен седой древности человечество запомнило даты кровопролитных сражений, прославило имена полководцев. А кто помнит имя изобретателя ветряной мельницы или первого плуга?

Веками каждую светлую мысль стремились скорее направить на истребление людей. Появились первые корабли — полководцы посадили на них воинов, закованных в латы, поставили стенобитные машины... Вышел в море первый пароход — и на него поставили броневые пояса и орудийные башни, превратив его в целый завод, который ничего не производит, кроме расходов...

Год от года дороже обходится людям война. Американский ученый Девис подсчитал: во второй мировой войне народы затратили на убийство столько средств, что на них каждой семье на всем земном шаре можно было бы построить по дому в пять комнат. Если в прежние времена мирный обыватель, только пока гремела война, испытывал все ее тяготы, то теперь «холодной войной» стало мирное время. Хотя всем понятно, что, кроме фабрикантов оружия, война — ни холодная, ни горячая — никому не нужна, человечество все-таки снова и снова покорно бросает в ненасытную пасть войны миллионы часов драгоценного труда, миллионы тонн металла, резины, хлеба, хлопка, золота.

А неумолимое чудище войны, притаившись, молчит покуда, но не ленится напоминать о себе грозными голосами атомных и водородных взрывов.

Вот бы совсем избавиться от этого проклятого чудища!

Но об этом и не мечтали серьезные люди. Разве можно избавиться от старости, от смерти? Так же думали и о войне. Отдалить ее, отсрочить — это можно попытаться. Помочь земле еще год, пять, десять лет пожить без большой крови, не дать подняться чудищу — об этом думали и за это боролись лучшие люди мира.

И в самом деле, пока в мире безраздельно господствовал капитализм, войны были неизбежностью. Но сейчас все сильнее становится социалистический лагерь. Во главе с советским народом могучий лагерь социализма неуклонно выводит человечество на дорогу мира.

Для того, чтобы нанести еще один удар войне, верный защитник мира Никита Сергеевич Хрущев в сентябре этого года поехал в США. Он предложил все споры между социалистическими странами и капиталистическими решать мирным соревнованием.

С трибуны Организации Объединенных Наций от имени нашей могучей Родины прозвучал небывало смелый призыв: навсегда покончить с войной!

Уничтожить все пушки, все автоматы, все бомбы, все боевые ракеты, все военные корабли — морские и воздушные, распустить все армии, распустить штабы...

Ракеты, взлетевшие к Луне, взволновали людей всего мира. Простые слова Никиты Сергеевича Хрущева, предложившего проект полного разоружения, вдвойне взволновали мир.

Сказанные от имени государства, в несокрушимой мощи которого не раз убеждался мир, эти слова прозвучали особенно веско.

Сорок лет назад Владимир Ильич Ленин вычеркнул меч из герба Страны Советов. Еще в те дни, когда в бой шли первые красногвардейские отряды, Ленин мечтал о том, казавшемся очень далеким времени, когда все до единого боевые клинки мы перекуем на серпы и молоты.

И теперь уже нет сомнения, что скоро настанет время, когда разум восторжествует и все оружие, которое есть на земле, пойдет на слом.

Е. Манучарова, А. Некрасов

★

НОВЫЙ ДРУГ

ПОВЕСТЬ

Е. КАРАЛИНА

Рисунки Н. Шеберстова.

ВСТРЕЧА С УЧЕНЫМ

Ромка сидел с ребятами на лавочке в школьном саду. Всего несколько дней, как поступил он в эту школу. Никогда еще не жил Ромка в колхозе, все здесь было ему интересно, но почему-то получалось так, что рассказывал больше он. Ребята внимательно слушали. Ромке нравилось это внимание, и он старался показать себя.

И технику-то он знает и электричество может провести, а когда гостил у бабушки в Киеве, сам разобрал приемник. А какой воздушный парад был в Киеве!..

Увлекшись рассказом, Ромка невольно прибавлял к тому, что видел: два вертолета превратились в целую сотню, опустились на аэродром, из них выскочили автоматчики в синих комбинезонах, выкатили пушки да как начали палить!

— Куда же они палили? — спросил плечистый мальчик, строгавший на траве какую-то планку, но Ромка только отмахнулся: он уже описывал, как небо заполнили разноцветные парашюты.

— Красота в Киеве! — восторженно вздохнул вихрастый Сеня Рябоус.

Он вертелся на лавочке, привычно теребил грязными пальцами скрученные концы пионерского галстука. Задирая острый нос, хвастливо поглядывал на ребят: Ромка-то теперь его сосед по парте!

Только белобрысый крепыш Леня слушал рассеянно и поглаживал босыми ступнями футбольный мяч: ему не терпелось бежать на спортплощадку. Но бежать нельзя: учительница Антонина Васильевна сказала, чтобы ребята не расходились: в колхоз приехал ученый, обещал зайти и в школу.

— В Киеве наша бабушка живет, на площади Богдана Хмельницкого,— продолжал Ромка.— Там памятник этому гетману: сидит на коне, а в руке булава... Это такая дубина, называется «булава». Вообще-то мы в Херсоне жили. Мама там и сейчас учится. Весной уж агрономом станет. А батьку моего в колхоз направили: он же механик. Мы и приехали; будем подымать ваш колхоз.

— Без тебя не подымут,— насмешливо хмыкнул мальчик, строгавший планку.

— А вот не можете! — Ромка сморщил широкий вздернутый нос.— У вас даже водопровода нету, вода в колодцах какая-то соленая. Вообще вы отстающие, бедные.

— Это мы бедные?! — сердито прогудел мальчик и поднял голову.

— Во, Кондрашка высказывается! — захихикал Сеня.

— Да мы столько пшеницы собираем, и скота у нас много! Может, еще в миллионеры выйдем.

— Ха-ха, миллионер! — Ромка дернул Кондрата за рукав.— Сорочка латаная!

Кондрат встал, наклонил, как бычок, крутой лоб. Ромка вспыхнул и выставил кулаки, готовый налететь. Но Кондрат внезапно резко повернулся и отошел к крыльцу. Ромка победоносно свистнул. Темные глаза его сверкнули.

— Ага, боишься подраться? Хлопцы, за мной!

И все побежали в глубину сада к спортплощадке. Играли в футбол, самозабвенно орали: «Гони, гони, гони! Эх, мазила!» И не слышали, как подъехала к школе машина.

Когда ребята, потные, запыленные, приоткрыли дверь в кабинет биологии, там была только учительница Антонина Васильевна. В конце коридора оживленно болтали несколько девочек из кружка юннатов. Глазастая, задиристая Нюся набросилась на опоздавших:

— Ага, все на свете прозевали со своим футболом! — Она мотала головой, и светлые косички ее подскакивали.— А с нами говорил Леонид Иваныч, ученый из Аскании, вот!

— Какой такой Аскании?..— произнес, опешив, Ромка.

— А такой! Аскания-Нова — это заповедник в степи. Там пасутся на воле зубры, и олени, и антилопы-канны. У канн рога — как штыки. Однажды к ним буйвол забрел, так вожак его на рога поднял. А буйвол был на сорок пудов! Теперь этого вожака засадили в сарай. В Аскании еще научный институт есть; ученые выводят коров, овец и свиней самых лучших пород. Вывели баранов, с них настригают шерсти по двадцать девять кило. Шесть костюмов можно сделать из этой шерсти!

— А в парках гуляют павлины и страусы,— взволнованно протянула пухленькая маленькая Люба.— Хоть бы глазком глянуть на тех страусят!

— Еще чего выдумай, пампушка! Страусы только в зоопарках бывают,— возразил Сеня.

— А там и есть зоопарк! И мы теперь знаем, кто у страусов яйца высиживает.

— Все знают, кто,— отозвался Ромка.— Страусиха.

— А вот и нет! — торжественно воскликнула Нюся, гордая новыми познаниями.— Высиживает страус! Страус Степка высидел шестерых птенцов, а их отдали страусу Максу, как старшему, и тот стал водить двадцать страусят, а Степка обиделся, бегает следом, свистит. Научники из Аскании помогают и колхозам. Леонид Иваныч помогает нашему. Нам он советовал поработать на фермах. Я на птичник пойду.

— Я, может, теленочка выращу...— мечтательно улыбнулась Люда.— А Кондрата Леонид Иваныч повел на свинарник.

— Вот интерес, поросята, телята! — Сеня состроил рожу.— Я бы к зебрам пошел, я бы к страусам пошел!

— К страусам бы пошел, а в седьмой класс не перешел, второгодник. Свинья в пятьсот кило — неинтересно ему! — возмутилась Нюся.— В Аскании есть такие, может, и у нас будут! А на ферму тебя и не возьмут: ты же не юннат.

— Что тут за споры? — послышался спокойный голос.

В дверях кабинета стояла Антонина Васильевна. Свежее немолодое лицо ее улыбалось. Привычно заправив за ухо прядь волос, она подошла, мягко обхватила за плечи Нюсю и Любу.

— Вы уже рассказали нашим футболистам про Леонида Иваныча? Большой ученый, человек очень занятой, пришел к нам, а у вас, хлопцы, не нашлось времени послушать его! Сейчас пойдемте проводим Леонида Иваныча.

— И подарим что-нибудь! — воскликнула Нюся.

Ребята вошли в кабинет биологии. Здесь пахло сухими травами, на полу лежали отборные початки кукурузы, оранжевые тыквы, громадный арбуз в темно-зеленых полосах. «12 кило» — было вырезано на боку его.

Подарить решили арбуз. Девочки вкатили его на разостланный платок Нюси, взялись за четыре конца и понесли по улице. Присмиревшие футболисты шли сзади.

У колхозной конторы стоял автомобиль, а возле него прохаживался Кондрат.

— «Волга»,— уверенно сказал Ромка, щелкнув пальцами по блестящему радиатору.— Давайте сюда кавун, девчата! — Он распахнул дверку машины и положил арбуз на сиденье.

Девочки, обступив Кондрата, стали расспрашивать, что ему говорил ученый.

— Задание дал. По свиньям,— ответил невозмутимо Кондрат и ничего больше не стал рассказывать.

На крыльце появился ученый, пожилой, в светлом костюме. С ним вышла председательница колхоза. Леонид Иваныч пригладил свои седые волосы, надел белую панаму и быстро сошел с крыльца. Лицо у него было энергичное, коричнево-загорелое; из-под нависших бровей, неожиданно молодые, голубые, блеснули глаза. Он потрепал по плечу Кондрата, взъерошил смоляной чуб подскочившего Ромки.

— Я тоже хочу задание, Леонид Иваныч, дайте и мне!

— Помогай на ферме Кондрату.

Ромка замотал головой. Нет, нет! Он хочет растить жеребенка: ему лошади нравятся. Леонид Иваныч стал объяснять, как надо работать с животными, кормить по часам, чистить. Ромка слушал, и смуглое лицо его выражало нетерпение. Ему уже представлялось, как он вырастит коня, как будет тренировать, потом отправится с ним на скачки и замечательный конь всех других обгонит...

— Старайтесь, ребята, делать все вокруг лучшим, чем оно есть,— сказал Леонид Иваныч и легонько поворотил Ромку.— Посмотри-ка перед собой и скажи, что замечаешь!

Ромка глянул на пыльную улицу и пожал плечами.

— Ничего такого не замечаю.

— Значит, не умеешь видеть. Вон бабуся тащит ведра с водой, а позади идут двое хлопцев. Что бы им взять да поднести ведра? А вон делянка! Что там растет, ты знаешь?

— Это конопля, кажется...— нерешительно сказал Ромка, и ребята засмеялись, закричали:

— Кукуруза! Не конопля, а кукуруза!

— Четыре пуда кукурузы свинье скормить — пуд сала получить. А у вас початки валяются раздавленные, видно, машина проехала по делянке.

— Недоглядели,— смущенно сказала председательница и вытерла комочком платка широкое потное лицо.

— А вот, Леонид Иваныч,— раздался взволнованный голос Любы,— у крольчихи в живом уголке народились крольчата, а она их кусает. Как нам выкормить их?

— Поите из пипетки молоком. Бывают случаи и более трудные. Везли однажды на пароходе бегемотиху; она родила малыша, а сама погибла. Как же кормить его? Открыли банку сгущенного молока. Вы думаете, какую? В двадцать кило! Развели кипятком. А соску где взять? Отрезали кусок пожарного шланга и сунули в рот «малышу». Каждый день высасывал по такой банке бегемотик. И выжил.

— А еще бегемот зовется «гигипотам»! — выскочил Сеня, которому не терпелось показать себя перед ученым.

— Как, по-твоему, пишется это слово? — Смешинка мелькнула в глазах ученого.— «Гигипотам» или «гигепотам»?

— «Гиппопотам» надо писать,— произнес Кондрат.

— Совершенно верно!

Леонид Иваныч открыл дверцу машины. Огромный арбуз скатился вдруг с сиденья, выпал из машины, тяжело плюхнулся на дорогу и раскололся.

— Ой! Мы для вас самый большой выбирали...— протянула жалобно Нюся.

— Да уж чувствую,— усмехнулся Леонид Иваныч, потирая ушибленную ногу.— Кавун — дело хорошее, как говорится, и наешься, и напьешься, и умоешься. Попробуем!

Шофер стал нарезать перочинным ножом темно-розовые, словно подернутые инеем, ломти и раздавал ребятам.

— Так вот, друзья,— сказал ученый.— Я еще навещу вас, посмотрю ваши достижения. Потом приедете и вы к нам, в Асканию.

— Ой, в Асканию! — Нюся обхватила Любу и закружилась с ней.

Мальчики запрыгали; даже солидный Кондрат притопнул босыми пятками. Машина тронулась. Облако пыли поплыло по дороге. Ребята неслись за машиной, крича:

— До свидания, приезжайте еще!

ПОЕЗДКА В СТЕПЬ

Ромка проснулся. Солнце блеснуло ему в глаза. Поредевшие листья акаций почти не затеняли окон — по утрам солнечный блеск заливал беленые стены хаты.

Новый день! Воскресенье! Нетерпеливая радость охватила Ромку. А вдруг сегодня случится что-то интересное, произойдут необычайные события?!. Необычайное случалось редко, но Ромка из всего умел устроить для себя игру и забаву.

Пахло парным молоком. Проворная ласковая баба Лепестинья, хозяйка хаты, собирала на стол. Вошел отец, напевая, расти-

рал полотенцем крепкие плечи. Душ! Как же Ромка забыл?!. Вчера они с отцом смастерили в сарае душ. Ромка сам пробивал гвоздем консервную банку. До чего же хорошо поплескаться под прохладными струйками! Скорей, скорей!

В одних трусах Ромка помчался в сарай.

После завтрака прибежал Сеня. Развалясь на траве, мальчики обсуждали, чем бы заняться. Вдруг за калиткой послышался гудок машины, и они выбежали на улицу.

Из кабины грузовика высунулся плотный человек в кепке. Лицо его лоснилось и казалось твердым, как арбуз; утиный нос торчал между мясистых щек.

— А ну, покличьте механика Барабаша! — приказал он строго.— Ехать надо!

Ромка бросился в хату. Отец, накинув поверх голубой майки пиджак, размашистым шагом подошел к машине.

— Здоровеньки булы, товарищ Чучин! В степь поедем, на баз?

Ромка подтолкнул Сеню.

— И мы, и мы поедем, да?

— Еще не возьмет нас этот Чучин,— тихо заметил Сеня.— Заместитель председательши задается слишком.

Отец собрался быстро: надел кепку, сунул в брезентовую сумку свои инструменты. Живо перескочил через борт грузовика, махнул ребятам рукой:

— А ну, хлопцы, быстро!

Выехали за село. Возле шалаша, на баштане, грузовик остановился. Из шалаша вышел сторож, высокий лохматый старик.

— Во, гляньте, шо сделали, бесы! — пожаловался он и показал арбуз: середина его была выгрызена и вылизана досуха, одна корка осталась.

— Кто ж его так? — удивился Ромка.

— А волки кляты, кто же еще!

— Разве волки едят кавуны?

— Чего смеешься! — проворчал старик.— Волку пить-то нечего в такую сушь! Вот и придет ночью, выгрызет в кавуне дыру — и готово, напился.

Чучин снял кепку, вытер платком бритую голову и сказал, отдуваясь:

— А ну, выберите нам, диду, кавунов пару!

Один арбуз съели тут же, другой Чучин взял в кабину.

Поехали дальше мимо баштана. Много арбузов и дынь было уже убрано; на серой земле лежали только высохшие плети. Плавными кругами парила в небе большая птица, верно, коршун.

Внезапно налетел огненный вихрь, словно закрутился на одной ноге, вертя столб пыли. Тучей взвились песчинки, все потемнело. Оторванные плети арбузов пронеслись по воздуху. Ветер сбил с высоты птицу. Она пролетела над самым грузовиком. Мальчики, зажмурив глаза, сунули головы в колени. А вихрь оборвался так же внезапно, как начался.

— Такой бывает черная буря, Ромчик,— сказал, отряхиваясь, отец.— Только метет не пять минут, а день и два. Вчера вот засыпало колодец в степи.

Позади остались поля.

Хорошо в степи — широко, спокойно! Припекает солнце, пахнет полынью. Изредка попадется куст кермека. Выгорели его мелкие лиловатые цветочки. Мелькнет малиновая головка чертополоха. А вот мачты высоковольтной передачи. По всей степи протянулись они. Ромка щурится и представляет: шагают в степную даль великаны, держат на растопыренных руках толстые провода.

— Знаешь, сколько тока в этих проводах! — говорит он Сене.— Значит, и в колхозе много электричества будет, оно все работы сможет делать!

— Ну да,— недоверчиво хмыкает Сеня.— Писали тоже, что воды много будет, когда Каховское море построят.

— А ты видел это море?

— Ага, мы на экскурсию ездили. Море настоящее. Лодки под парусами. Даже пароход видели.

Около дороги показался соломенный навес на столбах. Грузовик остановился, и мальчики первыми вбежали под навес. После зноя и блеска приятна была сумеречная прохлада. Земляной пол перегораживали невысокие дощатые загончики. В одном лежали овца и двое барашков. К приезжим подошел худой чабан с суровым лицом.

— Наш новый механик,— пояснил Чучин, указывая на отца Ромки.— Показывайте, что тут у вас.

— Пойдемте до колодезя,— сказал чабан сиплым голосом.

Пришлось снова выйти из-под навеса в жаркую степь. Невдалеке от навеса был бетонированный колодец с воротом и бадьей на цепи. Двое подпасков сидели на траве; возле понуро стояли овцы, совали морды под брюхо друг дружке, стараясь укрыться от солнца.

— Некрасивые! — невольно вырвалось у Ромки.

— Не до красы, як не пили вже сутки. Вчера колодец песком занесло.— Крюком своей палки — герлыги — чабан подтянул за ногу овцу.— А ну, держи, хлопче! — велел он Ромке и вынул из сапога широкий нож.

«Неужели зарежет?» — испугался Ромка. Но чабан только ловко подрезал отросшие копытца овцы. Ромка погладил ее по носу, а она жадно облизала ему руку, даже зубами прихватила. Глаза у нее были выпуклые, будто из желтого стекла.

— Пить хочет,— просипел чабан.

— А вы чего так сипите? — полюбопытствовал Ромка.

— Простыл еще в Казахстане, мы туда в войну скот эвакуировали. Застала меня с баранами пурга в сарае, занесло снегом по самую крышу — не выйти! Духотища сделалась, бараны пить хотят, снег лижут в щелях. Наглотался снега и я. Только через сутки нас откопали. С тех пор и заболел горлом. Теперь, сколько ни лечат, все хриплю. Так вот, товарищ механик,— обратился он к отцу Ромки,— как лето, то и мучаемся с водой. Легко ли переживать, когда двести голов, как в дуду, задудят: «Пить давай!» А начнешь жаловаться начальству,— он кивнул на Чучина, — никакого тебе внимания, канителься со своими овцами, как хочешь.

— Ты эти разговорчики брось! — начал сердито Чучин.

— Ну, добре,— прервал его отец,— давайте действовать.

Он снял пиджак и майку, остался только в штанах и сапогах, надел на руку сумку с инструментами и залез в бадью.

— Опускайте! — скомандовал он.

Подпаски старательно завертели рукоять ворота, разматывая цепь. Мальчики наклонились над колодцем. Отец улыбнулся, весело подмигнул Ромке. Ниже, ниже опускалась бадья в темную глубину. Запрокинутое лицо отца сливалось с темнотой. Вот уже не видно его. Ромке показалось, что прошло много времени. Наконец послышался из глубины голос:

— Подъем!

Ворот завертелся. Вытащили бадью, полную бурой, густой грязи.

Во второй раз грязь в бадье была уже жидкой.

В третий раз поднялся наверх отец. С его сапог и штанов капала вода. Овцы метнулись к нему. «Бее-мее!» — плакали они и лизали мокрые сапоги. Жаль было смотреть на них.

Наконец из колодца выплыла бадья с мутной водой. Воду вылили в деревянную колоду. Замелькал целый лес тонких ножек: овцы, сбивая друг дружку, кинулись пить.

— От это спасибо! Спасибо, товарищ Барабаш! — приговаривал чабан, пожимая руку отцу.— Теперь в другой раз мы и сами сможем почистить.

— Надо сколотить крышку и держать колодец закрытым, — сказал отец Чучину.

— Да ну! — Тот махнул квадратной ладонью. — Насчет воды мы стараемся давно: пруд копаем! Все думали: вот разольется море, и к нам вода подойдет, а до сих пор нету.

— Подойдет! — уверенно кивнул отец.— Главный магистральный канал уже делают, потом и оросительные канавы всю степь прорежут. Но, конечно, свой пруд нам не помешает. Похлопочем, чтобы экскаватор прислали. А сюда ветродвигатель установим: будет качать воду.

— Видишь, какой у меня батько деловой! — толкнул Ромка Сеню.— Я же говорил: мы вам поможем!

Толпящиеся у колодца овцы затолкали черненького ягненка. Он упал. Ромка подхватил его и стал поить с ладони. Малыш жадно тянул воду, обсасывая пальцы.

— А знаешь,— начал Ромка с жаром,— Нюська говорила, что в Аскании здоровенных баранов выращивают, давай и мы с тобой вырастим вот этого! Ты знаешь, вчера я уже записался в юннаты!

— Эх ты! — Сеня презрительно оттопырил потрескавшиеся губы.— Я тебе говорил: от этих юннатов нужно подальше держаться. Там все больше девчонки, пищат: «Ах, птичку стрельнули из рогатки! Ах, кролика за хвост дернули!» Ну их!

— А я хочу! Хочу жеребенка вырастить!— упрямо мотнул головой Роман.— Потом в Асканию поедет, кто работал.

— Подумаешь, Аскания! У юннатов старостою Кондрашка, будет теперь командовать над тобой.

— Так я ему и дался! — вспыхнул Ромка.— Я и сам умею командовать. Когда мы в войну играли, так я всегда был Кожедубом, трижды Героем. Налечу и дам головой в живот — это значит таран фашистскому самолету! Захочу — я сам старостой буду! Сделаю что-нибудь такое — меня и выберут.

Эта мысль пришла Ромке в голову внезапно. С обычной своей беспечностью он поверил, что сумеет сделать что-то важное, нужное, и все увидят, узнают, какой он молодец.

КОНДРАТ

Когда Кондрат был еще маленьким, ему вздумалось пожить, как птица. Он долго карабкался на старую высокую грушу, что росла во дворе, сползал вниз и снова упорно взбирался. Наконец, ухватился за первую ветку и залез высоко. Сидел, взмахивал руками, как крыльями, и приговаривал: «Захочу — полечу!». Но не удержался на ветке, свалился с дерева и расшибся. Несколько дней пришлось ему лежать в постели: болела нога. Но едва стал ходить, как снова полез на грушу. Втащил туда драный кожушок, пристроил на ветках вроде гнезда и уселся в этом гнезде, очень довольный, что добился своего. Небо потемнело, сверкнула звезда. «Кондра-атик, до дому!» — звала мать, а он не откликался: пускай поищет.

Отца своего Кондрат не помнил, а мать очень любил. В ту зиму, когда он стал ходить в школу, она заболела. Ухаживали за ней Кондрат и дед; старший брат, Никита, учился тогда в районе на курсах трактористов.

Мать умерла. Кондрат плакал ночами тихонько, чтобы дед не услышал. Он затаился в себе, полюбил уходить в степь, на зеленое раздолье. Сядет на траву, смотрит и слушает. Вон суслик торчит на задних лапках у своей норки. Скачут кузнечики, разные крохотные существа снуют по земле, занимаются своими делишками. Колышутся цветы, красные, синие, желтые, кивают головками, шепчут друг дружке что-то хорошее. Пожалуй, если незаметно подобраться к ним, поймешь, что они говорят. Наверное, у каждого животного, даже у цветка, можно научиться чему-то. Он ловил и подолгу разглядывал жуков, кузнечиков, сажал их в коробки. Иногда приносил коробки в школу, и ребята собирались у его парты разглядывать пленников.

Теперь в хате у Кондрата стоят на окнах банки с личинками насекомых, с улитками и ящерицами; в коробках окукливаются гусеницы. И так интересно видеть, а какая же вылетит бабочка? В сарае в ящике с дерном живут два ручных ужа. А на крышу хаты Кондрат втащил старое колесо, аисты устроили там гнездо. Весной в гнезде появляются аистята, и Кондрат забирается к ним в гости на крышу, приносит угощение — червяков и лягушек.

Читать Кондрат любит больше про животных. Замечательная есть книга Брема! Учительница не разрешает выносить ее из кабинета биологии, и Кондрат может подолгу, забыв обо всем, сидеть в углу над книгой, раздумывать о том, какие странные существа живут на земле, почему они такие разные, срисовывать в тетрадь самых удивительных.

Держится Кондрат солидно, говорит мало. Острые глаза его сосредоточенно вглядываются во все. Все, что видит и слышит, он старается понять. Ни с кем Кондрат не дружит, но и ссорится редко.

До сих пор никому не рассказал Кондрат, как вместе с Леонидом Иванычем ходили они по свинарнику. После осмотра свиней зашли в дежурную комнатку и сели за стол.

— Как думаешь, интересно тебе будет работать здесь?

— Та не знаю,— прогудел Кондрат.— Свинья,— уж известно, свинья.

— Четыре ноги и хвост? — усмехнулся

ученый.— А я вот тридцать лет занимаюсь животноводством, довелось новую породу свиней вывести, однако не скажу, что мне про них все известно. Сейчас провожу ряд новых опытов. Хотелось, чтобы и вы проделали кое-что, помогли мне.

Начертив на листе бумаги два квадрата, ученый стал пояснять:

— Приучим свиней к такому порядку: скажем, тут они спят,— ученый ткнул карандашом в квадрат,— а столовку нужно устроить в другом месте. Кормить в определенные часы и на еду давать минут пятнадцать, чтобы зря не копались в корытах,— так будут быстрей усваивать корм. К еде звать звонком.

— Звонка нету. Можно по ведру палкой,— сказала баба Гапа, пожилая свинарка.

Кондрат глянул исподлобья и спросил:

— Для чего ж это все?

— Наша задача — облегчить, упростить работу на ферме. Вот и стараемся приучить свиней к порядку, создать у них определенные привычки. Никаких окриков, суеты: надо воспитать у животных спокойный характер, тогда пойдет им на пользу весь корм, и работать с ними будет легче.

Говорил ученый просто, ясно, и Кондрат жадно слушал: он любил узнавать новое. Баба Гапа понимающе кивнула, озабоченно вытерла рот указательным пальцем и заявила:

— Больших трудно научить, да и не управиться мне. Пускай уж Кондрат воспитывает поросят по-научному.

Антонина Васильевна дала Кондрату книжечку про то, как растить поросят. Он прочел ее и пришел в кормовую кухню, где в высоком котле варилась картошка. Показал бабе Гапе книжку и сказал:

— Видите, надо купать поросят.

— Где уж,— вздохнула свинарка,— и так с ними мороки хватает!

— А зимой хорошо проращивать овес и давать поросятам зелень: там витамины.

— Написать можно всего.

— И надо делать, как пишут,— убежденно произнес Кондрат.— Ученые все знают.

СВИНОЕ СЕМЕЙСТВО

Начались заморозки. Как-то зайдя после школы в свинарник, Кондрат узнал: свинья Барышня принесла десять поросят. Баба Гапа вытирала каждого поросенка досуха тряпкой и сажала в корзину с мягкой подстилкой. Кондрат, присев на корточки, внимательно рассматривал свиное семейство. Поросята жались друг к другу и тихо повизгивали. На спинах у них были написаны чернильным карандашом цифры: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10,— чтобы не перепутать, кому какой сосок полагается.

— Пора кормить,— сказала свинарка.— Каждому определим сосок, чтобы привыкли и не дрались.

— Надо сразу приучать есть по сигналу, как Леонид Иваныч велел.— И Кондрат ударил палкой по ведру: бамм!

Поросята испуганно шарахнулись.

— Да ну тебя! Они же маленькие, не понимают еще! Бери их тихонько под пузечко, у них косточки тоненькие.

Они подкладывали поросят матке, развалившейся на боку. Каждый поросенок получил свой сосок и жадно зачмокал. От удовольствия они жмурились, подергивали хвостиками. Только свинка номер семь, вся в темных пятнышках, будто в веснушках, ростом не больше крысы, была так слаба, что едва удерживала сосок.

— Какие же будут мои? — спросил Кондрат.

— Да не знаю, как начальство распорядится, спросишь Чучина.

Кондрат знал, что люди не хвалят заместителя председательницы, но дело есть дело. Он пошел в контору. Чучин в куртке и шапке сидел у телефона и говорил в трубку:

— Ясно! Зимовку скота думаем обеспечить. На фермы спустили инструкцию, корма расходуем строго по норме.

Кондрат стоял возле стола, терпеливо ожидая конца разговора.

— Чего надо? — буркнул Чучин, повесив трубку.

Кондрат рассказал о задании Леонида Иваныча и попросил выделить ему поросят.

— Пускай научники в Аскании свои опыты делают, а нам нужно план выполнять, мясопоставки сдавать. Еще натворите чего-нибудь на фермах, а отвечать кому? — строго сказал Чучин.— Мне отвечать!

Ушел Кондрат ни с чем. На другой день, идя из школы, он снова завернул в свинарник, постоял у станка Барышни, глядя на поросят. Леонид Иваныч говорил: «Наблюдай внимательно, не упуская мелочей. Обращайся с животным разумно, мягко, и ты добьешься от него, чего хочешь». Кондрат бы уж постарался, воспитал их как надо. Неужели не доверят?!.

Внезапный визг прервал его раздумья: бойкий поросенок принялся отбивать сосок у маленькой свинки с цифрой «семь», лез на нее копытцами, толкал, сердито визжа. Свинка повизгивала, не выпуская соска.

— Ах ты, бессовестный! — укорил Кондрат и, войдя в станок, водворил буяна на место.

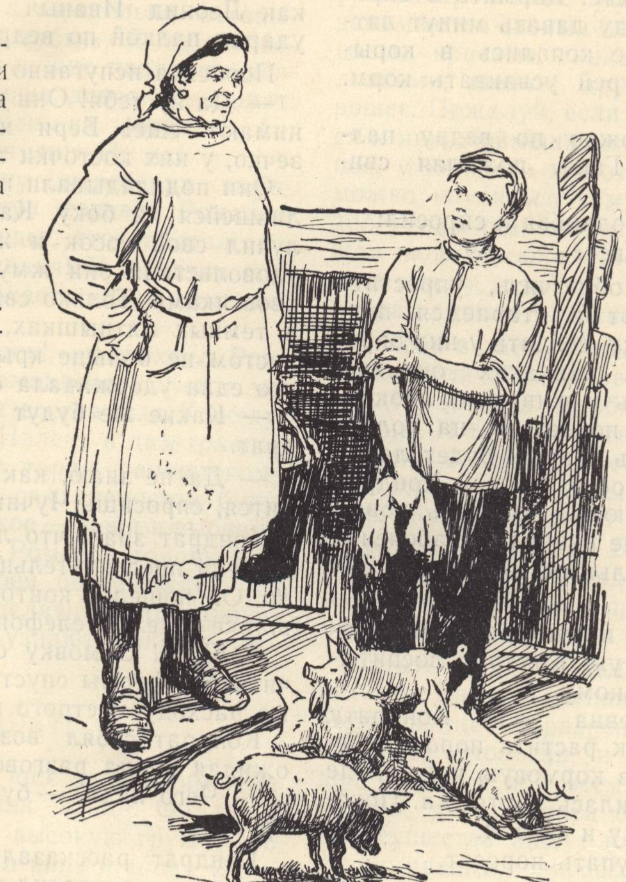
Через несколько дней баба Гапа сказала Кондрату:

— Хочешь, бери вот этих. Чучин сказал: все равно с них толку не будет.

И указала на поросят с цифрами «два» и «три» и на слабую свинку в веснушках. Потом принесла еще поросенка постарше. Был он хилый, пузатый, а главное, не мог ходить — ползал на коленках.

— Чего это он такой? — удивился Кондрат.

— Кто знает! — пожала плечами свинарка.— Там, в крайнем станке, окошко забито, темно, мы и не заметили, как оно получилось, такое кривоногое порося. Хорошо, что новая зоотехничка приехала. Разумная дивчина! Вчера ходила тут с Чучиным, говорит ему: «Ремонтировать надо, станки тесные, сырость, вот видите, у кабана и получилась вислозадость, неправильный постанов ног». Чучин ей отвечает: «Это порода такая». А она рассердилась: «Порода! Вас бы в таком станке жить заставили, и у вас были бы ноги кривые!». Так возьмешь этих поросят?

— Придется взять. Назову по номерам. Кабанчики Двойкин и Тройкин, свинушка Семеркина. А этот пузатый пускай будет Пузин.

Кондрат любил делать все основательно, вдумчиво. Так он занялся и поросятами.

Как-то в коридоре школы он остановил Антонину Васильевну и протянул ей книжечку с розовой свиньей на обложке.

— Эту я прочитал, мне бы еще про них.

— Другой у меня пока нет. А ты что, получил поросят? Я с председательницей договорилась, чтобы тебе дали.

— Четверо их у меня.

Откуда ни возьмись, подскочила Нюся, услышала, о чем говорят, тут же разболтала подружкам. Девочки пристали к Кондрату: покажи поросят!

— Чего там смотреть, не цирк! — отрезал Кондрат, а учительницу попросил: — Вы бы пришли посмотрели. Баба Гапа говорит — они голодные.

— Об этом надо посоветоваться с зоотехником. Зайдем к ней.

После уроков они пошли в контору, и Антонина Васильевна поговорила с новым зоотехником Галей. Эта молоденькая серьезная девушка внимательно выслушала учительницу и сказала:

— Завтра с утра приду, посмотрю, в чем дело. Наверное, придется подкармливать поросят.— И обратилась к сидящему за столом Чучину: — Надо будет выписать молока для поросят.

— Можно и кулешом подкармливать,— ответил Чучин.

— Кулешом? — Галя усмехнулась.— Нет, молодняк должен получать молоко.

Утром Галя осмотрела поросят Барышни. Каждого она взвесила на чашках весов и велела Кондрату записать вес в тетрадь.

— Коровам делают массаж, чтобы раздоить, свинью тоже раздоить можно.

И она принялась разминать пальцами живот матки. Наконец из сосков брызнуло молоко. Подпустили поросят, и они жадно зачмокали.

— А еще бывает,— сказал Кондрат,— она отбросит поросят, ляжет на живот и не дает сосать.

— Это хорошо, что ты наблюдательный. Ну-ка, посмотрим.

Девушка стала щупать во рту у каждого поросенка. Потом сунула в рот Двойкина палец Кондрата. Среди плоских зубов Кондрат нащупал зуб, острый, как гвоздик.

— Вот отчего она не дает сосать: больно ей. Дайте-ка ножницы! — попросила Галя свинарку.

Баба Гапа принесла маленькие ножницы, и кончик острого зуба был обломан.

— Вообще молока матки им уже мало, будем подкармливать коровьим. Этот маленький станок можно выделить для твоих поросят. А Пузин твой — рахитик. Держи его почаще на солнышке. Я ему рыбьего жира достану. В корытца надо класть минеральную подкормку: мел, костяную муку,— и красная глина полезна: в ней железо.

— Глину я в яру возьму,— заявил Кондрат.— Там желтой много, наверное, и красная есть.

— Ты, я вижу, хлопец деловой.

ТРУДЫ И ЗАБОТЫ

Темным зимним утром славно дремлется в тепле, на печи, и совсем не хочется подыматься. Но ничего не поделаешь — пора. Кондрат одевался и выходил в заснеженный сумрак улицы. Тихо стояли сонные хаты. Только на фермах цепочками блестели огни, дымили трубы, слышался шум движка, и было похоже, что это фабрика.

Во дворе свинофермы Кондрат расчищал от снега дорожку, чтобы поросята не поморозили ноги. Потом входил в свинарник и распахивал дверку станка. При свете тусклой электрической лампочки спали четверо поросят, изредка всхрюкивали, верно, видели свои поросячьи сны. Кондрат хлопал в ладоши.

— А ну, гулять!

Поросята гулять не хотели; тот взвизгнет, не раскрывая глаз, другой потянется, как ребеночек. Но Кондрат гнал их во двор на площадку. Потом наливал подогретое молоко и звонко стукал палкой по ведру: бамм! Поросята стремглав бежали со двора в угол коридора, где стояло корытце.

Умней всех оказалась Семерка. Она первая мчалась по сигналу, первая стала узнавать Кондрата, весело взвизгивала, словно говорила: «Здравствуй!». Кондрат повязал ей вокруг живота веревочку, чтобы измерить, толстеет ли свинка. Через два дня шнурок натянулся туго-туго: пальца не просунуть. Пузину он давал зеленые ростки овса и рубленую сырую морковь. Стал выносить его в корзине на солнышко. Теперь Пузин получит еще рыбий жир, красную глину. Будет поправляться! Вот Леонид Иваныч, тот, наверно, вылечил бы Пузина быстро.

Что, если написать ему?

Прошло уже несколько дней после разговора с зоотехником. Кондрат шел из школы и обдумывал, что напишет ученому. Придя домой, заглянул в печь; дед сварил только борщ, а брат Никита любит поесть как следует.

Начистив картошки, Кондрат накрошил в чугун луку, сала, поджег солому и поставил чугун в печь. Потом чисто вытер стол, вырвал листок из тетради и принялся выводить крупными буквами:

«Многоуважаемый ученый Леонид Иваныч! Вам пишет юннат Конопелько из колхоза «Зирка». Вы были у нас осенью. Дали мне задание растить поросят по-научному. Они растут хорошо: одну свинку я измерил,— за три дня она расширилась на два сантиметра. А один поросенок у меня рахитик. Как его скорее поправить? Не откажите написать ответ в нашу школу.

Привет с уважением.

Кондрат Конопелько».

Пришел с молочной фермы, где он работает скотником, дед, снял кожух и шапку, пригладил сивые волосы вокруг желтой лысины. Явился из ремонтной мастерской и Никита, большой, румяный. Хлопнул брата по спине, и тот пригнулся: тяжела рука у Никиты.

— Как дела, знатный поросятник? Что за письмо? — Он прочел адрес на конверте и удивился: — Ишь ты, с кем переписку завел!

Сели обедать. Никита живо расправился с борщом, наложил полную миску тушеной картошки.

— В картошке вся польза от крахмала,— пояснил Кондрат.— Когда съешь, так он претворяется в сахар... А для поросят красная глина полезна. Завтра мне надо к яру сходить, глины накопать...

— Таке! — прогудел дед.— Мы безо всякой глины поросят растили.

— То вы по-старому, а Кондрат у нас хочет все по-научному,— возразил Никита.

В воскресенье с утра Кондрат надел стеганку, сунул в карман кусок хлеба, под мышку — мешок, на плечо — лопату и зашагал по заснеженной дороге к оврагу. Он долго лазил по склонам, проваливаясь в сугробы, цепляясь за кусты... Морозный ветер насквозь продувал шапку, было холодно, но Кондрат заглядывал в каждую яму, откуда берут глину колхозники. Глина попадалась все желтая, красную нашел он не скоро.

Были уже сумерки, когда он добрался до своего колхоза. Мешок с глиной оттягивал плечи, Кондрат устал.

Вдруг позади послышалось хихиканье. Оглянулся — сзади шли Ромка и Сеня.

— Кондрат — свиньям брат, поросятам дядько! — крикнули они хором.

Кондрат прибавил шагу. Драться с ними он не хочет, жаловаться не станет. Лучше всего не обращать внимания: скорей отстанут. Этот Сенька недавно макнул в классе нос в чернильницу, ходил с лиловым носом, все смеялись над ним, а он и рад... Вчера на пионерском сборе вожатая спросила, как он соблюдает режим дня, и Сенька заявил, что очень занят, ничего не успевает... «Ленивому всегда некогда,— сказала вожатая,— никакое дело не отнимает столько времени, как лень».

Пришел Кондрат в свинарник, свалил в тамбуре мешок с глиной. Поросят баба Гапа уже покормила.

— К обеду вы их как звали? По ведру стучали? — спросил он.

— А как же! Бывает, забудусь, закричу: «Паць-паць»,— так и не идут. Куда залез? — Свинарка пнула Двойкина, усевшегося в корытце с костяной мукой. Тот, повизгивая, подбежал к Кондрату — жаловаться.

— Вы, бабо, на них не кричите и не пинайте.

— Здрасте! Я, слава богу, триста поросят вырастила, как-нибудь понимаю обращение.

Кондрат погнал поросят на площадку, а Пузина понес на руках. За оградой из жердей уже стояли Ромка с Сеней.

— Паць-паць-паць!..— закричали они.

— Мои поросята не понимают ваших «паць-паць», они у меня иначе приучены.

— Он с ними на «вы» разговаривает: «Пожалуйте кушать!» — засмеялся Ромка.

Три поросенка бегали по площадке, а у ног Кондрата ковылял на коленках Пузин. Разглядев его, Сеня хихикнул:

— Получил урода какого-то, а еще воображает!

Домой Кондрат явился усталый, перепачканный в глине, и дед заворчал:

— Во как измазался! Мудрует все чего-то, шатается до ночи.

— Я не шатаюсь, а дело делаю.

— Дело!.. От твоих трудов разве что мышь прокормится...

Улегшись на печь, Кондрат задумался. И чего донимают его эти хлопцы? Ромка верховодит, конечно. Нашел себе дружка — Сеньку! Теперь, кажется, старостой кружка хочет стать. Так ведь староста юннатов больше всех должен делать, следить за работой каждого, а Ромка разве сможет? Вон кукурузу с коноплей спутал и вообще... Взялся жеребенка растить, а конюх недоволен, говорит: «Дела не видать, приходят баловаться с жеребятами».

КАК ИХ СПАСАЛИ

Мягкая, многоснежная шла зима. Наступили каникулы, и Ромка веселился вовсю: катались с ребятами целыми днями на санках, устраивали перестрелку снежками.

После обеда, как всегда, Сеня забежал за Ромкой. Они пошли по улице, толкая друг дружку в сугробы, и вдруг заметили: идет впереди Кондрат.

— Давай обстреляем его!

Сеня нагнулся, слепил комок из снега и занес руку, но Ромка остановил:

— Проследим лучше, что он будет делать в свинарнике.

Кондрат вошел в кормовую кухню. Мальчики незаметно проскользнули за ним... В эту минуту где-то рядом послышался отчаянный, прервавшийся визг. Боковая узкая дверь в коридоре была распахнута во двор, на снегу краснели пятна... На двери висели поросячьи тушки, какой-то человек смолил их на пламени паяльной лампы. Кондрат нахмурился и вошел в станок к своим поросятам. Его приветствовали радостным повизгиванием. Пузин уже поправлялся: начал ходить как следует. Кондрат почесал конопатенькую Семерку, и та развалилась, подставляя живот, прикрыла глаза белыми ресницами, похрюкивая тихонько, шепотом.

— Чего ты, Двойкин, доску грызешь? — сказал Кондрат.— Зубы чешутся? На вот тебе початок, погрызи! И тебя почесать, Пузин? Давай! А ты чего завизжала, Семерка? Ишь какая, только с тобой занимайся!

Он перестилал солому, разговаривал с поросятами и не замечал Ромки и Сени, которые, присев на корточки, наблюдали.

В проходе между станками появился Чучин в куртке нараспашку, в меховой шапке. Он говорил пришедшему с ним незнакомому человеку:

— Оказалось у нас немало сверхплановых поросят... Новый свинарник пока не готов, держать негде... Имеем разрешение частично ликвидировать. Покупайте по дешевке.

Чучин подозвал свинарку и стал ей пояснять, каких поросят можно резать.

— Вот этих берите!..— заявил он, подойдя к станку, где убирал Кондрат.

Тот поднял голову и произнес удивленно:

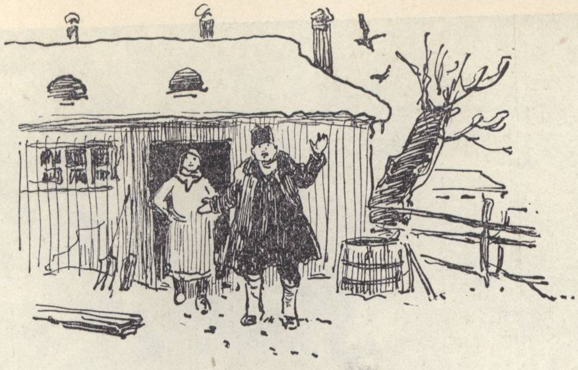
— Моих? Их нельзя трогать! Леонид Иваныч велел выращивать, он даже письмо прислал.— Голос Кондрата дрогнул.

— Не морочь ты голову своими поросятами, слишком разумный стал! Давайте! — кивнул Чучин бабе Гапе.— А вы тут чего? — гаркнул он, заметив Ромку и Сеню.

— А мы... мы помогать пришли,— нашелся Ромка,— мы их поймаем сейчас!..

Мальчишки бросились в станок, где Кондрат обхватил руками сбившихся в кучу поросят.

Ромка что-то шепнул ему на ухо, сунул под мышки по поросенку, двух других подхватил Сеня. Словно предчувствуя близкий конец, поросята отчаянно визжали. Мальчишки быстро шли проходом. Вот и боковая дверка, распахнутая во двор. Ромка метнулся в нее да как припустится со всех ног! За ним помчался Сеня. Позади бежал Кондрат.

— Э-эй, держите их! — услышали они окрик Чучина.

Ребята перемахнули через ограду, понеслись по улице. Ворвались в сени Кондратовой хаты и заложили дверь на крюк.

— Идемте лучше к нам! — крикнул запыхавшийся Ромка.— У нас запрячем, а то он сюда прибежит за ними...

— Ничего. Не возьмет и здесь.— Кондрат водворил поросят в чулан и повесил на дверь большой замок.— Председательша в город уехала, вот он и распоряжается. Сейчас я пойду и скажу зоотехнику.

На другой вечер Ромка спросил Кондрата:

— Ну, где же твои поросята?

— В свинарнике.

— Значит, зоотехник не дает их резать? А с председательницей говорил? Она приехала?

Кондрат кивнул.

— И что же она сказала? Попало, наверное, Чучину, да? — допытывался Ромка с любопытством.

Дело было так.

Сегодня днем зоотехник Галя зашла с Кондратом в контору. Вызвали и Чучина. Председательница сказала:

— Неправильно действуете, товарищ Чучин. Для колхоза нужно кадры воспитывать: что мы с детей слепим, то и получим в дальнейшем. Кондрат Конопелько — хлопец трудящийся, спасибо, что помогает колхозу...

Кондрату хотелось бы рассказать про это Ромке, но подумал: разболтает все Сеньке, потом еще начнут насмехаться... И промолчал.

(Окончание в следующем номере.)

МАСТЕРА ВКЛЮЧАЮТ ТОК

КРАСНЫЕ ГАЛСТУКИ НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

С самого утра большой двухэтажный дом средней Кашкемарской школы гудел, как муравейник. Но особенно были возбуждены ребята седьмого класса «А». Шутка ли сказать, их класс первым дежурит на школьной электростанции!

Это право было завоевано большим трудом: ребятам пришлось сдать экзамен по движку «Л-3», научиться ставить столбы, тянуть линию, паять и сращивать провода.

По дороге на дежурство Володя Ефремов догнал одноклассницу Фаину Лукьянову.

— Ты чего бежишь? Еще рано! Николай Васильевич сказал, чтобы к пяти часам пришли.

— Не терпится,— призналась Фаина.

Когда они подошли к рубленому домику электростанции, там уже собрались почти все ребята их класса...

— Почему я тебя не видел? Ты где шел? — спросил Володя своего закадычного друга Колю Киртаева, который сегодня был в группе монтеров.

Тот отмахнулся.

— Я домой и не ходил!

Ровно в пять часов пришел преподаватель по машиноведению Николай Васильевич Шитов. Он вручил дежурным — Володе и Фаине — ключи от станции.

— За работу!

И вот дверь электростанции открыта.

Дежурные монтеры Коля Киртаев и Юрий Рыбаков взяли когти для лазания по столбам, широкий пояс, провода, изоляционную ленту, плоскогубцы — полное монтерское снаряжение.

Саша Александров и Коля Смирнов вооружились электрической пилой.

Так уж заведено, что во время работы электростанции ребята пилят дрова для школы.

Володя Ефремов вместе с Фаиной Лукьяновой вошли в «машинный зал».

— Ты помнишь, как все это делается? — спросила Фаина товарища.— Я тетрадку взяла, у меня там все записано.

Володя засмеялся.

— Ну, здесь шпаргалки не помогут!

Фаина взяла банку с бензином, подошла к бачку. Володя остановил ее:

— Воронку возьми. Видишь, на стене висит.

— Знаю, а то карбюратор засорится.

— Не карбюратор, а жиклер! — Володя отвернул пробку и стал заливать в картер масло.

Фаина вытянула щуп. Ей хотелось показать Володе, что она знает, как проверяют уровень масла.

— Долей еще! Не дошло до зарубки!

Володя работал уверенно, но девочке показалось, что эта уверенность нарочитая. Ведь он, конечно, тоже волновался. С чего бы ему охрипнуть, когда, закончив заправку, он попросил:

— Пойди посмотри, подключили пилу?

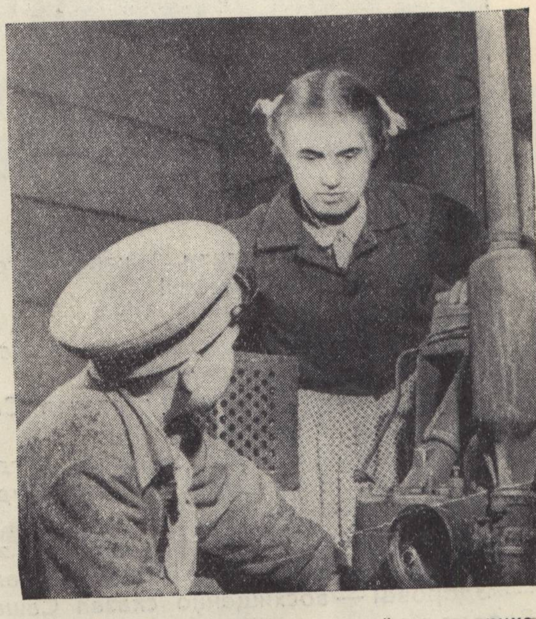
Фаина прошла за мастерские, где пилили дрова. Коля Смирнов крикнул ей:

— Чего вы там копаетесь?

— Кто копается? — обиделась Фаина.— Уже все готово. Вы подключили пилу?

— Подключили. А вот вы не забыли в радиатор воды налить?

Фаина не ответила. Она знала, что Смирнов придирается потому, что завидует ей.

Миля Добролюбова почти каждый вечер приходит на электростанцию: может быть, понадобится ее помощь.

— С пилой все готово! — сказала Фаина Володе.

Мальчик подошел к движку, дернул ручку. Движок не заработал. Володя устроился поудобней и быстро-быстро завертел ручку. Мотор не подчинялся.

— Мы что-нибудь забыли! — испуганно сказала Фаина. Она быстро раскрыла тетрадь.— «Причины неисправности движка»...

— Перестань! — крикнул Володя.

Фаина отбросила тетрадь и стала вспоминать:

Юре Рыбакову и Нине Соловьевой надо проверить проводку.

— Горючее мы налили, карбюратор исправный, магнето работает!

— Стоп! Смотри!

И Фаина увидела, что проводник с магнето не надет на свечу.

Хлопнула дверь, и в комнату влетел Саша Александров.

— Николай Васильевич спрашивает, когда вы заведете. Может быть, у вас что-нибудь не получается?

— Все получается! — Володя дернул за ручку, и движок оглушительно затарахтел.

— Здорово! — восхищенно сказал Саша.

Володя махнул рукой Фаине, чтобы она включала рубильник.

Одно движение — и над большой приборной доской вспыхнула яркая электрическая лампочка.

...Ровно год тому назад школа получила для физического кабинета движок «Л-3». Движок решили тут же опробовать. Преподаватель по машиноведению Николай Васильевич Шитов быстро его завел. Вспыхнула электрическая лампочка. Она сразу затмила керосиновую лампу, которая тут стояла.

— Вот бы нам такой свет в классы! — мечтал тогда Валерий Ласточкин.

— А это нетрудно сделать! — сказал Николай Васильевич.— С этим движком можно настоящую электростанцию оборудовать.

— А где помещение взять? — вздохнул директор школы Иван Матвеевич Горохов.

— Вы только лес достаньте. А домик мы сами срубим! — сказал Валерий Ласточкин.

Ребята из десятого класса поддержали своего товарища. А через несколько дней ребята шкурили бревна, возводили сруб, настилали пол, вставляли рамы, навешивали двери.

Пришлось им поработать и каменщиками. Фундамент, на который поставили движок, они сделали сами.

Так вырос недалеко от двухэтажного здания школы рубленый домик электростанции.

Пока шли работы, Николай Васильевич Шитов учил ребят ставить столбы, натягивать провода, монтировать патроны для электролампочек, розетки и выключатели.

Потом ребята составили план для будущей линии, и скоро двадцать пять столбов с новыми белыми изоляторами зашагали по деревне.

Разве забудут ребята 1 января 1958 года, когда в школе загорелось электричество!

Свет был дан и в правление колхоза, и в больницу, и на животноводческую ферму, в сельпо, в столовую...

За окном стало совсем темно.

— Володя, наверное, уже пора включать свет?

— Пора!

Фаина перекинула второй рубильник. Контрольная лампочка над щитком вспыхнула и тут же погасла.

Едва-едва теплилась в ней красная ниточка спирали.

Девочка удивленно смотрела на лампочку и не могла ничего понять.

— Включила?

— Да, но лампочка не горит! — Фаина нетерпеливо постучала согнутым пальцем по вольтметру. Стрелка упрямо стояла на одном месте.

Володя выбежал к монтерам.

— Ребята! Света нет на линии.

— Наверное, где-то замкнуло! — сказал Коля Киртаев.— Идем, Юра.

«Когда это они обойдут линию? — подумал Володя.— И надо же такому приключиться в первое дежурство!»

— Фая, наверное, надо Николая Васильевича позвать.

Фая вздохнула.

— Сейчас позову.

Но тут на электростанцию пришла Миля Добролюбова. В прошлом году она училась в десятом классе и не раз дежурила на станции. Ей не терпелось узнать, как ребята начнут свое первое дежурство, сумеют ли справиться. Надо ведь написать Валерию Ласточкину, Леониду Казакову и Виктору Казанцеву, которые после учебы уехали работать по комсомольским путевкам на строительство железной дороги Тайшет — Абакан.

— Как дела? — спросила Миля.

Фаина пожала плечами.

— Я включила рубильник, а свет не горит!

— А пила работает?

— Работает! — ответила Фаина.

— Тогда все в порядке! — засмеялась Миля.

Она подошла к движку и прибавила обороты.

Лампочка загорелась.

— Ой, спасибо, спасибо, Милечка! — запрыгала Фаина.

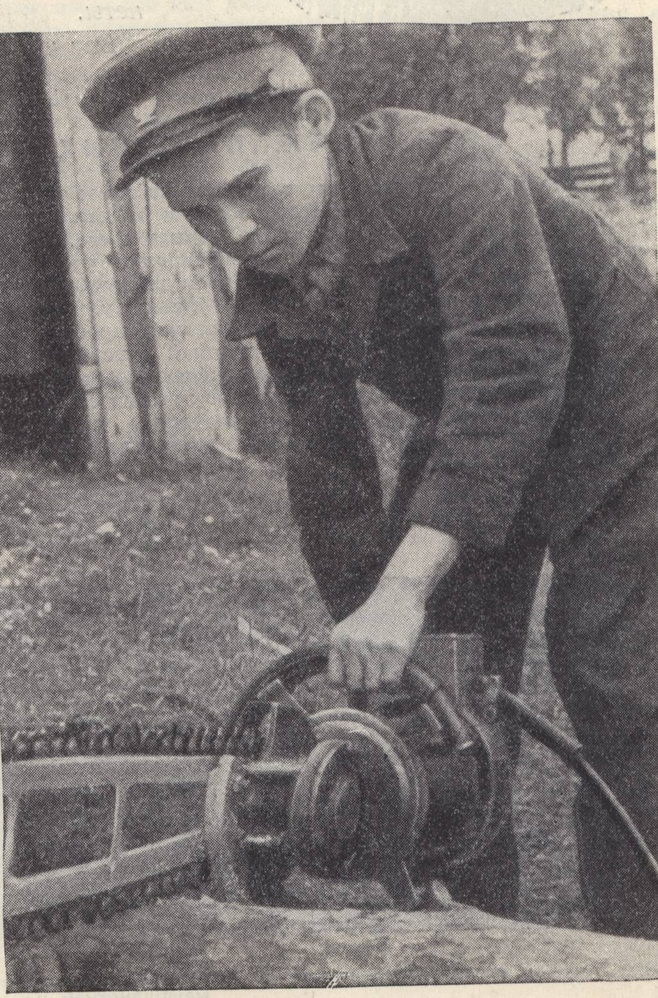
— Ничего. Научитесь. С нами тоже такое бывало.

Недавно высоковольтные опоры с Куйбышевской ГЭС подошли к полям колхоза. Ребята помогали монтажникам. Они соединяли болтами фермы, собирали изоляторы.

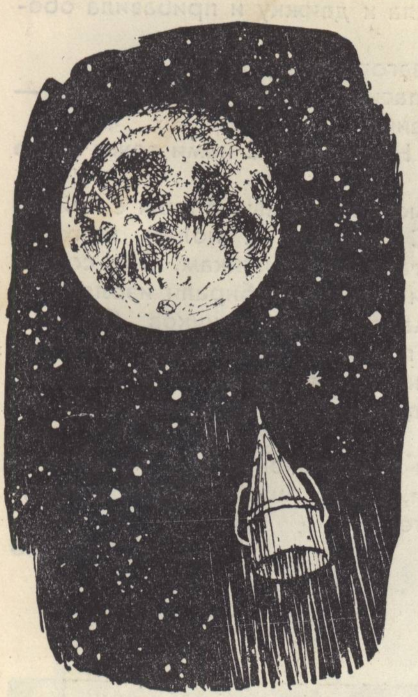
У кашкемарских школьников большие планы. Они помогут полностью электрифицировать не только свою, но и соседние деревни: Сидельниково, Уржумку, Иван-Беляк, Липшу.

Школьники-электромонтеры с нетерпением ждут дня, когда можно будет приступить к работе.

В. СТЕПАНЕНКО

Вот что значит техника! Электрической пилой Саша Александров может за час распилить больше двух кубометров дров.

Первые

С удивительным чувством смотрим мы на Луну! Где-то там на ее безмолвных равнинах под черным небом, с которого светит Земля, лежит наш вымпел — земной металлический предмет. Руки советских людей создали его и высекли на нем славное имя Советской страны.

Вслед за этим произошло еще более важное событие: к Луне помчалась еще одна советская ракета — с автоматической межпланетной станцией на борту. Она облетела вокруг спутника нашей планеты, обследовала, что скрывается на его никогда не виденном полушарии, и вернулась в окрестности нашей планеты.

Вот что говорят об этих замечательных событиях ученые.

ЭПОХА МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПОЛЕТОВ

Хотя Луна — и самое близкое от нас небесное тело, но мы еще очень многого о ней не знаем, многое остается спорным и даже неведомым. Например, мы строили догадки о магнитном поле Луны, а его, оказывается, нет. О лунной атмосфере шли споры: сначала утверждали, что разреженный газ на Луне имеется, потом на основании более новых данных, полученных с помощью радиоастрономических наблюдений, пришли к выводу, что среда у лунной поверхности ничем не отличается от среды межпланетного пространства. Теперь многие споры приходят к концу, так как выброшенный ракетой контейнер с научными приборами, приближаясь к Луне, позволил шаг за шагом прозондировать пространство на всех высотах над поверхностью лунных скал.

1959 год, год запуска трех космических ракет в нашей стране,— начало эпохи практического осуществления межпланетных перелетов. Дух захватывает, когда думаешь об этом!

В. В. ШАРОНОВ,
директор астрономической обсерватории
Ленинградского государственного университета

Так выглядела искусственная комета — вспышка натриевого облака, выпущенного второй межпланетной ракетой.

встречи с Луной

ЛУНА — КОСМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Впервые ракета — предмет, созданный руками жителей Земли,— попала на другое небесное тело. Это событие представляет громадный интерес с точки зрения техники. Это подлинный триумф в технике: чрезвычайно трудная задача — направить ракету с такой точностью в заранее заданный момент времени так, чтобы она попала как раз в назначенное место. Но это событие важно и в других отношениях: Луна может служить нам лучшей космической лабораторией, о какой можно мечтать. И этим не исчерпывается вся значимость первого соприкосновения с Луной,— мы, астрономы, начинаем исследовать Луну не вприглядку, как это было до сих пор. Луна — родная сестра Земли, и, изучая Луну, мы тем самым будем познавать и земные закономерности.

Г. А. ЛЕЙКИН,
ученый секретарь Астрономического совета

ЧТО ИНТЕРЕСУЕТ БИОЛОГОВ НА ЛУНЕ

Межпланетные полеты позволят нам познакомиться с формами жизни на других планетах. На разных планетах различные условия существования, и можно предполагать, что приспособление живой материи к этим условиям там происходит иначе, чем на нашей планете. Вот почему первые космонавты могут встретить на других планетах такие свойства живой материи, такие проявления жизни, которые помогут нам более достоверно представить себе, как произошла живая материя.

Но если на другие планеты будут занесены с Земли различные микробы или споры растений, то неизвестно, какое влияние они окажут на их живой мир. Микроорганизмы могут приспособиться к новым условиям и быстро размножиться, поэтому можно ожидать, что часть земных микробов выживет на чужой планете. И тогда научные исследования окажутся ошибочными. Вот почему советские ученые позаботились, чтобы на Луну не попали земные микроорганизмы, которые потом могли бы быть приняты за лунные.

П. К. ИСАКОВ,
кандидат биологических наук

Полеты, которых не было

Луна! Уже много столетий мысль, фантазия, мечта человека устремлялась к этому небесному телу, такому далекому и в то же время самому ближнему из всех.

В шутку и всерьез, в стихах и в прозе, в сатирических трактатах и в фантастических повестях совершали свои путешествия на Луну ученые, философы, романисты разных веков и стран.

Живший в XVII веке поэт Сирано де Бержерак, большой мыслитель и веселый насмешник, описывает жизнь на Луне и свое путешествие туда в книге «Иной свет или государства и империи Луны». Сначала он пробует взлететь с помощью бутылочек, на-

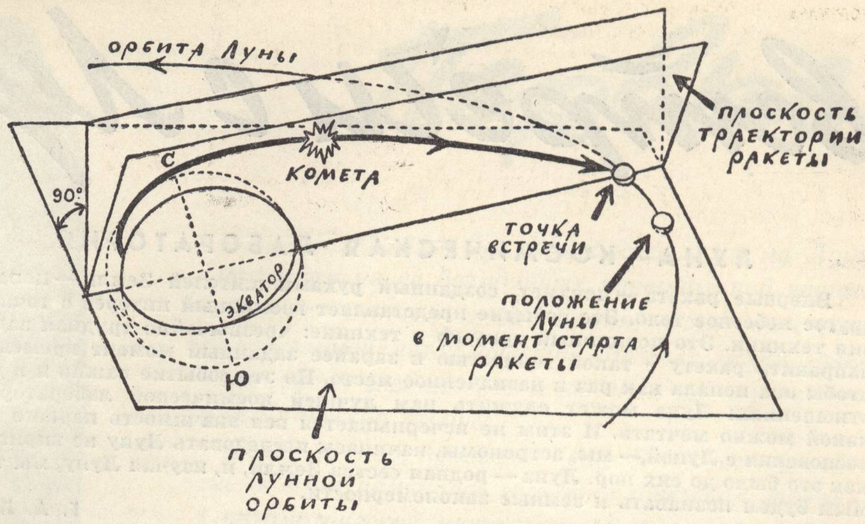

полненных росой, которая будто бы притягивалась Луной.

Опыт оказался неудачным, и Сирано, уже поднявшись выше облаков, упал на Землю. Тогда он построил машину, которая взлетела силой подожженных в ней фейерверочных ракет. Не думал Сирано де Бержерак, что в этой шутке заключается пророчество и что три столетия спустя мощная ракета, уже не фейерверочная, окажется единственно возможным способом космических путешествий.

Добравшись до Луны, Сирано де Бержерак встречает юношу и узнает от него третий «способ» межпланетных путешествий. Юноша достиг Луны с помощью железа и магнита.

Подброшенный кверху магнит

Здесь нарисована схема пути нашей лунной ракеты; эта схема показывает, как труден был запуск. Легче всего было бы запустить ракету так, чтобы ее движение происходило в плоскости лунной орбиты. Для этого место старта должно было находиться близ экватора, но никакая часть советской территории не лежит ни на экваторе, ни вблизи него. Ракету пришлось запускать в плоскости, почти перпендикулярной плоскости лунной орбиты.

На этой схеме вы видите также, что ракету пустили не в ту точку, где находилась в тот момент Луна, а в ту, в которой Луна должна была находиться к моменту встречи.

И запускали ракету не тогда, когда Луна была видна на небе, а когда она была с противоположной стороны земного шара. Оказывается, при таком старте ракету можно было пустить под небольшим углом к горизонту и этим уменьшить вредное торможение земного тяготения.

Чтобы ракета встретилась с Луной, требовалась очень большая точность работы всех автоматических механизмов, а значит, и очень большая точность расчетов, с помощью которых ученые дали задания этим механизмам.

Ошибка в скорости на несколько метров в секунду повела бы к промаху. Ошибка в старте всего на полторы минуты повела бы к тому же. Но механизмы, как мы знаем, работали без ошибок, и встреча с Луной произошла.

ЛУННОЕ ЭХО

Если вы выйдете на площадь, на опушку леса или в горы и громко крикнете, через некоторое время вы услышите эхо. Это звук вашего голоса, отраженный от деревьев, скал или зданий.

А недавно на Землю пришло эхо от Луны. Но в пространстве между Землей и Луной воздуха нет. Без воздуха звук не распространяется, и, следовательно, не может быть звукового эха. Лунное эхо особенное, это — радиоэхо. Его заставил служить нам специальный прибор — лунный альтиметр. Когда нашей космической ракете осталось лететь до Луны тысячу километров, этот прибор начал

притягивал к себе железную машину. Сидевший в ней «космонавт» снова подбрасывал магнит, снова притягивался к нему, и так до самой Луны.

Девяносто четыре года назад Жюль Верн выстрелом из пушки отправил на Луну героев одной из своих чудесных книг, «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут».

Орудийным стволом служила глубокая шахта. Огромный снаряд, сделанный из драгоценного и редкого в то время алюминия, был брошен в космос силой взрыва колоссального заряда: ста шестидесяти тонн пироксилина, самой сильной взрывчатки тех времен.

Еще один мечтатель — Герберт Уэллс — в романе «Первые люди на Луне» знакомит нас с мистером Кейвором. Этот маленький, толстенький, рассеянный англичанин изобрел сплав кейворит, не подверженный силам тяготения.

Построив кейворитовый шар, изобретатель отправился в нем на Луну. Движение шара регулировалось подвижными шторами.

С той стороны, где Кейвор открывал одну или несколько штор, начинали действовать си-

посылать к Луне радиоволны. С помощью радиоэха измерялось расстояние, которое ракете оставалось падать до Луны.

• Слово «альтиметр» не новое. Так называют прибор, измеряющий высоту, на которой летит самолет. А теперь потребовались лунные альтиметры.

Измерять расстояние с помощью обычного эха нетрудно. Заметьте по часам, сколько времени звук вашего голоса путешествовал до препятствия и обратно. Разделите это время пополам. Скорость звука в воздухе известна — 330 метров в секунду. Если эхо пришло через две секунды, значит, до препятствия 330 метров. Так же и с радиоволнами. Только скорость у них — в секунду около 300 000 километров.

Мы сами можем сосчитать, с какой точностью работала аппаратура, если момент прилунения указан с точностью до секунды. К этому времени скорость ракеты была около 3 километров в секунду. А радиоволны при скорости 300 000 километров в секунду проходят трехкилометровое расстояние за одну стотысячную долю секунды. Вообразите же, как чувствителен должен быть прибор, отмечающий этот неуловимо короткий миг!

Ю. К. КИРИЛЛОВ,
радиофизик

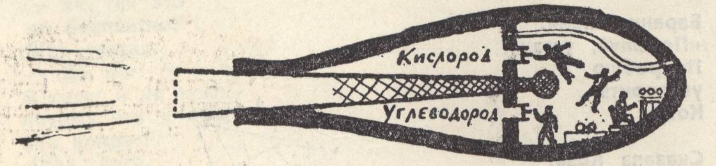
ВТОРЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

Третья космическая ракета, третья наша посланница в космическое пространство, в начале октября приблизилась к Луне на 7 000 километров, обогнула ее и, обследовав своими приборами никогда никем не виденную сторону Луны, снова вернулась к Земле. Теперь третья космическая ракета движется по орбите вокруг Земли и на некоторое время останется искусственным спутником Земли. Зачем нужно посылать ракеты в космос? Такой вопрос часто задают ученым.

Прежде всего надо сказать, для чего их посылать не будут. Их не будут посылать для заселения других планет. Если на Земле когда-нибудь станет тесно жить, дешевле и проще будет изменить поверхность Земли, сделать обитаемыми сперва всю сушу (сейчас ведь на всех материках много есть неудобных для жизни пространств!), а потом и дно океанов. Да, да! Легче приспособить для жизни подводное царство Земли, чем Марс с его разреженным воздухом и арктическим климатом или накаляемую Солнцем Венеру с ее ядовитой атмосферой.

А для чего же тогда все-таки межпланетные полеты? На этот вопрос ответить не так просто. Когда начинается новая эра в науке, на первых порах кажется, что практической пользы от этого нет. Так, например, было на заре эры электричества, когда делали свои опыты Ломоносов, Ампер и Фарадей. История науки показывает, что, как бы далеко и высоко ни забирался человек в своей ненасытной жажде знаний, эти знания, накопившись, всегда находят практическое применение. Изучение Луны, планет и межпланетного пространства дает знания, нужные для Земли и для жизни на Земле. Это новый переворот в земной науке и технике.

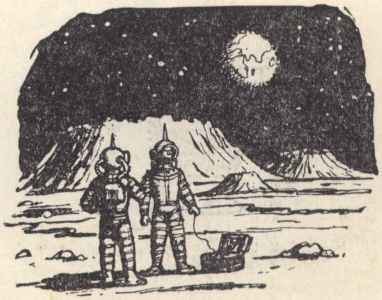
И. С. ШКЛОВСКИЙ,
доктор физико-математических наук

лы тяготения Луны, Земли или Солнца, двигая шар к Луне или тормозя его.

В конце концов шар «прилунился» в одном из лунных кратеров.

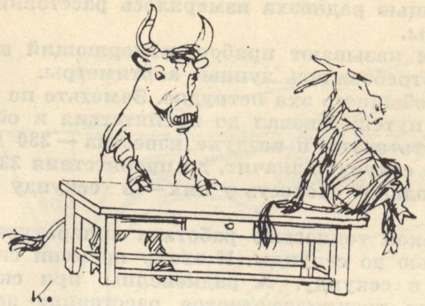
В 1916 году была напечатана маленькая, скромная, мало кем в то время замеченная повесть «Вне Земли». Герои повести первыми из всех фантастических героев достигают Луны в ракете. Мало того, они стартуют с искусственного спутника Земли! Это первая фантастическая повесть, предугадавшая будущее, точно и ясно предсказавшая пути, по которым в действительности пойдет наука о космических полетах. И не удивительно: ведь автором этой повести был не просто писатель-фантаст, а великий ученый Константин Эдуардович Циолковский, первый человек на Земле, доказывавший в своих научных статьях, что вылететь за пределы нашей планеты можно лишь с помощью снарядов-ракет, снабженных мощными реактивными двигателями. Фантастическая повесть «Вне Земли» в простой и доступной форме разъясняла то, что задолго до этого Циолковский излагал в научной статье «Исследование космического пространства реактивными снарядами».

Борис ЗАХОДЕР

(по Яну Бжехве)

Рисунки А. Каневского.

МУРАВЕЙ

Сказали Волу:
— Уважаемый Вол!
Отвезите, пожалуйста,
в школу
стол!

— Ну вот еще,
охота была!
Попрошу-ка я лучше
соседа,
Осла!

Осел подумал:
«Зачем мне мучиться?
Ведь в школах
ослы
не учатся.
Поручу-ка я это дело
Барану!»

Барану — лень.
«Пожалуй, устану.
Попробую
уговорить
Козу».

Сказала Коза:
— Ну что ж, отвезу!
А сама подумала:
«Странно!
Что же, я
глупее Барана!»

И пошла к Барбосу:
— Милый Барбос!
Ты бы
в школу
стол не отнес!

Барбос,
пожалуй бы,
не отказался,
да поблизости
Кот оказался.

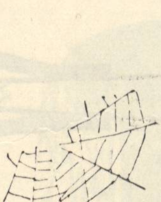
Барбос ему:
— Эй, ты, мышелов!
Ты что-то давно
не возил
столов!
Вот тебе стол,
лежебока.
Вези —
тут недалеко.
Отвезешь —
и в школу отдашь котят.
Котята, чай, тоже
учиться хотят!

Кот
пораскинул умишком
и отправился
в гости к мышкам.
— Отвезите стол,
мышиное племя,
не то
побеждаю
вами всеми!

У Мыши, известно,
кишка тонка.
Мышь
побежала искать Паука.

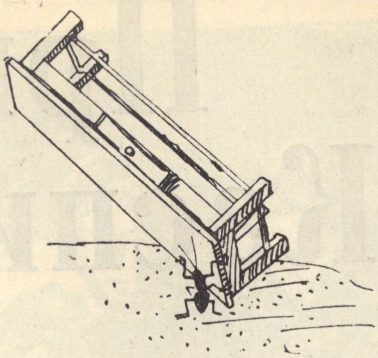
Но Паук
был
не в духе
и передал
поручение
Мухе.

Муха
к Муравью полетела.
— Слушай, есть интересное
дело!
Учебный год как раз подошел,
и надо в школу
доставить
стол!

Главное,
ваша братия
любит
такие занятия!
Муравей,
хоть ростом был невелик,
от работы
увиливать

не привык.
Он
уговаривать себя
не заставил:
взял стол
и в школу
доставил!

ЖУК

Жук жужжал
в густой осоке.
Вол лежал
на солнцепеке.
Жук
жужжал, жужжал, жужжал,
Вол
лежал, лежал, лежал,
а потом спросил:
— Скажите,
для чего вы так
жужжите?
Объясните,
милый Жук,
что дает вам
этот звук?

Жук
Волу ответил
с жаром:
— Да ведь я жужжу
не даром.
Это труд!
А труд дает
нам и славу
и почет!
— Ах, так это
не бесплатно!
Жук сказал:
— Да нет, понятно!
Я живу и не тужу,
потому что я жужжу.
Все вокруг:
поля, леса,
речка, луг
и небеса,
все дороги
и тропинки,
все листочки
и травинки —
словом,
все кругом —
мое!

Вол подумал:
«Вот житье!
Мне бы так!» —
подумал Вол.
И, когда домой пришел,
то, хоть дело было к ночи,
стал реветь
что было мочи!

Гул пошел по всей округе!
Прибежал народ в испуге:
— Как тебе не стыдно, Вол!
Не с ума ли ты сошел?
— А чего же мне стыдиться?
Я решил,
как Жук,
трудиться!

Я жужжу
и нахожу,
что неплохо
я жужжу!
— Ишь,
какой нашелся
жук!
Ну-ка, брат,
впрягайся в плуг!

Вол ужасно рассердился.
И едва освободился,
как помчался
мстить
Жуку.
Прибежал...
А Жук —
ку-ку!

Прыжок через Каспий

Евгений ЮНГА

От автора

Многие из вас, ребята, читали мою книгу «Бессмертный корабль». Матросы краснознаменного крейсера «Аврора» не только боролись за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде: в течение всей гражданской войны они сражались на самых решающих, самых опасных участках.

В сентябре 1918 года по приказу председателя Совета народных комиссаров В. И. Ленина из Кронштадта на Волгу для защиты ее устья и Каспийского моря были посланы корабли Балтийского флота — миноносцы, тральщики, подводные лодки. В составе команд этих кораблей были и моряки «Авроры». Один из них, машинист Николай Лукичев, командовал десантным отрядом.

Трудный путь совершили моряки-балтийцы, прежде чем достигли выхода в Каспий. Они провели свои корабли из Кронштадта по Неве в Ладожское озеро, затем по узким каналам через шлюзы старинной Мариинской системы (представляете, как сложно было вести по ним боевые морские корабли?!) на Верхнюю Волгу, к Рыбинску. На Волге балтийцы участвовали в ожесточенных боях — у Казани, Симбирска, Самары, Царицына.

Прорывом отряда кораблей из волжской дельты на Каспий и действиями десантных отрядов руководил Сергей Миронович Киров, тогда секретарь Астраханского комитета партии, член Реввоенсовета XI армии и комиссар Астрахано-Каспийской военной флотилии.

Вот этому-то прорыву на Каспий и взятию форта Александровского, важнейшей закаспийской крепости контрреволюционеров, и посвящена моя новая книга, «Выход в море». Она основана не только на исторических документах. Много лет назад я слышал живой рассказ об этих событиях от Василия Ошукина, бывшего бойца-пулеметчика из отряда Лукичева. Это было в день девятилетия Октябрьской революции на торжественном собрании экипажа парохода «Лейтенант Шмидт». Я служил тогда палубным юнгой. Рассказ моего первого учителя матросского дела, рулевого Василия Ошукина, о героических делах балтийцев стал основой книги.

Книга эта скоро выйдет в Детгизе. Здесь вы прочитаете главу из нее — о том, что́ предшествовало взятию форта Александровского.

...Приказ Реввоенсовета гласил: «Судам Южного речного отряда Астрахано-Каспийской флотилии и выделенному для поддержки их миноносцу за ночь пересечь море в северной части между волжской дельтой и полуостровом Мангышлак. Подойти перед рассветом к восточному берегу Каспия и с ходу овладеть фортом Александровским. Морскому отряду следовать на юг, к Порт-Петровску, чтобы отвлечь на себя внимание вражеского флота. Ходовых огней не зажигать, идти в полной темноте, радиопереговоров не вести, обеспечить как можно дольше скрытность выхода в море...»

Вот почему авроровец Николай Лукичев и его десантная группа — сто двадцать матросов-балтийцев, прошедших с боями от Кронштадта до Астрахани,— оказались вместе с Кировым на борту миноносца «Москвитянин». Вот почему миноносец идет сейчас головным кораблем Южного речного отряда.

До рассвета недолго. Чуть приметная светлая полоска — отражение еще невидимой зари — намечает черту горизонта перед кораблем, а на ее фоне словно чья-то рука лениво и небрежно вычерчивает извилистую линию берега.

Впереди — там, куда стремится миноносец,— неутомимо и часто, через ровные промежутки мигает призывный сигнал маяка.

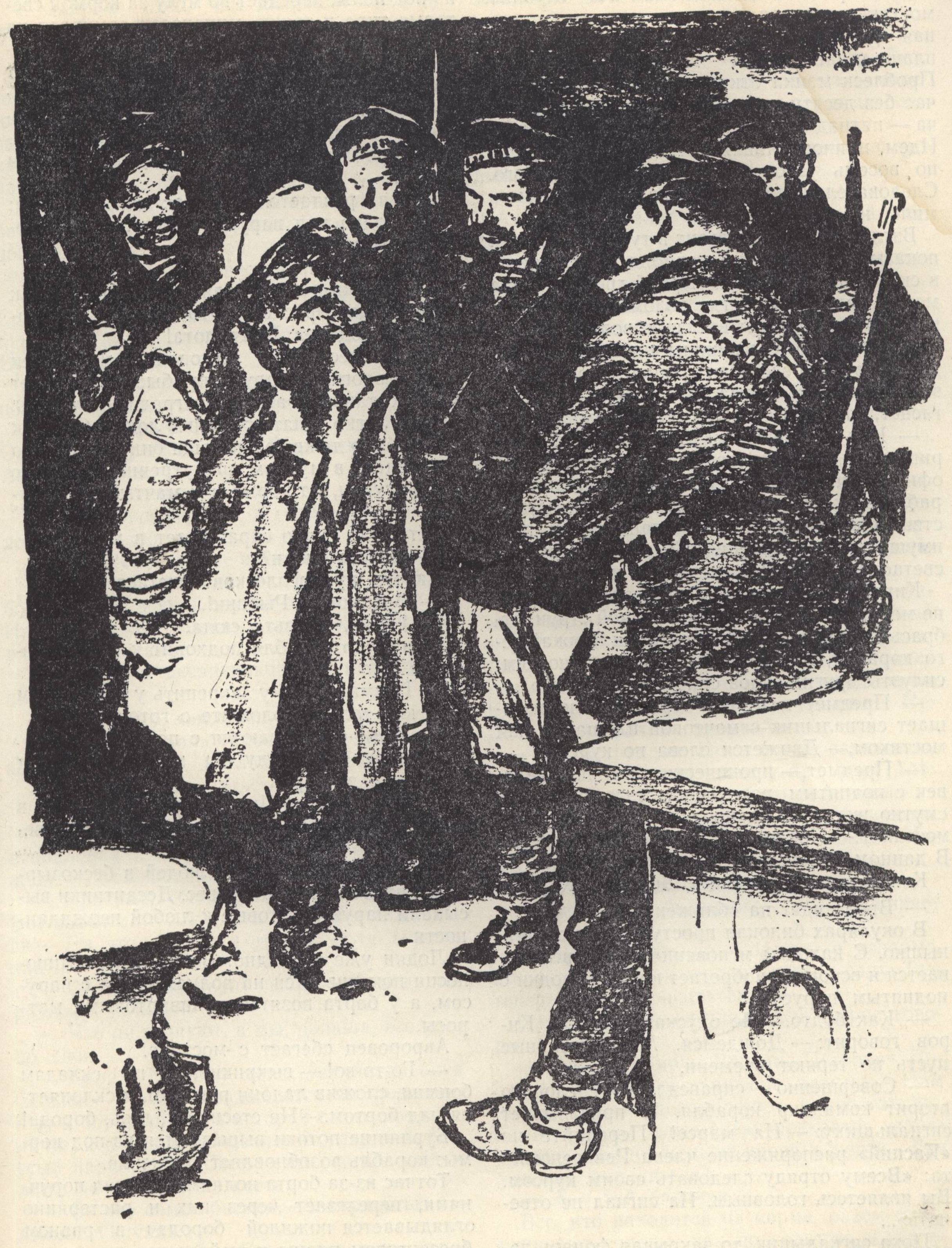

Рисунок П. Пинкисевича.

— Разрешите доложить...— Из глубины мостика направляется к трапу высокая, плотная фигура в поблескивающем клеенчатом плаще с капюшоном — командир корабля.— Проблеск маяка открыли ровно в два. Сейчас без десяти три. Дальность маячного луча — пятнадцать миль, проверил по лоции. Идем, приноравливаясь к движению отряда, по восемь узлов вместо двадцати одного. Следовательно, до берега не больше восьми миль, на час ходу.

Взгляд Кирова скользит в ту сторону, куда показывает командир корабля, и упирается в скалу, выступающую черной громадой над морем как раз там, где изломанная береговая черта переходит в плавно волнистую линию горизонта. С вершины скалы протянута далеко в море световая тропка. Она то исчезает в темноте, когда маячный прожектор гаснет, то снова стелется по волнам.

— Как я вечером докладывал вам, товарищ член Реввоенсовета,— с подчеркнутой официальностью напоминает командир корабля,— у нас два тактических преимущества: преимущество неожиданности и преимущество направления. Идем на восток, где светает раньше. Посмотрите за корму...

Киров и Лукичев оборачиваются, но сразу не могут различить в конце пенной струи, отбрасываемой винтами, очертания ближайшего корабля, идущего вслед за миноносцем; силуэты других судов сливаются с ночью.

— Предмет в море! — громогласно извещает сигнальщик с мачтовой площадки над мостиком.— Движется слева по курсу!

— Предмет,— иронически повторяет человек с поднятым воротником (это штурман, смутно видимый на противоположном краю мостика).— Предметы бывают разные. В данном случае судно под парусом.

Командир протягивает бинокль Кирову.

— Вроде идет на сближение.

В окулярах бинокля проступает серое пятнышко. С каждым мгновением оно увеличивается и вскоре приобретает контуры лодки с поднятым парусом.

— Как будто.— Не опуская бинокля, Киров говорит: — Дождемся. Мы. Остальные пусть не теряют времени.

— Совершенно справедливо,— деловито вторит командир корабля. И приказывает сигнальщику: — На марсе! Передайте на «Каспий» распоряжение члена Реввоенсовета: «Всему отряду следовать своим курсом. Вы являетесь головным. На сигнал не отвечать»...

Пока сигнальщик, то закрывая фонарь-летучку полой бушлата, то выставляя фонарь из-под полы, передает во мглу за кормой световые тире и точки, миноносец замирает на месте. Вскоре из темноты за кормой надвигается и грузно проплывает мимо него силуэт двухтрубного ледокола, похожий на призрачное видение. На нем ни огней, ни голосов. Следом, строго соблюдая дистанцию, проплывают один за другим еще три силуэта.

Снова раздается возглас сигнальщика:

— Лодка под парусом меняет курс! Уходит к берегу!

Лукичев фыркает:

— Чудаки там, что ли?.. Им до нас, как ребенку до взрослого. Это же один из первейших ходоков Балтфлота!

Через несколько мгновений миноносец мчится вдогонку паруснику, быстро обгоняет его и останавливается, преградив ему путь. Теперь легко узнать рыбачью лодку. Она так близко, что даже без помощи бинокля можно разглядеть в мутном предутреннем сумраке две фигурки, на корме и у мачты под парусом.

Штурман гулко спрашивает в мегафон:

— Что за люди?

Сквозь шум всплесков долетает:

— Здешние!.. Рыбаки!..

— Ну-ка, правьте сюда!

Командир корабля подходит к обвесу мостика.

— Боцман! Лодку закрепить у борта. Дам ход, как только доложите о готовности.

— Есть! — отзываются с палубы.

И вдруг отовсюду на мостик долетает щелканье затворов.

— Еще что?..— Лукичев всматривается в редеющий сумрак.— Ага, мои орлы зашевелились.

Верхняя палуба полна людей в бескозырках, с винтовками наперевес. Десантники высыпали наружу, готовые к любой неожиданности.

Лодки уже не видно. Возле кормы миноносца покачивается на волнах мачта с парусом, а у борта возятся со швартовыми матросы.

Авроровец сбегает с мостика.

— Го-то-во! — выкрикивает по складам боцман, сложив ладони рупором, и склоняется над бортом.— Не стесняйся, лезь, борода!

Бурлящие потоки вырываются из-под кормы: корабль возобновляет движение.

Тотчас из-за борта поднимается над поручнями, перелезает через них и растерянно оглядывается пожилой бородач в рваном брезентовом плаще и зюйдвестке.

Лукичев выступает навстречу ему.

— Здорово, отец. Чем дышишь? Почему от нас убегал?

Бородач внезапно падает на колени:

— Отпустите, господин начальник! Не за себя прошу, ради внука Сеньки. Запорет его комендант на форту. Ошибся я, не видал, что вы с пушками. Показалось, что пароход с товарами из Гурьева. Хотел за ним в бухту идти прикупить спичек и табаку...

Недоумевающие десантники обступают рыбака. Лукичев и подоспевший Ошукин с трудом поднимают его: он упорно стремится опять упасть на колени.

— Да ты что?! — сердится авроровец.— Спятил — на коленях стоять! При царе и при буржуях не настоялся? Вставай, говорю! Будь человеком!

Рыбак, повинуясь, встает, затем с покорной безнадежностью опускает голову.

— Из Гурьева, думал? — ухмыляется Ошукин.— Крепко прошибся, папаша. Из Астрахани мы.

— Сдалась-таки...

Лицо рыбака угрюмо, в голосе нет ни радости, ни одобрения.

— Кому сдалась? — изумляется Лукичев.

— Колчаку, выходит,— мрачно отвечает бородач и на всякий случай оговаривается:— Или Деникину. Вы сами чьи, колчаковские или деникинские?

Под смешки десантников Ошукин справляется:

— По-твоему, как: хрен редьки слаще?

На лице бородача такое выражение, словно он ослышался, в глазах укоризна.

— Не грех насмехаться вам?

Теперь смеются все на корме.

— Или, может, вы красные? — Бородач исподлобья осматривается, опасливо продолжает: — Большевики? Или коммунисты?

— Красные, большевики, коммунисты... Вот насчитал! — Лукичев перестает улыбаться.— Да это — одно и то же, если хочешь знать.

— Ой ли? — не верит рыбак.— А люди поразному толкуют.

— Что ни толкуют, а мы, папаша, все равно свои.

— Свои?.. Своих у меня старуха да внук Сенька.— Рыбак оглядывается на привязанную к борту лодку, в которой стоит спиной к мачте, испуганно и любопытно озираясь, безусый парнишка.— Свои — это когда людям жить не мешают на свете.

— За это самое бьемся,— с гордостью заявляет Ошукин.

— А сейчас что? — Горько вздохнув, бородач высказывает наболевшее: — Рыбаль под бережком, да и то ночью, чтобы господин комендант поручик на форту не дознались... Спокон веку мы промышляли тюленя на острове Кулалы. Так и туда не велено. Вот тебе и свои! Кто дальше трех верст в море сунется, пятьдесят шомполов на первый раз, а на второй...

Рыбак выразительно ведет рукой вокруг шеи. Жест предельно ясен.

— Так пойдем к начальству.

Авроровец кладет тяжелую ладонь на плечо рыбаку.

Десантники расступаются, открывая стоящего позади них Кирова.

— Начальство-то здесь...

Бородач стаскивает с головы зюйдвестку.

— Надень, надень, старик. Не перед иконой.

— То-то, что не перед иконой,— бормочет рыбак.— Икона, господин-товарищ, снесет обиду, а человек не всякий.

Киров, усмехаясь, направляется к поручням, заглядывает в лодку, убеждается, что на дне ее, у ног парнишки возле мачты, трепещут рыбины, протягивает руку бородачу:

— Познакомимся, мудрец закаспийский. Моя фамилия — Киров.

— Ну?! — удивляется тот, позабыв назвать себя.— Слыхал одним ухом. Вчера на форту беляки похвалялись, что не сегоднязавтра возьмут Астрахань и повесят всех коммунистов вместе с главным комиссаром Кировым!.. В самом деле вы красные? Неужто из Астрахани прорвались?

— Из Астрахани. Пока белые зарятся на нее, мы постараемся взять у них форт Александровский. Все-таки назовись, старик.

— Зовут Василием Петровым Малеевым. Возьмете форт. Никак не ждут беляки. Ихних кораблей сейчас нет в бухте.

Десантники сдвигаются теснее.

— Гарнизон большой? — расспрашивает Киров.

— Душ с полтыщи. Солдаты в казарме, а начальство с полверсты к югу, в саду. Там теперь яблони расцветают.

Громко, чтобы слышали все, Киров говорит:

— Просим помочь, Василий Петрович. Посланы рабоче-крестьянской властью. Нам важно первым делом занять радиостанцию. Если займем, белые сразу прекратят сопротивление. Будет меньше крови и жертв... Где удобнее высадиться?

— А у той балочки...

Все, кто находится на корме, разом поворачивают головы, как подсолнухи вслед за солнцем. Небо над Закаспием посветлело.

— Видите?..— Бородач ведет рукой вдоль зубчатой линии берега.— Не доходя версту до маяка. Там, где чернее всего. Это вход в балку. По ней самое удобное пробраться через полынь до бугра. Поднимитесь на бугор, за ним еще с полверсты пройдете через пустошь — и упретесь в дом, где станция беспроволочного телеграфа. Могу проводить.

Он с готовностью ждет.

— Спасибо, но просим оказать другую услугу.

Киров достает из полевой сумки, набитой бумагами, блокнот и, прислонясь к поручням, торопливо пишет:

«...Гарнизону форта Александровского... Перед вами стоят моряки Советской России. Пришли к вам не как к врагам, а как к оторванным сынам свободной России и предлагаем вам, во избежание всяких неприятностей для вас, прекратить всякое сношение по радио и передать местному населению, что нами не будет причинено никакого вреда...»

Вырвав листок из блокнота, он вручает его рыбаку со словами:

— Эту записку надо срочно доставить коменданту форта. Предлагаем белым сдаться без сопротивления и кровопролития. До входа в бухту лодка пойдет на буксире.

Бородач берет записку, но мнется.

— Страшно, старик?

— Не за себя, за внука.

— Нам не доверишь?

— Сенька! — зовет рыбак и помогает пареньку взобраться на палубу.— Перебудешь, пока управлюсь.

Он тут же спускается за борт.

Миноносец уже поравнялся с кораблями Южного речного отряда и некоторое время идет возле них, пока штурман передает в мегафон приказ Кирова:

— Лодку возьмете на буксир! Задержитесь у ворот бухты и отпустите рыбака: он доставит на форт письмо с ультиматумом! Если до восхода не получите ответ, следуйте в бухту самостоятельно и высаживайте десант со «Спартаковца»! Капитулируют—входите в гавань немедленно! Группе Лукичева поручено овладеть радиотелеграфом!.. Увидите ракету — значит, радиотелеграф взят!..

Ветер доносит слова с мостика головного корабля: приказ понят.

Слегка накренясь под напором ветра, наполнившего парус, лодка скользит с волны на волну к борту ледокола «Каспий», а миноносец стремительно вырывается вперед и круто поворачивает туда, где глаза моряков ясно видят черную щель балки на пустынном берегу Мангышлака...

СТРАНА МОЯ ЛЮБИМАЯ!

Ты прекрасна, родная страна! Прекрасна «от природы» и еще прекраснее трудом и любовью твоих детей: русских, казахов, украинцев, белорусов, литовцев — всей разноязычной, многомиллионной семьи советских народов.

Несказанно хороши наши зеленые леса в вечном шуме мачтовых сосен и елей. А леса строек? Стальные каркасы растущих в небо домов-великанов? Разве не заставляют они радоваться могуществу наших людей?!

Море! Нет человека, чью душу оно не затронуло бы своей нескончаемой синью, своей непомерной и вечно изменчивой красотой.

А если это море волей и трудом народа плещется там, где из века в век калились под солнцем мертвые, бесплодные пески?

Человек украшает землю своим трудом, и труд делает человека прекрасным. Посмотрите картины художников, которые мы даем на трех цветных страницах.

Художники эти — дети разных народов, входящих в большую советскую семью. Каждая картина — кусочек жизни одной из наших республик. Латвия. Узбекистан. Казахстан. РСФСР. Азербайджан... Картины говорят о разном и все же об одном: прекрасна родная страна. Прекрасен советский человек в своем исполинском труде. Прекрасна жизнь, полная счастья, дружбы, сбывшихся мечтаний, трудовых подвигов!

«Какая высота!» Так назвал свою картину латвийский художник И. Зариньш. На картине — молодые строители-монтажники.

И правда: какая высота! В самое небо уперлись мощные опоры исполинской стройки, к самым облакам поднялись смелые юноши. Только стаи перелетных птиц парят вровень с зыбкой площадкой. Здесь слышны только птичий крик, да свист ветра, уносящего в сторону искры электрической сварки, да звонкая комсомольская песня.

Перевернем страницу. Перед нами картина узбекского художника Э. Тансыкбаева «Утро Кайрак-Кумской ГЭС».

Когда-то, в первые годы первых пятилеток, тоненькая ниточка стальных рельсов Турксиба — железной дороги, перерезавшей пустыню,— казалась чудом. Сегодня синее море разлилось в песках другой пустыни, у плотины Кайрак-Кумской ГЭС. Это море даст жизнь бесплодной земле, а линии высоковольтных передач понесут свет в кишлаки и энергию фабрикам, рудникам, заводам Узбекистана.

Картина К. Шаяхметова «В родном ауле» — короткий волнующий рассказ. Прозрачный воздух горного пастбища, старые войлочные кибитки — все родное, знакомое смуглолицему пареньку в городской одежде.

Он принимает пиалу из рук матери и ведет степенно разговор с отцом. Все как будто по-старому и в то же время совсем иное. Он уехал отсюда учиться маленьким пастушонком. Теперь в родной аул вернулся хороший колхозный ветеринар, и новенький диплом свидетельствует, что годы учения не пропали зря. Впрочем, может быть, у него диплом учителя? Может быть, и так. Во всяком случае, он вернулся сюда, в родной аул, этот парень с комсомольским значком на пиджаке, чтобы отдать свои знания своей земле, своему народу, служить ему честным, вдохновенным трудом.

Картина С. Фролова «Геологи» говорит о том, что каждый день происходит в самых различных уголках нашей страны, от Чукотки до Карпат, от Урала до Памира. Тысячная армия геологов — молодых и седоголовых, дерзких, упрямых, презирающих усталость, холод, опасности — шаг за шагом ведет наступление, ищет и находит новые богатства недр.

Картина азербайджанского художника М. Рахман-Заде называется «Остров семи кораблей», и когда-то этот остров на Каспии тем и был знаменит, что по берегам его валялись обломки семи разбитых штормом рыбацких судов. Сейчас это остров нефтяных промыслов. Кружевной лес вышек вздымается над плоским берегом и зелеными волнами: стальной лес, выращенный руками людей, добывающих черное золото, нефть. Нет прекраснее нашей Страны Труда. Правда, ребята?

Е. РУБЦОВА

КАКАЯ ВЫСОТА!

И. Зариньш.

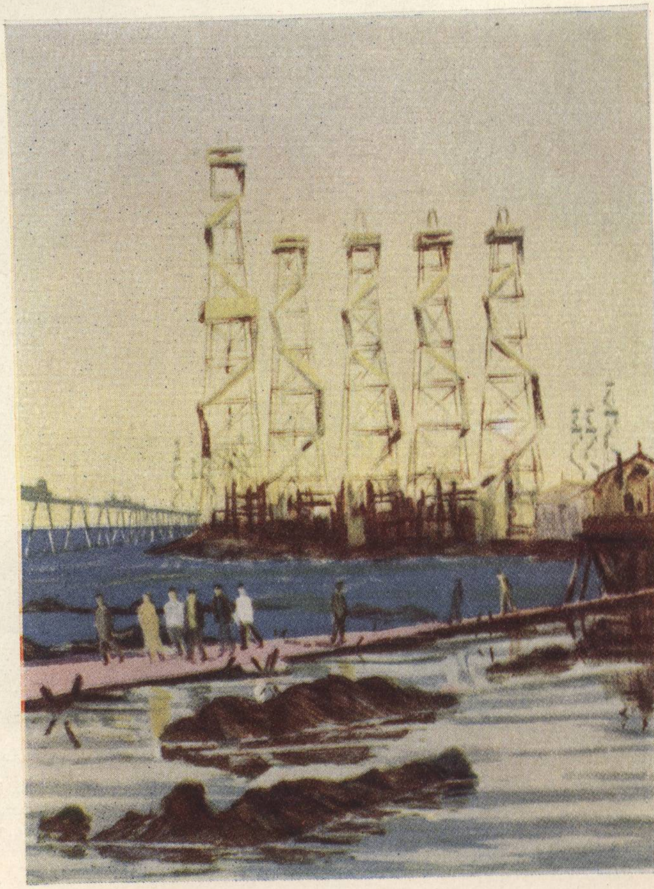
УТРО КАИРАК-КУМСКОЙ ГЭС. У. Тансыкбаев.

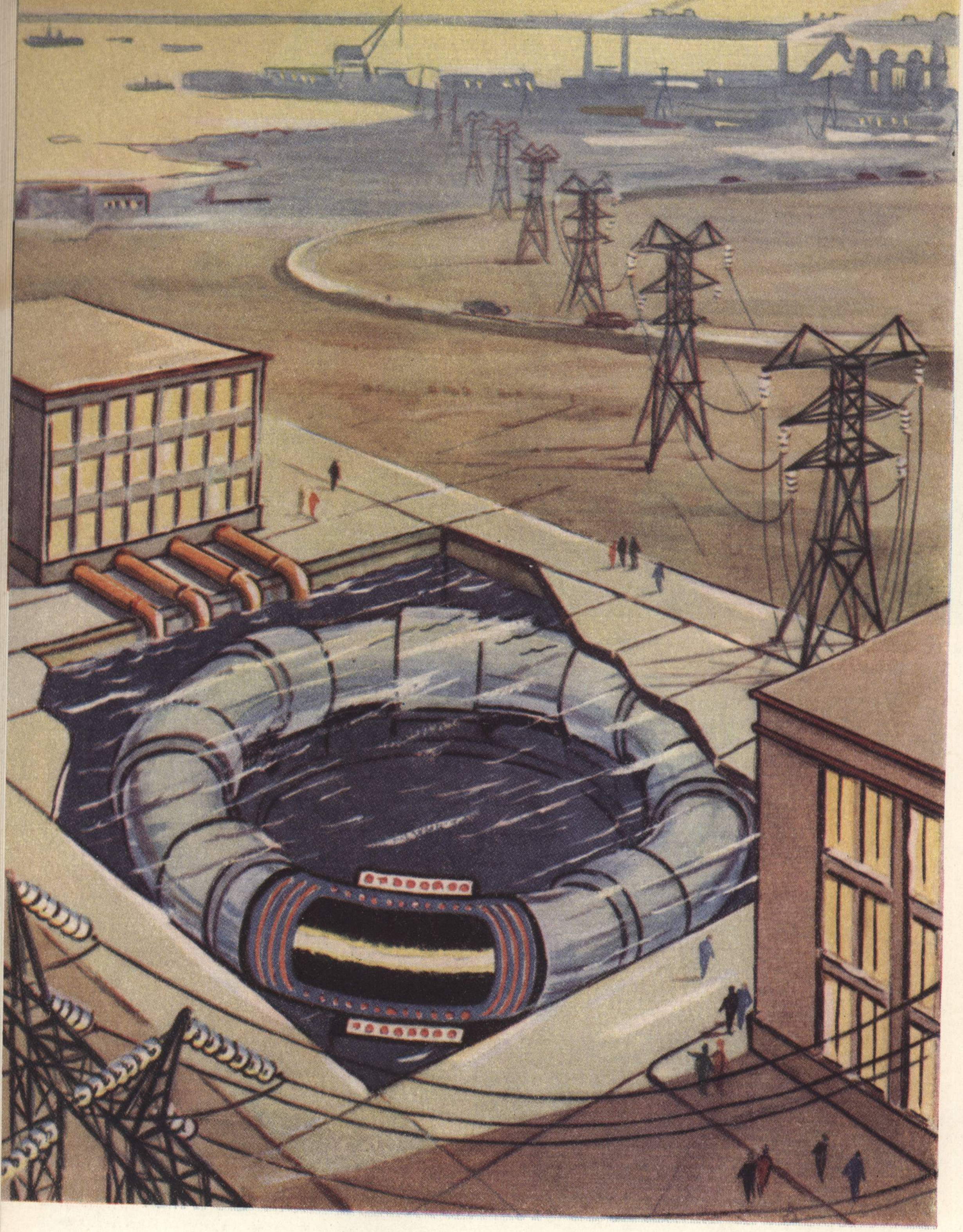
В РОДНОМ АУЛЕ. К. Шаяхметов.

СОВЕТСКИЕ ГЕОЛОГИ. С. Фролов.

ОСТРОВ СЕМИ КОРАБЛЕЙ. М. Рахман Заде.

У этой электростанции нет ни гидротурбин, ни паровых котлов, ни атомного реактора. Никому из вас не приходилось видеть такую электростанцию. И не удивительно: это электростанция будущего — термоядерная. Ученые уже думают о таких электростанциях. Возможно, они будут устроены так, как нарисовал здесь художник О. Рево.

АТОМЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Л. ГОЛОВАНОВ

АТОМЫ ПОСТУПАЮТ НА СЛУЖБУ К АГРОНОМУ

Вспомните, как питается кит: он набирает полную пасть морской воды и процеживает ее сквозь усы. Вода вытекает, а мелкая рыбешка задерживается, и кит ее проглатывает. Корни растения тоже «заглатывают» воду вместе с растворенными в ней минеральными солями, а потом возвращают ее почве, но только уже чистую, без солей.

Растение, как насос, непрерывно качает воду — вверх-вниз, вверх-вниз,— и вода довольно быстро течет по его внутренним каналам. В дереве, например, она течет со скоростью восьми метров в час.

Но как же ученые узнали об этом и даже сумели измерить скорость течения воды в растении?

Обо всем этом рассказали радиоактивные атомы. Ничтожно малые, невидимые частички вещества, проникнув в глубь живого организма, многое сделали види-

мым. Они раскрыли то, что никаким другим способом не удавалось открыть раньше.

Сейчас нет такой области нашего хозяйства, где не применялись бы радиоактивные атомы. Служат они и в сельском хозяйстве: помогают познавать развитие растений, изменять их природу, повышать урожайность.

«КОЛЬЦЕВАНИЕ» АТОМОВ

Ученые метят, кольцуют птиц и рыб, и это помогает точнее узнать, где они зимуют, где размножаются, по каким воздушным и водным трассам путешествуют.

Давно мечтали ученые о том, чтобы как-нибудь пометить атомы и точнее исследовать их, проследить пути атома в различных веществах. Эта мечта казалась несбыточной фантазией до тех пор, пока двадцать пять лет назад французские ученые Ирен и Фредерик Жолио-Кюри не сделали замечательное открытие, получив в своей лаборатории из алюминия радиоактивный фосфор.

В химических реакциях атомы этого фосфора не отличались от атомов обычного. Но атом вновь открытого фосфора не только излучал радиоактивные лучи, но и был легче.

Объяснить это превращение можно, только заглянув в атом. Каждый атом состоит из ядра и вращающихся вокруг него частичек, несущих отрицательный электрический заряд,— электронов.

СТАНЦИЯ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ

В природе есть неугасимый источник энергии. Каждый день он нескончаемым потоком льет тепло на нашу планету. Это Солнце.

Ученые раскрыли тайну солнечного тепла. Оказывается, если соединить ядра легких атомов, то энергии выделится во много раз больше, чем при распаде ядер тяжелых элементов, который происходит в реакторе современных атомных станций. Такая реакция — ее называют термоядерной — совершается на Солнце. Ядра изотопа водорода-дейтерия (он в два раза тяжелее обычного водорода) сливаются друг с другом, образуя более тяжелые ядра гелия.

Дейтерий есть во всякой воде. Только его очень мало: на каждые шесть тысяч атомов водорода приходится примерно всего один атом дейтерия.

Энергия атомов дейтерия велика. Вот, скажем, в стакане воды немного атомов дейтерия, и все же энергии их достаточно для того, чтобы получить тепла больше, чем от шестидесяти литров бензина. Какая же огромная энергия заключена в реках, озерах, морях, океанах! Но соединять ядра дейтерия нелегко. Для этого нужна температура в несколько... сотен миллионов градусов.

Советские ученые нашли способ зажигать термоядерное «пламя». Пусть оно сейчас рождается всего лишь на мгновение, но это уже вспыхивает настоящее «солнечное вещество». Трудно поддерживать его горение, трудно им управлять, но это уже шаг к тому, когда неисчерпаемый океан энергии зальет нашу планету, сделает человека сказочно сильным.

Сейчас трудно точно представить себе, как будет выглядеть термоядерная электростанция. Возможно, что она будет такой, как показано на этой картине. В ее камере, похожей на баранку, будет пылать «солнечное вещество», сжатое магнитным полем в раскаленный шнур.

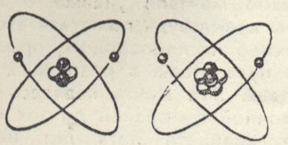
До сих пор на тепловых электростанциях, в том числе и на атомных, электрическую энергию получают через посредников: нагревают до кипения воду и ее паром приводят в движение турбины, а уж турбины заставляют работать генераторы. На электростанциях будущего термоядерная энергия будет сразу преобразовываться в электрическую. Электрический ток прямо пойдет в высоковольтную сеть.

Для охлаждения камера будет помещена в бассейн с водой. Нагретая вода будет приводить в движение турбины, обогревать заводы и дома.

Сейчас об этом можно лишь мечтать. Ученым предстоит большая и трудная работа, чтобы эту фантазию сделать реальностью.

Ядро складывается из положительно заряженных частичек — протонов и электрически нейтральных частичек — нейтронов. Протонов в ядре столько же, сколько и электронов в атоме. Число их не меняется. От него зависят химические свойства атомов.

Количество же нейтронов в ядре атома бывает разное. Например, в атоме гелия два протона, два электрона и два нейтрона. Но есть у этого атома родные

братья, которые имеют то четыре нейтрона, то три, а то и один нейтрон. Химически эти атомы гелия одинаковы, они словно близнецы — все на одно лицо, и вместе с тем они разные. Разные по весу.

В таблице химических элементов все четыре близнеца занимают одно место. Поэтому и назвали их изотопами. «Изотоп» — греческое слово, оно означает: «находящиеся на одном месте». Радиоактивный фосфор, полученный супругами Жолио-Кюри, был тоже изотопом.

Физики разных стран бросились на поиски новых искусственных атомов-близнецов. Оказалось, что радиоактивные изотопы могут быть у всех элементов. Сейчас таких изотопов известно больше тысячи, хотя химических элементов всего сто два.

Радиоактивность атомов стала той меткой, о которой мечтали ученые. Атомы стали «мечеными», за ними можно было наблюдать.

Радиоактивные лучи легко обнаружить. Они, так же, как рентгеновские лучи, проникают сквозь многие тела и оставляют след на фотопластинке; их можно обнаружить и специальными приборами — счетчиками.

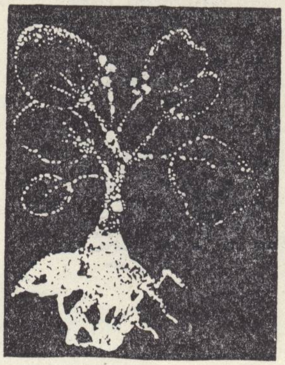
Самый тонкий химический анализ позволяет распознать примесь какого-либо вещества с точностью до одной миллионной доли грамма. Но и такая ничтожно малая «крупинка» вещества состоит из множества атомов. Так, например, в одной миллионной доле грамма серы содержится 20 000 000 000 000 000 атомов. Для краткости это число записывают так: $2 \cdot 10^{16}$.

А счетчик может обнаружить один-единственный «меченый» атом, попавший в какое-либо вещество. Вот как «внимательно» следят счетчики за «мечеными» атомами-близнецами! Ни одного из них не упустят.

«АВТОГРАФ» АТОМА

Ученые послали «меченые» атомы в глубь растения. Они проводили такие опыты: подкармливали дерево удобрениями, смешанными с радиоактивными изотопами.

Если бы человеческий глаз воспринимал радиоактивные лучи, как световые, то через некоторое время ученые увидели бы в саду на-

стоящую иллюминацию — это светились бы листья: туда перекочевали вместе с «пищей» радиоактивные атомы-разведчики. Но ученые, конечно, не увидели «меченых» атомов. Их обнаружил счетчик. Когда исследователи поднесли счетчик к дереву, он рассказал, где больше и где меньше скопилось изотопов.

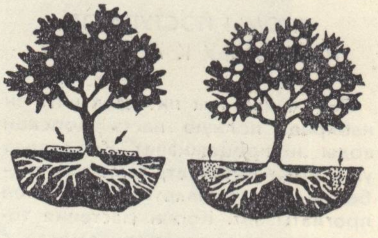
Еще точнее об этом рассказывает «радиоавтограф» растений.

Стоит положить растение на завернутую в черную бумагу фотопластинку — и излучения радиоактивных атомов засветят ее. Теперь остается только проявить пластинку и отпечатать снимок. Он наглядно покажет, как усваивают удобрения корни, листья и плоды растений.

Эти опыты помогли сделать очень интересное открытие. Они показали, что каждую ветку дерева кормит определенный корень.

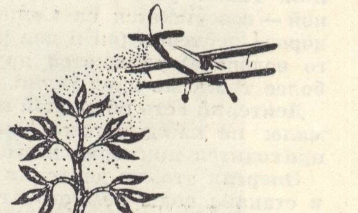
Если зарыть в ямку удобрения по одну сторону дерева, другая сторона его останется «голодной». Значит, дерево надо кормить равномерно.

Испокон века удобрения разбрасывали под деревом, а потом перекапывали землю. Изотопы, совершив путешествие по корням дерева, показали: питательные вещества из почвы всасывает не весь корень, а окончания корней — молодые, тонкие корешки, поэтому лучше всего вырыть вокруг дерева неглубокую бороздку и в нее положить удобрения.

«Меченые» атомы помогли проследить и за тем, когда лучше всего кормить растения и какой пищей. Кукурузу, например, следует кормить только до тех пор, пока она растет, а потом ей достаточно и тех солей, что есть в почве. А табаку совсем не нужны фосфаты: он прекрасно растет и без них.

Беря у растения «автограф» за «автографом», можно определить, как быстро усваиваются те или иные удобрения. Так, например, стало известно, что нанесенный на листья хлопчатника суперфосфат быстро разгоняется по всему растению, и вверх и вниз. Уже через час радиоактивный фосфор обнаруживается во всех частях расте-

ния. Больше всего его скапливается в созревающих коробочках.

Многие растения, когда у них завязываются плоды, перестают

забирать из почвы фосфор и другие соли, хотя они им и нужны.

Атомы-близнецы подсказали, что растение можно кормить не только через корни, но и через листья. Так и сделали: стали подкармливать его сверху, опрыскивая, опыливая, а иногда и окуривая.

«Некорневая подкормка» теперь широко применяется на наших полях.

Раньше думали: хочешь собирать хороший урожай, лей не жалей воду, чем больше, тем лучше. Так считали, пока радиоактивные атомы не «подглядели», что растения возвращают воду почве. Значит, растению не так уж много нужно воды. Надо только добавлять в нее побольше питательных веществ.

Атомы-близнецы приоткрыли перед учеными двери таинственной лаборатории, где из углекислого газа, воды и минеральных солей создаются сложнейшие органические соединения.

Давно было доказано, что растения «вдыхают» из воздуха углекислый газ, разлагают его на составные части: углерод и кислород — и, «выдыхая» кислород, обогащают им воздух.

Советские ученые академик А. П. Виноградов и Р. В. Тейс провели такой интересный опыт: они заменили в молекулах воды обычный кислород его радиоактивным близнецом и поили этой водой растения. Они выяснили, что растения выделяют «меченый» кислород, взятый не из воздуха, а из воды.

Углекислый газ поставляют растению не только листья, но и корни. Они берут его из почвы и посылают наверх — в листья.

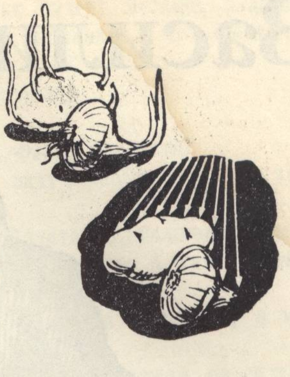
Эти открытия помогают агрономам понять природу растений и, улучшив уход за ними, собирать большие урожаи.

Вот, скажем, раньше считалось, что сахар образуется в корне сахарной свеклы. А «меченые» атомы разведали, что не в корне, а в ботве, в зеленых листьях. Корень — это только склад сахара.

«МЕЧЕНЫЕ» АТОМЫ ВЕДУТ ДАЛЬШЕ

Атомы-близнецы не только рассказали ученым о том, как живет растение, — они показали, что жизненными процессами в растениях можно управлять.

Небольшая доза радиоактивного облучения заставляет семена прорастать быстрее. А сильное облучение «оглушает» их, тормозит развитие. Поэтому лук, картофель и другие овощи, чтобы они дольше сохранялись, не прорастая,

«обливают» потоком радиоактивных лучей.

«Меченые» атомы помогли сделать еще одно открытие: оказывается, «продукция» зеленой лаборатории листа не всегда одна и та же, она меняется в зависимости от освещения. При красно-желтом свете, например, растения вырабатывают больше углеводов — крахмала и сахара, при синем — больше белков.

Кто знает, может быть, уже недалеко то время, когда люди научатся управлять зеленой лабораторией, а может быть, тщательно изучив все тонкости ее работы, смогут и сами создавать те вещества, которые сейчас умеют делать только растения.

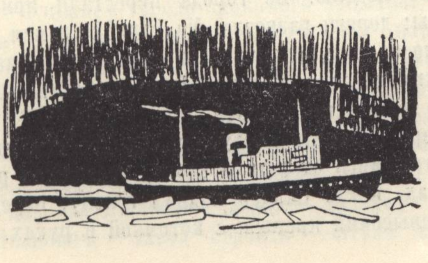
ЛЕДОКОЛ

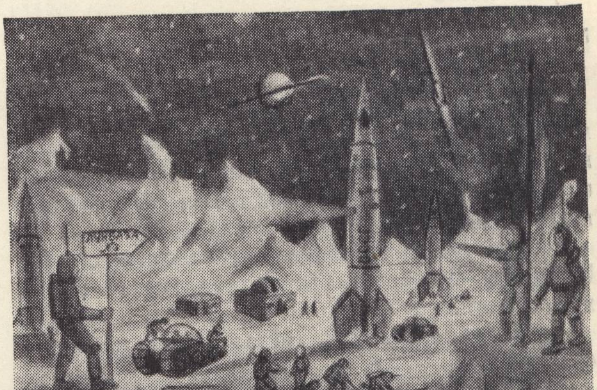
Корабль наш по морю идет.
Сурова здесь погода.
Кругом волна да белый лед.
Холодная природа.

Меж серых хмурых скал и льдин
Проходим под луною.
Корабль наш по морю идет
Дорогой ледяною.

На мачте вьется красный флаг,
Внизу стучат машины.
Он грудью режет толстый лед,
О борт скребутся льдины.

Боря Любимов, 10 лет.

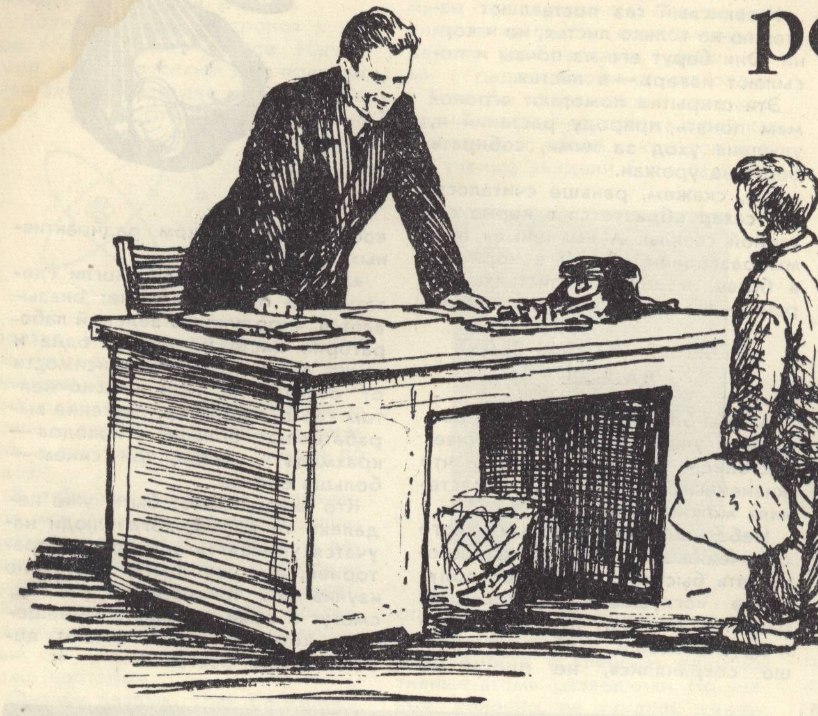
Лунная база. *Рисунок Толи Туркина, 12 лет.*

* * *

Мчится ракета к Луне,
Глуби Вселенной штурмуя,
Сделали в нашей стране
Люди ракету такую!
В новый, космический век
Смело шагнул человек.

Толя Трахтенберг, 12 лет.

Василий Филатович — романтик

Г. НЕМЧЕНКО

Рисунки П. Павлинова.

Все это произошло в Кузбассе, на строительстве металлургического завода, куда я приехал по заданию местной редакции. Мне только пришлось изменить фамилии — по причине, которую каждый, надеюсь, поймет...

Когда я вошел в кабинет к начальнику стройки Владимиру Ивановичу Сандеру, он кивком указал мне на стул:

— Посидите минутку, сейчас мы тут кончим с орлами...

«Орлы» искоса посмотрели на меня. Один — совсем маленький, похожий на Буратино: остроносый, лицо густо покрыто веснушками, большие уши смешно оттопырены. Другой — повыше ростом, лет двенадцати, коренастый. Высокий лоб, большие карие глаза смотрели серьезно, уверенно. Оба одеты в одинаковые серые куртки, кирзовые сапоги.

Прерванная моим приходом беседа возобновилась. Я прислушался к разговору.

— Так мы, значит, поручаем тебе шефство над Никитой, — деловито говорил Сандер старшему из ребят. — Смотри, чтобы он хорошо учился. А ты, Никита, конечно, должен бросить свои глупости. Сам понимаешь, какие теперь нужны рабочие.

Мальчишка, похожий на Буратино, усиленно закивал головой, покраснев так, что за румянцем на лице исчезли веснушки.

За него степенно, не торопясь, ответил старший:

— Ясно, дядя Володя.

Признаться, я не мог понять, почему Сандер занимается учебными делами каких-то ребятишек.

Когда начальник стройки проводил ребят до порога, пожав обоим руки, я сразу же, конечно, спросил, кто эти мальчики. Вот какую историю, происшедшую в прошлом году, я узнал.

Сандер как-то поздно засиделся в своем кабинете. За окном моросил нудный осенний дождь. Он шел уже неделю. Из города перестали приходить автобусы: дороги развезло. На стройке земля, изрытая самосвалами, окончательно раскисла. Казалось, маленький поселок строителей сплошь залило коричневатой глинистой жижей.

В дверь кабинета постучали. Сандер сказал «да» и, не отрываясь от ящика стола, продолжал рыться в бумагах. Когда Сандер поднял голову, перед ним стоял невысокий крепыш с котомкой в руках.

— Кто такой? — коротко спросил начальник.

Мальчишка правой рукой стащил шапку, легонько поклонился.

— Василий Филатович Орлов.

— Ага,— улыбнулся Сандер.— Все ясно. Зачем пожаловал, Василий Филатович?

— Я к вам, товарищ начальник стройки, на работу приехал, хочу завод строить.

Сандер с интересом оглядел мальчишку. Сибирская шапка из серого зайца. Новая синяя телогрейка, слишком просторная для паренька, промокла до нитки: на пол шлепались с нее тяжелые капли. Котомка сшита, видно, из старого полотенца. На ногах поношенные ботинки, совершенно сухие и чистые.

— Ты что ж, на машине добрался? — спросил начальник.

Мальчишка покачал головой:

— Нет.

— Как же ты шел по такой грязи?

Василий Филатович насупился, опустил голову. И Сандер догадался: от самого города, все двадцать километров, топал мальчишка босиком и только перед дверью в кабинет надел ботинки.

Владимир Иванович помог ему снять промокший ватник. На серой рубашке тускло блеснул маленький портрет Ленина на значке в белом металлическом ободке.

— Ну, давай, Василий Филатович, рассказывай, кто ты, брат, и откуда.

Вырос мальчишка далеко отсюда, на севере, в глухом таежном селе. Отца и матери не было, жил с бабкой. Совсем недавно взяли ее в дом для престарелых, и парнишка окончательно осиротел. Хотели его забрать в детский дом — не пошел.

— Может, пошел, а потом сбежал? — перебил начальник.

— Нет,— твердо ответил мальчишка.— Я сбегать не стал. Просто сказал, что не пойду,— и все тут.

Надумал Василий Филатович по-новому устроить свою судьбу. Посовещался с дружками и решил махнуть на какую-нибудь великую стройку. Как настоящий сибиряк, выбрал свою, сибирскую,— новый металлургический завод в Сталинске. Пошел посоветоваться с бабкой. Та поплакала, но решила отпустить внука. Только сказала, чтоб не забывал ее, письма присылал почаще. Сшила ему мешок, собрала его, дала на дорогу денег. Рассказала, как найти в ближнем городе знакомого лоцмана.

Плыл мальчишка сначала грузовым пароходом, потом ехал до Новосибирска на попутных машинах, оттуда до Сталинска везли его в служебном купе пожилые проводницы. Бабкины деньги тратил он только на еду, к концу месячного пути осталось у него в кармане еще целых восемь рублей.

— Да, брат, сложное дело,— вздохнул Владимир Иванович,— завод строить — штука хорошая! Но кто за тебя учиться будет? Четыре класса — это, Василий Филатович, маловато... Кем бы ты хотел работать?

Глаза паренька зажглись.

— На кране...

— Ну, вот видишь, факт, маловато!

Владимир Иванович задумчиво походил по кабинету, потом решил:

— Ладно, Василий Филатович, поживи-ка ты дня два — три на стройке, осмотрись. А там, глядишь, мы для тебя что-нибудь придумаем.

Пожилая комендантша отвела мальчонку в мужское общежитие.

Когда со смены вернулись строители, он сидел на корточках около тумбочки, выбирал из мешка и аккуратно раскладывал по полкам свои нехитрые пожитки.

Его принялись расспрашивать, кто он и откуда, но мальчишка отвечал скупо. Только назвался опять Василием Филатовичем да чинно сказал:

— Выходит, будем работать вместе.

Бережно достал из мешка умело сложенную застиранную рубашку, вынул новенький чехол из коричневой кожи.

— Это что же, для паспорта? — спросил кто-то из ребят.

— Нет,— серьезно ответил мальчишка.— Для паспорта мне еще рано...

Положил чехол на тумбочку. На нем тиснеными буквами надпись: «Трудовая книжка».

Парни стащили со стола белую скатерть с синими полосами, принялись выкладывать из тумбочек на клеенку колбасу и консервы, белый хлеб и сахар.

— Ну, сидай, Василий Филатыч, с нами вечерять,— сказал ему один из ребят, украинец Петро Карпенко.

Тот повел на него глазом, кивнул в сторону кухни.

— Спасибо. У меня там картошка через минуту поспеет, я и повечеряю.

Встал с табуретки, пошел на кухню. Парни многозначительно переглянулись: гляди ты, каков пацан! Не сговариваясь, сели за стол — ладно, посмотрим...

Слышно было, как Василий Филатович сливает на кухне воду из кастрюльки. Потом пришел в комнату. Катал между ладонями маленькую гладкую картофелину, сосредоточенно очищал ее. На парней даже не взглянул ни разу. Те подмигивали друг другу: вот дает!

Когда ребята стали разливать чай, он вдруг оторвался от картофелины, посмотрел на них.

— А как у вас насчет романтики? — серьезно спросил Василий Филатович.— Есть она тут или нету?

Секунду они помолчали, совершенно ошеломленные, потом кто-то громко фыркнул, и сразу же раз-

дался такой взрыв хохота, что стекла в окнах глухо вздрогнули.

Василий Филатович невозмутимо доедал картошку...

Карпенко подошел к мальчишке, обнял его за плечи.

— Милое ты мое дите, за романтикой на стройку приехал!

Они все окружили его, улыбались, тащили к столу.

— Что ж ты так, брат!.. Выходит, вместе работать будем, а хлеб-соль, значит, порознь? У нас так не водится! Тут, брат, кругом коммунистические бригады — дружба! Что поработать, что поесть — все вместе. А он сел отдельно! Разве ты индивидуй какой, что ли?

Через полчаса он, прихлебывая чай, рассказывал им, как ловил майкой пескарей на своей маленькой Посейке.

На следующее утро, когда ребята проснулись, их уже ждал кипящий чайник. Полы в двух маленьких комнатах и кухне были вымыты. Около двери вдоль плинтуса стояли шесть пар до блеска вычищенных сапог.

Петро Карпенко взял со стула спецовку и вдруг начал ее внимательно рассматривать: дыра на плече заштопана суровыми нитками, вместо оторвавшихся когда-то коричневых пуговиц пришиты на нужном месте две черные...

— Ну, брат, Василий Филатыч, хозяйственный ты мужик. Вот уж спасибо тебе за рубаху! — сказал мальчишке Карпенко.

— Если что, я могу и сапоги починить,— спокойно ответил тот,— дратву я с собой привез...

Вместе с парнями отправился мальчишка на стройку, широко шагал рядом с Карпенко. И все, кто шел навстречу, смотрели на него и, кажется, по-дружески улыбались. Может быть, люди просто радовались солнечному утру после плохой погоды, но Василию Филатовичу было хорошо от этих улыбок, и в ответ он тоже иногда улыбался, сдержанно и чуть-чуть важно. А когда кто-нибудь спрашивал у ребят, что за новый человек идет с ними, Петро говорил:

— Це ж наш новый крановщик, Василь Филатыч!

Новые друзья мальчишки работали на строительстве громадного здания. Около него уже стояли два большущих «МАЗа» с серыми панелями. Мальчишке объяснили, что дом собирают из этих панелей: самый передовой сейчас в строительстве метод.

— Давай сюда, Василь! — крикнул с крана Карпенко, и по железной лесенке мальчишка ловко полез вверх, в кабину.

— Дивись,— сказал Петро и взялся за контроллеры.

Кабина плавно поплыла по кругу. И куда ни поворачивалась окном — всюду по дорогам бежали машины, медленно вращались тяжелые башни экскаваторов, журавлиными шеями кланялись земле строительные краны.

Это строился новый большой город. В нем будут жить строители завода, потом — его рабочие. Сам завод закладывался на окраине — там, где сейчас было бурое от осенних дождей овсяное поле. Одна за другой мчались к нему машины с гравием: это прокладывали дороги к строительной площадке под мартены и домны.

До конца смены Василий Филатович проторчал в кабине крана рядом с Карпенко.

А у Петра работа спорилась в этот день. Огромные плиты плыли по воздуху плавно, будто пушинки, и становились на место с такой точностью, что мальчишка только удивлялся: до чего ловко!

— Это что! — сказал ему Карпенко.— Вот мой киевский учитель, дядька Тарас, крышку часов бетонной плитой захлопывает. Знаешь, есть такие старинные часы с крышкой?

— А ты? — спросил мальчишка.

— Да такие часы по всей стройке шукать будешь — не встретятся. Тут же почти одна комсомолия. А хочешь, я тебе после работы другой номер покажу?

Конца смены Василий Филатович ждал с нетерпением. А когда работа стала, все собрались около крана. Эдик Баграмян принес из общежития граненый стакан, поставил его на бетонную плиту. Парни с мальчишкой остались внизу, а Карпенко снова поднялся на кран. Подали цепи, за крючки зацепили другую панель. Она поднялась в воздух, повисла над стаканом. Сначала тихонько двигалась над ним: Петр выбирал центр. Потом остановилась и начала медленно, так, что еле заметишь глазом, опускаться на стакан. Минут через десять наверху в кабине что-то коротко скрипнуло, и плита замерла над стаканом. Через секунду плита дернулась, поплыла вверх, а потом снова легла на ту груду плит, откуда ее взял Карпенко. Мальчишка схватил стакан.

— Ух ты!

На краю стакана виднелась всего одна маленькая зазубринка.

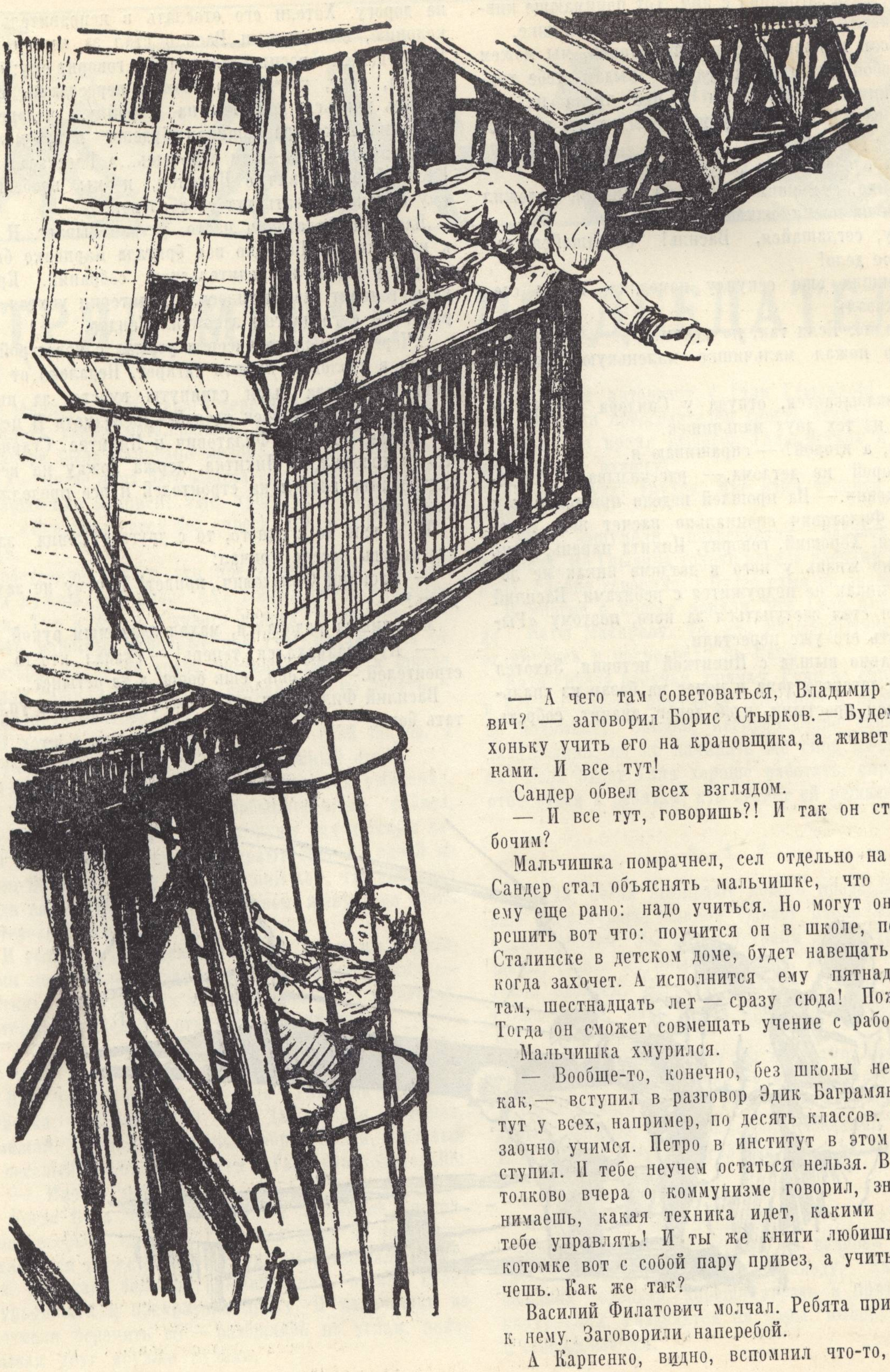
— Эх, мне бы так научиться! — по-детски вздохнул Василий Филатович.

— Учись, дорогой, и не хуже Петра работать будешь! — подмигнул ему Эдик.

Когда они шли домой, в осеннем небе, как большие голубоватые звезды, уже дрожали над домами огни кранов. Мальчишка опять шагал рядом с Петром, и все продолжал восхищаться, и говорил, что теперь уже ему недолго ждать, что завтра же он станет к Петро учеником. В ответ тот только ласково сдвинул ему на лоб заячью шапку.

Мальчишка первым вбежал в полутемную комнату общежития. Там сидел Сандер.

— Я к вам посоветоваться пришел. Насчет Василия Филатовича.

— А чего там советоваться, Владимир Иванович? — заговорил Борис Стырков. — Будем потихоньку учить его на крановщика, а живет пусть с нами. И все тут!

Сандер обвел всех взглядом.

— И все тут, говоришь?! И так он станет рабочим?

Мальчишка помрачнел, сел отдельно на табурет, Сандер стал объяснять мальчишке, что работать ему еще рано: надо учиться. Но могут они вместе решить вот что: поучится он в школе, поживет в Сталинске в детском доме, будет навещать стройку, когда захочет. А исполнится ему пятнадцать, ну, там, шестнадцать лет — сразу сюда! Пожалуйста! Тогда он сможет совмещать учение с работой.

Мальчишка хмурился.

— Вообще-то, конечно, без школы нельзя никак, — вступил в разговор Эдик Баграмян. — У нас тут у всех, например, по десять классов. И дальше заочно учимся. Петро в институт в этом году поступил. И тебе неучем остаться нельзя. Вон как ты толково вчера о коммунизме говорил, значит, понимаешь, какая техника идет, какими машинами тебе управлять! И ты же книги любишь, даже в котомке вот с собой пару привез, а учиться не хочешь. Как же так?

Василий Филатович молчал. Ребята придвинулись к нему. Заговорили наперебой.

А Карпенко, видно, вспомнил что-то, подсел к

Сандеру, тихо заговорил с ним. Тот понимающе кивнул головой, потом встал, подошел к парнишке.

— Если хочешь, Василий Филатович, мы можем так с тобой решить. Завтра же выдам тебе трудовую книжку. Поставим в ней число на три года вперед. И как это время подойдет, ты наш рабочий!

Парни одобрительно загудели.

Карпенко, стоявший позади мальчишки, положил ему руки на плечи, наклонился.

— Ну, соглашайся, Василь! Соглашайся, тут уж верное дело!

Мальчишка еще секунду помедлил, потом степенно сказал:

— Ладно. Если так, по рукам!

Сандер пожал мальчишке маленькую крепкую руку.

Вот, оказывается, откуда у Сандера дружба со старшим из тех двух мальчишек.

— Ну, а второй? — спрашиваю я.

— Второй из детдома,— рассказывает Владимир Иванович.— На прошлой неделе пришел к нам Василий Филатович специально насчет него посоветоваться. Хороший, говорит, Никита парень, очень добрый, но жизнь у него в детдоме никак не ладится. И никак не подружится с ребятами. Василий Филатович стал заступаться за него, поэтому «Рыжим» звать его уже перестали.

Но недавно вышла с Никиткой история. Захотел уехать из детского дома и понес на базар из спальни две свои простыни, чтоб денег, значит, собрать на дорогу. Хотели его отослать в исправительную колонию, но тут наш Василь стал за него горой. Посовещался с воспитательницей и говорит ему: «Давай-ка, брат, кончай со своими переездами. Если будешь учиться, пойдешь на стройку, человеком станешь. Тоже крановщиком будешь или, может, экскаваторщиком — кем захочешь...» Рассказал нам Василий Филатович о Никитке, и мы пообещали ему помочь, сказать тут свое слово...

Василий Филатович часто у нас бывает. И мы к нему ходим. Недавно вся бригада Карпенко была у него в школе на родительском собрании. Краснеть, говорят, не пришлось. На пятерки учится парень! — с гордостью закончил Сандер.

...Через несколько часов я уезжал с новостройки. Зашел в столовую купить сигарет. Недалеко от буфета два стола были сдвинуты вместе, за ними расположились человек десять—двенадцать В центре сидели Василий Филатович и Никитка. Старший что-то говорил, а Никитка, держа ложку на весу, зачарованно глядел на строителей и все продолжал улыбаться.

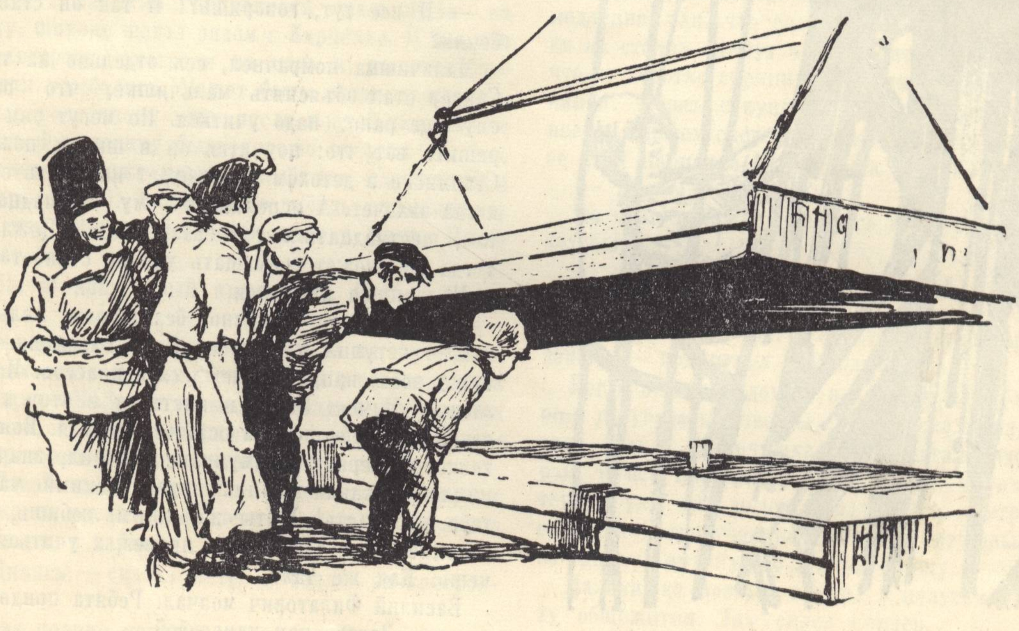
То и дело то с одного, то с другого конца зала кто-нибудь весело кричал:

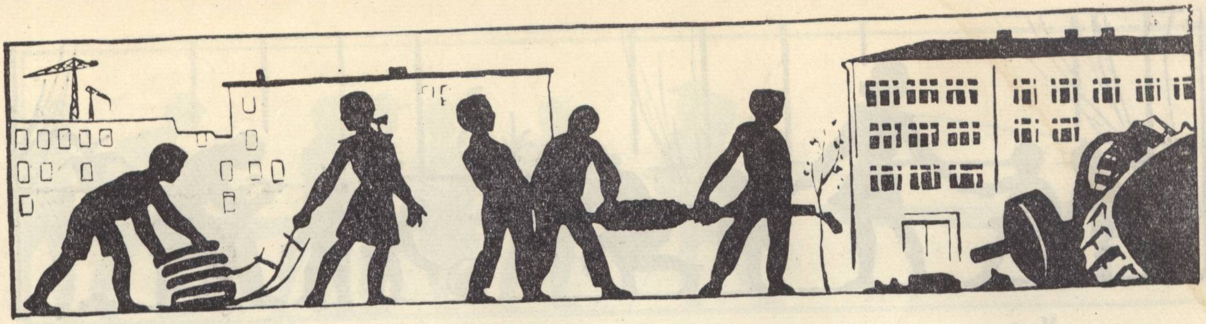
— Василий Филатович, привет! Почему не заходишь?

Мальчишка радовался, махал знакомым рукой.

— Ну, размахался теперь! — сказал кто-то из строителей.— Ты ешь, ешь борщ, а то остынет...

Василий Филатович взял ложку и принялся уплетать борщ.

ОТРЯД МЕНЯЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

За школой, вдоль серого деревянного забора, возвышались горки металлолома. Над каждой горкой на заборе было написано мелом: «7 «А», «4 «Б», «5 «А». Возле лома 5-го класса «А» забор украшали устрашающие надписи: «Не трогать!», «Смертельно!», «Кто дотронется без спроса, тот останется без носа».

Собственно говоря, эти предупреждения вряд ли были нужны. 5-й класс «А» собрал очень тяжелые вещи. Тут и кусок ржавого рельса, и станина какой-то машины, искореженная гусеничная цепь от трактора. Такое не сразу унесешь. Видно, к школе металл тащили все вместе, собравшись по десять—пятнадцать человек.

И хотя я еще никогда не был в этой школе, я подумал, что в 5-м «А» очень дружный отряд.

Так оно и оказалось. Через полчаса я уже знал, что там действительно необыкновенные ребята, что они хорошо учатся, шефствуют над детским садом и первоклассниками, убирают снег на одной из улиц поселка, что у них хороший хор, что они свои люди на соседнем заводе — словом, живут они очень интересной жизнью.

И только через несколько дней, когда мы с ребятами подружились, услышал я о драматических событиях, происшедших в 5-м классе «А», событиях, которые и сделали отряд таким дружным.

* * *

Нет, что ни говори, а Галя Глыдина — смелая девочка. Это признают все. Даже Вася Антипов, бывший двоечник, человек добродушный, сильный и веселый, и тот отзывается о Гале снисходительно:

— Ничего девчонка...

Когда Вова Гурьянов и Витя Литвинов подрались всерьез, так, что Гурьянов даже за табуретку схватился и все девчата с визгом разбежались, Галя, высокая, большая, решительная, встала перед Гурьяновым и прекратила драку. И мальчишки не посмели перечить ей — разошлись по углам, показывая друг дружке кулаки.

Вот какой авторитет у Гали Глыдиной! Потому ее и выбрали председателем совета отряда.

Только во время выборов Галя встала и многозначительно заявила:

— Мне будет трудно. Мне один человек мешать будет.

Ребята зашумели, потребовали назвать этого человека. Но Глыдина только повела плечами и хмыкнула, словно говорила: «Будто сами не знаете!».

И многие в классе поняли, что Галя имеет в виду Катю Макарову. Те, кто полюбопытнее, даже оглянулись и посмотрели на Катю.

Катя сидела бледная, прямая. Руки за спиной, как в первом классе приучили. Смотрит в парту, глаз не поднимает. Обидно, несправедливо сказала Галя Глыдина, но не начинать же спор из-за пустяка! Если будет Галя хорошо работать, справедливо относиться к ребятам, кто станет ей мешать?

* * *

Всегда, когда выбирают нового председателя, да еще энергичного, планов бывает очень много. Мы такое сделаем! Мы поход устроим в Кунгурские пещеры, самые крупные в Европе. Мы все ступеньки разом одолеем. Мы будем самые лучшие по успеваемости. И наш отряд прославится своей дружбой.

Вот, например, почему бы вечерами, когда уроки сделаны, не отправляться гулять всем отрядом?

Но с самого начала года мальчики нашли себе другое занятие: с бездомными собаками возятся. Есть ребята, которые голубей гоняют. А эти — собак. Так и говорят:

— Где Рудольф Русаков?

— Да, вон, собак гоняет.

Пришлось девчатам самим по вечерам собираться. Встретятся и пойдут к заводу. Там, среди больших деревьев, хорошо играть в прятки или в колдунчики. Разделятся на пары, выберут главных и сговариваются:

Матки, матки, чей допрос:
капитан или матрос?

Заводилой всегда Галя. Сама договорится с девочками, зайдет за подружками, затеет игру. Только играть с ней трудно. Особенно с той поры, как выбрали Галю председателем. Если кто-нибудь из ее команды плохо бегает, закричит раздраженно: «Ты что еле-еле плетешься!». Если возникнет в игре спор, оборвет: «Ладно, заткнись!»,— вот и все решение спора. И ей стараются не перечить: лучше не связываться. Галя такая: с ней поссоришься — потом в класс не входи. Начнет приставать, подговаривать против тебя девочек.

Собрались вечером девочки раз, собрались другой, и что-то уже не всем хочется идти играть.

И ничего в отряде не получается. Самое простое дело — на экскурсию сходить — и то вместе не могут. Катя Макарова предложила пойти на завод, а Галя заявила: «Не пойдем, не командуй! У нас по плану сбор». Начались обиды, и ничего не вышло: ни экскурсии, ни сбора,— потому что Галя во время подготовки к нему со всеми переругалась. И так во всем. Гале вовсе не важно было, пойдет отряд на экскурсию или, скажем, в кино, или не пойдет. Ей важно, чтобы все поступили так, как она сказала, чтобы все ее слушались беспрекословно. Она думала, что если она председатель, то ей обидно кому-нибудь подчиняться, считаться с товарищами. Ведь она самый главный человек в отряде, она самая смелая, самая умная — как же ей уступать другим?

Так с самого начала года все в отряде и пошло кувырком. Мальчики сами по себе, девочки — сами, разбился класс на группки. Кто и дружил раньше, так теперь раздружились.

Одна Катя Макарова во всем давала отпор Гале Глыдиной, только Катю она и побаивалась. Но по-настоящему остановить Глыдину Катя не решалась. Помнились ей слова Гали во время выборов. Галя и потом не раз говорила: «Вот видите, я же предупреждала, что Макарова будет мне мешать...».

Отдали ребята свой отряд во власть раздоров, и ни у кого не находилось мужества сказать:

— Послушайте! Что у нас за жизнь! Мы ж ни одного дела вместе сделать не сможем, все будем считаться, что наговорила та да на что намекнула другая.

И еще сказать:

— Нельзя тебе быть председателем, Галя Глыдина! Несправедливо ты к ребятам относишься, грубо, и ведешь ты себя не по-пионерски.

Но никто в отряде не решался на это. Каждый, видно, думал: «А мое какое дело?».

* * *

Очень противные люди — подлизы и подхалимы. Ребята часто обвиняют товарищей в том, что те будто бы подлизываются к учителям. А вот не встречали ли вы ребят, которые подлизываются к самому сильному в классе, самому нахальному? Сильного человека, даже если у него отвратительный характер, все-таки немножко будешь уважать. А слабенького душой, но стремящегося завоевать авторитет «дружбой» с сильным, уважать ни за что не станешь.

День шел за днем, и постепенно отворачивались от Гали хорошие ребята, те, что сначала подчинялись ей из чувства дисциплины: ведь она все-таки председатель совета отряда! Остались вокруг нее только такие девочки, которые изо всех сил старались угодить ей. Я не буду называть здесь их имена. Нагрубит Галя кому-нибудь, начнется ссора, а «подружки» тут как тут, поддержат Глыдину. Выйдет она отвечать на уроке, запнется, а по классу уже несется услужливая подсказка.

Первой не выдержала Лариса Букреева. Лариса — маленькая, тихая и умная. Видно, поняла она: все эти события в классе касаются каждого, унижают каждого. Нельзя считать себя честным, смелым, принципиальным человеком, если рядом на твоих глазах происходит такое. Раз терпишь — значит, и ты трус. И однажды Лариса после урока подошла к очередной подсказчице и сказала:

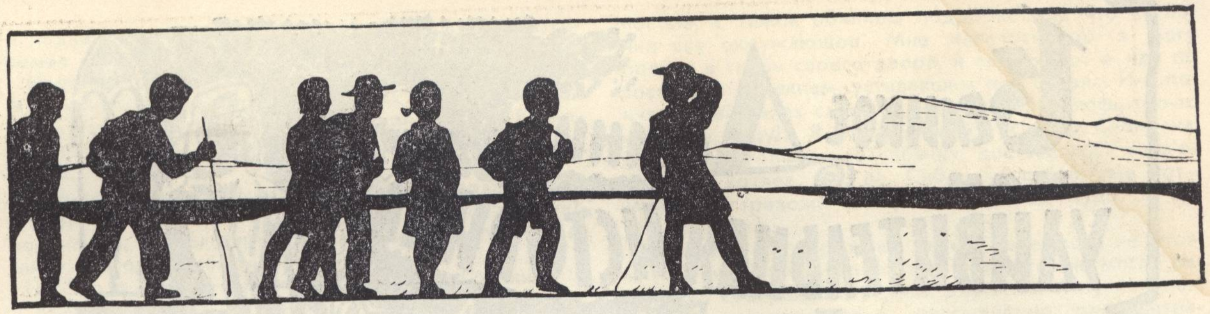
— Знаешь, кто так поступает? Подхалимы!

Что тут началось! Галя Глыдина набросилась на Ларису:

— Подумаешь, отличница нашлась! Сама диктант у Макаровой списала!— И пошло...

Лариса никакого диктанта не списывала, но все же она не выстояла. Сдалась.

Девочки как будто помирились, Галя ходила победительницей. А Лариса... Ну-ка, поставьте себя на место Ларисы, подумайте, каково ей было!

Обидно узнать про себя, что ты трусишка... Обидно, что весь отряд — и она, Лариса, в том числе — слабее одной Глыдиной...

Но если человек сам понимает, что он струсил, если ему перед самим собой стало стыдно своей трусости, значит, найдутся у него силы и для смелого поступка. Тот, кто и вправду трус, тому ничего не стыдно, он как-нибудь схитрит со своей совестью, оправдается перед собой.

Через несколько дней на одном из уроков Галя Глыдина бросила записку в соседний ряд. Записку заметила учительница. Она подняла ее и спросила: «Кто бросил?».

Все молчали. Молчала и «смелая» Галя Глыдина. И тогда встала маленькая Лариса Букреева и сказала, обращаясь к Гале:

— Что ж ты молчишь? Ведь это ты бросила.

— Не ври, я не бросала! — отрезала Галя.

Катя Макарова поднялась за партой и сказала:

— Как тебе, Галя, не стыдно! Ты же председатель совета отряда! Лариса не может сказать неправду.

Урок кончился. Ларисе очень хотелось побыстрее выбежать из класса: ну, как будто в буфет торопится или в гардероб, будто надо что-нибудь в кармане пальто взять. Но она осталась.

Галя Глыдина подошла к ней не сразу. Она о чем-то шепталась с подругами. А подойдя, смерила Ларису высокомерным взглядом и плюнула.

* * *

Сбор отряда состоялся в тот же день. На него пришли все. Теперь уже никто не молчал. Галя Глыдина плакала. Она не ожидала, не думала, что можно оказаться такой одинокой. Даже одна из ее лучших подруг встала и сказала:

— Я Галю вовсе не люблю и дружить с ней не хочу... Просто я ее боюсь... Боялась, то есть...

— Тогда я в другой класс перейду,— проговорила сквозь слезы Галя Глыдина.

— Переходи,— сказала ей Катя Макарова.— Только там тебя, зазнайку несчастную, и ждали!..

Председателем совета отряда выбрали Катю.

И тут же на сборе постановили, кто за что будет отвечать в отряде, чтобы у всех было поручение, чтобы каждый учился и руководить товарищами и подчиняться им. Васю Антипова сделали завхозом, Ларису Букрееву — ответственной за самодеятельность, Люсю Силуянову — ответственной за работу в детском саду, а Галю Глыдину — за работу в подшефной октябрятской звездочке, в первом классе. Должен же человек исправляться...

И как-то само собой получилось, что все дела, о которых столько говорили в начале года, начали делаться. Антипов, Алабышев и другие ребята пошли в детский сад. Катя Макарова только напомнила им, только заметила: «Там без мальчиков не обойтись». Хитрая она, Катя! Какой же мальчишка откажется от поручения, если ему намекнуть, что только он один во всем отряде и может его выполнить!

Раньше в классе все время крик стоял: «Сколько раз тебе говорить!», «Я кому сказала!», «Не сделаешь — хуже будет!». Это председатель совета отряда «работал». А Катя не шумит. Нужно что-нибудь сделать для сбора, подойдет к звеньевому, скажет: «Вот задание вашему звену...». И таким тоном скажет, что не поймешь, то ли просит она, то ли приказывает. Но нельзя ей не подчиниться. Потому что понятно: не для Кати это нужно, а для всего отряда. Саша Полясин вместе со своими товарищами из первого звена сделал таблицу для уроков истории; Наташа Петухова и Люда Шуваева представляли класс на школьной математической олимпиаде и принесли ему победу. Ну, а больше всего сдружились ребята, когда неподалеку от школы закончили строительство целой улицы новых домов и им поручили развешивать номера на этих новых домах, когда дружина собирала металлолом и отряд 5-го класса «А» вышел победителем в соревновании, когда, наконец, всем отрядом отправились ребята в знаменитые Кунгурские пещеры, самые большие в Европе. И теперь 5-й класс «А» самый дружный в школе. Даже у Гали Глыдиной появились друзья — не такие, как прежде, а настоящие. Она очень хорошо работает с октябрятами, и я сам слышал, как девочка из подшефного первого класса говорила пристававшему к ней мальчишке:

— Вот я шефам скажу, они тебе покажут!

Вожатый Сима Соловьев

Пермь.

Великое Делание, или Удивительная история доктора Механикуса и Альмы, которая была собакой

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ *

Александр ПОЛЕЩУК

Рисунки Л. Катаева, Ю. Молоканова.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ НА ДОРОГЕ

I

Меня разбудил звонок. Пока я одевался, звонок у входной двери повторился еще раза два. На часах было пять. Я вышел во двор и открыл калитку. Перед воротами стоял автомобиль. Передняя дверца его была открыта. За рулем сидел человек в запыленном синем халате.

— Это вы звонили? — спросил я.

Сидящий за рулем не ответил. Он молча смотрел перед собой и о чем-то думал. Потом качнул головой.

— Вы звонили? В чем дело? — снова спросил я.

Человек повернул ко мне голову. Казалось, он мучительно что-то вспоминает.

— Вода!..— неожиданно быстро заговорил он.— Вода в машине... Мне пить...— Он очень плохо говорил по-русски.— И тысячу, так сказать, извиняйте... Еще рано, утро...

— Нет, нет, не извиняйтесь, вы как раз вовремя меня разбудили. Я сейчас принесу ведро...

— Наше ведро... У меня есть наше ведро...— Путешественник вылез из машины и позвал: — Альма!

Из-за каменного столба ворот вышла крупная овчарка с белым треугольником на груди. Она бросилась к багажнику машины, ткнулась пастью в какие-то зажимы, щелкнула ими и подошла к хозяину, держа в зубах помятое ведро. Путешественник прошел во двор и открыл кран. Альма поднесла ведро под струю воды, а когда оно наполнилось на три четверти, понесла его к машине. Ведро было слишком тяжелым для собаки, передние лапы ее дрожали от напряжения, но воду она не расплескала. Хозяин собаки налил воду в радиатор, наполнил большой термос. Собака вскочила на сиденье рядом с ним, машина тронулась. Я вышел на улицу и проводил ее глазами. «Честное слово,— сказал я самому себе,— звонила мне тоже эта собака! Как только она дотянулась до кнопки?..»

Раннему звонку я был рад, так как сегодня предстоял трудный день. Прежде всего нужно было пораньше поехать на работу, получить отпускные деньги, потом заехать в питомник за гибридными семенами, зайти на почту, побывать в трех магазинах. Наскоро позавтракав, я вывел велосипед на улицу, запер ворота и поехал.

Велосипед бесшумно катил по тонкой дорожной пыли шоссейной обочины, изредка подпрыгивая на камнях. Минут через двадцать я уже был бы у цели, как вдруг впереди, у спуска на мост, увидел беспорядочное скопление машин. Путь был закрыт.

* Печатается с сокращениями.

Я подкатил поближе, и мне бросилась в глаза знакомая машина. Но в каком виде!

Налетев с размаху на придорожные бетонные столбики, она повалила три из них и замерла, как наколотый на булавку большой черный жук. Радиатор был разбит, земля вокруг в лужицах воды, масла, горючего...

Водителя уже вытащили из кабины, положили в сторонку, на траву. Когда я подъехал, его бережно поднимали, чтобы перенести в стоящую рядом машину «Скорой помощи».

— Что с ним? — спросил я у врача.— Он жив?

Врач ничего не ответил.

— Как жаль,— вырвалось у меня,— такой крепкий парень! И вдруг...

— Вы что, знаете его? — спросил один из шоферов.

— Нет, он сегодня у меня воду в радиатор и в термос наливал.

Меня окружили.

— Когда это было?

— Минут сорок назад, не больше...

Особый интерес к моему рассказу проявил высокий лейтенант милиции. Он провел меня к машине и широко распахнул дверцы.

— Где термос? — строго спросил он.

— Он висел у него через плечо, на ремешке...

Лейтенант бросился к уже отъезжающей машине «Скорой помощи» и спросил у врача про термос. Тот отрицательно покачал головой.

— А что с собакой? — спросил я.

— С собакой? С какой собакой?

— Никакой собаки не было, никакой! — заговорили вокруг.

— Да эту ли машину вы видели? — спросил лейтенант.

— Была, была собака! — неожиданно произнес дочерна загорелый старик, подошедший к нам со стороны бескрайнего, уже убранного поля.— Была, сам видел... Как машина врезалась, так из нее пес как выскочит! И в зубах что-то держал — флягу вроде какую, на ремешке... И бегом, бегом! Меня увидел, я вон где стоял,— старик показал рукой на стог сена, за которым раскинулась зеленая роща,— увидел меня и в сторону свернул. Вон куда побежал. Во весь дух!

— На всякий случай я ваш адресок запишу,— сказал мне лейтенант.— И не заметили ли вы... водитель как, не был пьян?

— Не думаю... Утро раннее... Нет, не был. Но вид у него был очень усталый.

Со стороны города раздался шум моторов. В клубах пыли к нам приближалось несколько мотоциклов. Это были пограничники.

Они окружили машину, и майор-пограничник сказал:

— Она! Смотрите на номер... Вот куда ее занесло! Протокол уже составили? — обратился он к лейтенанту.— Где пострадавший?

— Увезли в город,— доложил лейтенант милиции.— Врач говорит, безнадежен... Все обмеры произвели, адреса свидетелей записаны, фотоснимки сделаны.

— К машине приставить охрану! — приказал майор.— Кто шофер грузовика? Ну-ка, давайте трос, машину в кювет!.. И разъезжайтесь, товарищи!

Люди стали расходиться. Один из грузовиков уволок останки машины в придорожный ров. И то, что произошло вслед за этим, трудно поддается описанию.

Когда разбитая машина тронулась с места, перед моими глазами возник мой дом. Возник с такой ясностью, с таким обилием подробностей, что заслонил все окружающее. Мне казалось, что я могу пройти в глубь своего двора, к сараю. Вот я иду по сосновым стружкам, устилавшим пол сарая... И я почувствовал запах смолы... Вот я возвращаюсь, что-то ищу. Да, ищу!.. Я не могу найти своего Сибиряка, худенькую голосистую собачку, доставшуюся мне от прежних хозяев. Да, да, Сибиряка давно уже нет... Меня это тревожило с раннего утра... Куда он запропастился?

Я бродил по дорожкам своего сада, пока не споткнулся обо что-то невидимое, что никак не могло лежать на совершенно ровной дорожке. Я наклонился, ощупал землю, теплую, рассыпчатую, переплетенную корнями, с торчащими острыми соломинками. Я не видел эту землю, но внутренним зрением ощущал, представлял ее. Нет, я не дома, я, видимо, где-то в поле, возле потерпевшей аварию машины... Да, да, грузовик дернул автомашину, и что-то произошло... Уйти, уйти скорее с этого проклятого места! А вот и солнце! Я не видел его, чувствовал только его тепло, но когда поднял голову, то диск солнца, темно-красный и ярко очерченный, проглянул сквозь очертания тех предметов, которые я, казалось, видел, но которых в действительности вокруг меня не было. Я побрел прямо к солнцу. Шел осторожно, спотыкаясь на каждом шагу. Вот показалась роща, та самая роща, в которой, по словам старика, скрылась Альма... Роща появилась смутным пятном, но она была настоящей, не наваждением, как все остальное. Я резко повернул голову — и роща исчезла. Глянул вперед — снова появилась. Да, да, это настоящая роща! Она все яснее и яснее...

Я пришел в себя в роще. Мир снова стал на свое место. Теперь я видел все вокруг, видел далеко и ясно. Вот дорога, мост и разбитая машина в кювете. А вокруг люди... Они расходятся в разные стороны от моста. Нет, они не идут, они ползут... Вот старик-крестьянин топчется на одном месте. Пограничник, шатаясь, ведет по полю мотоцикл. Он натолкнулся на высокий стог сена. Бросил мотоцикл... Неужели не догадается обойти? Нет, догадался! Вытянул руки перед собой и, глядя вверх, обходит стог. Он, как и я, ориентируется по солнцу. Вышел. Идет все быстрее и быстрее. Побежал.

Неожиданно показался грузовик. Шофер, ничего не подозревая, вел его по дороге к мосту. Я бросился ему наперерез.

— Стой! — закричал я.— Стой!

Грузовик остановился.

— Туда нельзя! — крикнул я, едва переводя дух. Нельзя!..

— Это почему? — спокойно спросил шофер.

— Туда нельзя. Там какая-то чертовщина!..

— Ну, ладно,— сказал шофер, трогая с места.— Я думал подвезти вас. Прощайте, одним словом.

Грузовик промчался мимо. Я с ужасом смотрел ему вслед. Вот он проехал сто метров, двести... И вдруг резко свернул в сторону, но шофер в последнее мгновение успел затормозить. Переднее колесо грузовика повисло над кюветом...

— Эй, приятель! — закричал я шоферу.— Иди на голос! Давай сюда!

Шофер выскочил из машины, нащупал ногой край рва, спрыгнул вниз и довольно быстро пошел в мою сторону. Он шел прямо по дну канавы, никуда не сворачивая. Я позавидовал его догадливости. Скоро он увидел меня и побежал.

— Чего стоишь? — закричал он мне еще издали.— Надо дорогу перегородить! С той стороны ее перекрыли пограничники... Видишь? Пускают машины в объезд.

II

Через полчаса место происшествия было оцеплено, дорога закрыта от самого города. Ко мне подошел лейтенант милиции.

— Что вы обо всем этом думаете? — спросил он меня.— Гипноз какой-то или что? У меня закружилась голова, все перед глазами помутилось, а потом я явственно очутился в своем рабочем кабинете...

— А я был дома, ходил по своему саду, искал собаку...

— А вот я на море побывал! — вмешался шофер, тот самый, что не послушался меня.— Понимаете, передо мной как бы волна расступилась, а я вроде на рулевом мостике, на катере, и волны кругом... с барашками...

— Иными словами...— Лейтенант вытащил записную книжку.— Иными словами, каждый видит разное, только не то, что перед ним в действительности...

— Едут! — громко сказал майор-пограничник, который только что закончил расстановку постов и сейчас подходил к нам, отрывая приставшие к гимнастерке головки репейника.— Едут! — Он указал на мчащуюся из города светло-зеленую машину.

Из нее вышли три человека в лоснящихся коричневых комбинезонах. Выслушав майора, они надвинули на головы капюшоны, надели маски и пошли к мосту.

— Это, несомненно, какой-то газ,— говорил майор.— Несомненно. Вот товарищ,— он указал на меня,— пришел в себя раньше всех, и только потому, что побрел случайно к роще, в сторону города. А те, что пошли в противоположном направлении, очнулись только у самой деревни.

— О чем же это говорит? — спросил лейтенант.

— Говорит о многом. Ветер в сторону деревни, с юга на север. Значит, и газ тянется в ту же сторону. И товарищ очнулся быстро потому, что пересек опасную полосу, а не пошел вдоль нее.

Майор умолк. Мы с тревогой наблюдали за коричневыми фигурами в масках.

— У них тоже началось! — воскликнул лейтенант.

Нам хорошо было видно, как метрах в пятидесяти от машин, оставленных у дороги, все трое неожиданно остановились, будто натолкнулись на невидимый барьер, и, потеряв контроль над своими движениями, беспомощно расползлись в разные стороны.

— Что ты будешь делать?! — в сердцах сказал пограничник.— И маски не спасают!

— А может быть, по-другому попытать, товарищ майор? Вон видите разбитый столбик? — спросил лейтенант милиции.— Возле него стоит мой чемоданчик. Я его поставил на землю, когда оттаскивали автомашину. А тут все и началось... Как бы достать этот чемоданчик?

— Разрешите, я за ним сбегаю,— предложил лихой шофер грузовика.— Я мигом!

— Люди в противогазах не смогли...

— А я смогу! У меня приемчик придуман один... Только вы мне покричите, как близко подойду, «горячо» или «холодно»...

— Давай попробуй! — согласился майор.

— Эх, и поплаваю по родной Балтике! — засмеялся шофер и вышел вперед. Он прошел вперед шагов сто, потом спустился в кювет и побрел по его дну.

— Вот хитрец! — засмеялся майор.— Он теперь по кювету куда хочешь дойдет, ему и глядеть не нужно.

— Пожалуй, по кювету и команде надо было идти,— заметил следователь.— Глядите-ка, парень вошел в зону!

Движения шофера стали неуверенными. Он шел все медленнее. Вот показал руками, будто раздвигает перед собой воду, будто плывет.

— Тепло! — закричал следователь.— Тепло!.. Тепло!.. Горячо!.. Жарко!..

Шофер стал на четвереньки, выполз из кювета, нащупал чемоданчик, вернулся обратно в ров и победно поднял чемоданчик над головой. Вскоре он вернулся к нам.

Лейтенант торопливо раскрыл чемодан.

— Товарищ майор,— сказал он пограничнику,— видите вот эту штуку? Мы нашли ее у потерпевшего на груди.

— Да ведь это маска! — воскликнул майор.— Что я вам говорил! Там, конечно, газ! Кстати, маска самодельная. Смотрите, резинки, которыми она прижимается, от подтяжек, ручаюсь, что от подтяжек.

— Да-а, сшито кое-как...

— Как бы ни сшито, но это настоящая маска,— сказал майор,— маска, закрывающая нос и рот. Она висела у него на груди?.. Так. Ясно, что он мог в любой момент вскинуть ее на подбородок, закрыть нос и рот. Все ясно!..

Лейтенант взял маску из рук майора и, надев ее, зашагал по дороге. Он свободно вошел в зону действия газа, вот он уже возле разбитой машины. Через открытую дверцу влез в машину и долго там оставался. Вот он выбрался из машины и зашагал к нам. Шел быстро и уверенно, потом сбросил маску.

— Вы правы, товарищ майор,— сказал он.— В машине лежит большой баллон, из которого, видимо, вытекал газ. Я плотно прикрутил вентиль. Сейчас ветер разгонит газ, и мы сможем осмотреть машину.

Через полчаса я вместе со всеми снова подошел к машине, поднял с земли свой велосипед и смог наконец вернуться к своим делам. Движение по дороге было восстановлено. Разбитую машину куда-то увезли пограничники.

Происшествие было настолько странным, что о нем даже трудно было кому-нибудь рассказать. Про-

изошло что-то... Но что именно? Кто пострадавший? Что за газ находился в баллоне?

Этого человека было очень жаль. Чем-то он показался мне симпатичным. Ясный, прямой взгляд, черные с проседью волосы, хорошая улыбка. Может быть, он еще очнется, может быть, еще будет жить? Не хотелось думать, что этот человек — преступник, диверсант. Не верилось!

III

Домой я вернулся часов в одиннадцать. Сибиряка по-прежнему не было. Обычно он встречал меня у калитки. Куда же запропастился песик? Я обошел весь двор, заглянул во все уголки, звал его, манил... Пользы от Сибиряка было немного, но я привык к нему... Я открыл калитку и выглянул за ворота. Но и на улице собаки не было.

— Вы моего Сибиряка не видели? — спросил я у соседа.— Убежал куда-то, бродяга!

— Нет, не видел. А давно он у вас в бегах?

— В пять утра еще крутился здесь. Я как раз отпирал ворота...

— В пять? Плохо дело!.. Я немного позже встал. Выглянул из окна и вижу: напротив овощного магазина стоит синий фургон с собачьей будкой. Он, верно, вашего Сибиряка и увез. Номера-то на ошейнике не было?

— Не было... Жалко собаку!

— Да вы сходите туда, может быть, он еще жив. Рублей десять собачнику за труды заплатите — отпустит. Ему что! Раз хозяин отыскался, отдаст.

Где находится это самое страшное для собак место, я представлял себе смутно, пока пожилая женщина, которая старательно мыла порог крайнего в городе домика — за ним начинались железнодорожные пути,— не сказала мне:

— Собаки где ловленые? Вон за полем домик виднеется. Там их для института содержат, а каких и убивают.

Последние метры пути были очень тяжелы. Я считал шаги... Вот низенькая хатка. Навстречу мне вышел собачник, насмешливо посмотрел на меня. Понял, зачем я, понял, почему мне не по себе... А вокруг, скажу прямо, было весьма неприятно. Я, признаться, удивился, как город может такое терпеть у себя под боком: дышать было просто нечем...

— Собачку вам, значит? Так, так... Не уберегли? Ну что же, чья пропажа, того и грех.

— Верните мне ее, пожалуйста!

— Вернуть недолго. В другой раз регистрировать будете, номерок вешать, согласно постановлению. Мы тоже полезное дело делаем.

Он повел меня во двор, в котором стояла распряженная лошадь, уткнувшая морду в охапку сена. Около двадцати собак выло и прыгало в ящиках-клетках.

— Я теперь больше для науки работаю,— говорил собачник.— Вот уже с неделю из института не приезжали, а пора бы: собак много собралось... Цыц, вы! — прикрикнул он на своих пленников.— Так, говорите, маленькая, серенькая? Была такая, а как же. Да вон... Не она?

— Нет, моя поменьше.

— Там, в глубине, еще одна.

— Тоже не моя...

В этот момент я увидел Альму. Это Альма, сомнений нет. Вот она внимательно посмотрела на меня и бросилась к сетке: узнала. Когтями вцепилась в сетку, и вся клетка задрожала, загудела.

— Назад! — крикнул собачник.— Назад!

— Я возьму ее.

— Так она ж не ваша.

— Все равно. Понравилась мне собака, отдайте!..

Альма не лаяла, не выла, она молча билась о сетку, время от времени взглядывая на меня темными с желтым ободком глазами. Потом вздрагивания клетки стали редкими, и мне показалось — или это только показалось? — ритмичными. Мы прислушались. Издалека донеслась музыка — это на пляже играла радиола. И Альма — я мог в этом поклясться! — трясла сетку в такт музыке.

— Ученая! — удивился и собачник.— Может, из цирка? Прибавить бы надо. За нее мне в институте полста, а то и сотню дали бы.

Я вынул все, что было у меня в карманах — рублей сорок,— и увел Альму. Куском веревки я обвязал ее шею, и Альма тащила меня вперед с такой силой, что я почти бежал. Она старалась поскорее и подальше уйти из этого страшного места.

Только дома, во дворе, мы перевели дух. Я запер калитку, а Альма обняла мою ногу передними лапами.

— Ну, Альма, ну, успокойся...— говорил я ей.

В этот момент до моего слуха донесся знакомый лай Сибиряка. Я обошел весь двор, но никак не мог сообразить, где эта негодная собака. Наконец догадался отворить дверь сарая. Сибиряк, живой и невредимый, вышел из сарая, и, помахивая хвостом, виновато поглядывал на меня.

— Ах, негодяй, разбойник! Что же ты молчал, когда тебя звали?

По-видимому, Сибиряк забежал в сарай, когда я там работал, и все время проспал за дровами.

Сибиряк подошел к луже возле крана и стал лакать воду. Подняв голову, он увидел спокойно смотревшую на него Альму и зарычал.

— Да ты знаешь, псина, что я с ног сбился, тебя разыскивая? — выговаривал я Сибиряку, но в душе, конечно, не жалел об этом. То, что я выручил из беды Альму, доставляло мне какое-то необъяснимое удовлетворение. Я любовался ею: сильная, стройная, с красивой и гордой посадкой головы. Не стара ли? Да нет, года три — четыре, не больше.

Все последующие дни я чувствовал какое-то беспокойство. Каждый день Альма угощала меня какой-нибудь неожиданностью. Началось с того, что она показала свою необычайную выучку и понятливость. Для нее ничего не стоило, нажав на щеколду, открыть калитку или пустить воду из крана, мягко взяв в зубы вентиль и ловко отвертывая его. В то же время она была незнакома с обычным собачьим словарем. Когда я кричал ей: «Альма, фу! Фу, Альма!» — она только сильнее лаяла. Не понимала она и охотничьи приказы: «тубо» и «пиль».

Самым странным было то, что Альма, несомненно, очень умная собака, оставалась равнодушной ко всем знакам одобрения, ко всем подачкам. Я не видел, чтобы она умильно виляла хвостом. Когда я ее гладил, она не подставляла голову, как сделала бы это любая собака, а стояла неподвижно, ничем не выражая своего удовольствия. Восторженное состояние, которое я наблюдал в первый день, когда она

спаслась от собачника, больше не приходило к ней. Она становилась все более и более неспокойной.

Ела она все, но не при мне. Как-то я вынес ей тазик с остатками обеда и ужина во двор, а сам спрятался за полуоткрытой дверью. Альма взбежала по ступенькам крыльца и притворила дверь перед самым моим носом.

Спала Альма только днем. Ночью носилась по саду. В хоре собачьих голосов ее голос был первым. Громкий, ясный, короткий лай Альмы будоражил всех собак нашей улицы, и они долго не могли успокоиться.

Вскоре Альма стала исчезать: вначале по ночам, а потом и днем. Однажды она пропадала несколько дней.

Как-то меня подозвал сосед, работавший в своем саду. Я подошел к забору, разделявшему наши участки.

— Видел вашу собаку,— сказал он, вытирая руки о фартук.— Шатается по городу...

— Где?

— Да возле больницы, в скверике. Пойдите, может, уведете ее.

Я действительно нашел Альму возле больницы. Она уныло пошла за мной, безучастная и грустная. Бока ее ввалились, выступили лопатки.

IV

В тот же вечер ко мне пришел Клименко, тот самый высокий лейтенант милиции, с которым я познакомился во время аварии на дороге. Сегодня он был в штатском. Я провел гостя в кабинет.

Он долго молчал, потом взволнованно сказал:

— Пострадавший-то умер.

— Умер?!

— Да, еще вчера. Так и не пришел в себя... Нужно, чтобы вы вспомнили все! Все, что знаете о нем.

— А номер машины? Ведь на машине был номер. Странный какой-то.

— Номер не наш, машина чужая. Немецкая, из Западной Германии. Как она к нам попала? Да, повидимому, с помощью этого слепящего, дурманящего газа. Машина мощная, с хорошей проходимостью. Пограничники рассказывают, что со стороны границы раздались выстрелы, и перед постом появилась машина. Затем у всех на контрольно-пропускном посту наступило то хорошо знакомое нам всем состояние, когда все видимое перестает быть видимым, а видишь черт знает что! Они настигли машину только за городом, но уже было поздно. По машине стреляли, и не раз. Много разных отметин. Интересно, что пулевые отверстия говорят о разном калибре оружия. В одном месте следы взрыва гранаты. Очень характерные царапины, знаете, такими лучами. Извлекли и осколок, очень странный... Вы, конечно, никому не должны об этом рассказывать!.. А я вот зачем пришел. Вы говорили, что видели собаку, которая была в машине...

— Она у меня.

— У вас?! — Клименко вскочил.— Где она?

Я подвел его к окошку. Альма, грустная и сосредоточенная, стояла посередине двора, а вокруг нее носился Сибиряк. Сибиряк лаял, рычал, без устали бегал вокруг Альмы. Трудно было понять, нападает ли он на Альму или хочет ее расшевелить.

— Вы думаете, что она бешеная? — спросил я.

— Нет, этого я как раз не думаю. Бешеная собака не живет более семи дней, а сейчас пошла третья неделя... Она пьет воду?

— Пьет... Смотрите!

Альма, которой, видно, надоели приставания Сибиряка, прыгнула к нему, схватила его за загривок и, резко вскинув себе на спину, куда-то понесла.

— Идемте! — сказал я.

Мы спустились в сад.

Возле большой бетонированной ямы, которую вырыли прежние владельцы дома, стояла Альма и держала над темной дождевой водой затихшего и объятого ужасом Сибиряка. Затем она поставила его на землю. И Сибиряк, пристыженный и присмиревший, убрался в свою конуру.

— Как она его! — смеялся Клименко.— Признаться, когда она бросилась к этой собачке — как ее зовут? — к Сибиряку,— я решил, что она взбесилась. А ведь поставьте себя на ее место: вот так приставала бы ко мне какая-нибудь шавка, ей-ей, не выдержал бы. И все-таки многое неясно... Позовите-ка ее сюда.

— Альма! — крикнул я.— Альма, сюда!

— Иди, иди сюда,— говорил Клименко, похлопывая себя по бедру.— Ну, иди.

Альма посмотрела на него, но не подошла.

— А какой у нее ошейник! Я такого никогда не видел! — Клименко шагнул к Альме и прикоснулся к ее ошейнику.

Альма преобразилась, шерсть на ней встала дыбом. Она грозно зарычала и, пригнув голову, стала наступать на Клименко.

— Что ты? Что ты? А может быть, в ошейнике что-нибудь спрятано?..

— Попробуем снять,— согласился я, но как только прикоснулся к ошейнику Альмы, ее шерсть вновь вздыбилась, она грозно зарычала, потом поползла брюхом по полу, заглядывая в глаза то мне, то Клименко. Она всем своим существом просила о чем-то.

— Обратите внимание...— говорил Клименко, всматриваясь в ошейник,— обратите внимание на эти медные шишки. Они не фабричного производства, они сделаны вручную. В ошейнике, может быть, какой-нибудь тайник?

— Не думаю. Он из какой-то тонкой пластмассы. Слишком тонкой, чтобы она была двойной. Но все-таки попробуем.

Мне удалось быстрым движением расстегнуть и раскрыть ошейник. Но Альма вырвалась у меня из рук и повалилась на ковер. Видимо, я причинил ей невероятную боль. Клименко дотронулся до раскрытого ошейника Альмы. Он был прикреплен прямо к ее коже, будто приклеен. Я бережно застегнул ошейник. Альма пришла в себя, нетвердо ступая, прошла в угол и, отвернувшись от нас, улеглась на ковре.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросил я Клименко.

— Нет. Я чувствую, что с ошейником что-то связано. И зачем понадобилось намертво прикреплять ошейник к самой шкуре? И как это сделано, зачем? Ужасно! Я ведь хотел сорвать его...

— Мы убили бы ее!

— Возможно, все возможно... После ее поведения во дворе... Как она проучила эту маленькую собачку, вашего Сибиряка! Это очень остроумно, это слишком остроумно для... собаки. И я сейчас совсем в другом свете рассматриваю один факт...— Клименко раскрыл свою папку и вынул фотографию.— Смотрите...

На фотографии была мужская рука. Узкая, мускулистая, безжизненно распластанная на белой материи рука была усеяна глубокими порезами.

— Это все стеклом,— Клименко указал на порезы.— Переднее стекло машины было разбито вдребезги, но не это главное. Вот здесь, возле большого

пальца, и здесь, с другой стороны, вы видите? Это следы зубов. Рука сжимала руль, и ее обхватила пасть этой самой Альмы. Я вначале подумал: уж не собака ли виновата? Собака могла испугаться толчка, в страхе тяпнула хозяина за руку. Но сейчас...

— Вы говорили, что машина немецкая? — спросил я.— А знаете, Альма не понимает никакой команды, обычной собачьей команды. Может быть, попробовать по-немецки? Но я неважно говорю. Так, чуть читаю, перевожу...

— Я тоже не силен... Но можно попробовать,— согласился Клименко.— Собака, кажется, пришла в себя... Альма, принеси мне книгу! — по-русски сказал Клименко. Альма не пошевелилась.— Дас бух!— повторил он по-немецки.

Альма тотчас же вскочила и, схватив зубами первую попавшуюся книгу с письменного стола, осторожно положила ее на колени Клименко.

Клименко скромничал: он совсем неплохо говорил по-немецки. И собака выполняла все его приказания. Она вспрыгнула на стол, затем выбежала в коридор и вернулась оттуда с его фуражкой, становилась на задние лапы, потом неожиданно уселась на пол и перестала повиноваться. «Что вам нужно? Я больше не буду выполнять бесполезные поручения»,— говорили, казалось, ее глаза.

— Да кто ты? — ласково спросил Клименко по-немецки.— Человек или зверь? Менш одер тиир? Кто ты?

— Спросите ее про термос,— сказал я. Альма насторожилась.— Где термос? У ее хозяина был термос.

Я быстро вышел на кухню, вернулся со своим термосом и показал пальцем сначала на него, а потом на Альму. Удивительная собака кивнула и выбежала из комнаты. Мы поспешили за ней.

Вот ее спина мелькнула в бурьяне, вот Альма легко вспрыгнула на каменный забор, пробежала поверху и исчезла.

— Неужели принесет? Неужели поняла? — изумлялся Клименко.

— Подождем...

Альма вернулась часа через два. Клименко, казалось, дремал в кресле, а я читал, когда она вбежала в комнату. В ее зубах был термос.

Клименко бросился к ней, но Альма протянула его мне. Термос был пуст. Это был только корпус термоса, без стеклянной колбы, в которую наливается жидкость.

— А где остальное? — спросил Клименко у Альмы.

— Погодите,— сказал я,— здесь что-то есть...

В термосе лежали свернутые листки бумаги. Я осторожно стал их вытаскивать один за другим. Их было много, этих листков, исписанных твердым угловатым почерком.

Мы вытаскивали листок за листком. Их нумерация не везде шла последовательно. Это были какие-то дневники. Некоторые листки были испещрены значками и химическими формулами. Видимо, это только часть записей.

— Здесь не все,— сказал Клименко.— Умница Альма!

Он погладил жесткую шерсть Альмы, потом быстро поднес руку к глазам: рука была в крови. Мы осмотрели Альму. Ее сильно и жестоко избили.

Альма стоически перенесла все медицинские процедуры, которые мы смогли проделать. Ее раны были обмыты марганцовкой и смазаны йодом. Клименко вызвал по телефону какого-то очень опытного ветеринара, и тот наложил повязки.

Забинтованная и накормленная, Альма уснула на диване.

Всю ночь мы провели над записями, найденными в термосе. Вначале нам казалось, что они не имели прямого отношения к происшествию на дороге, и только дальнейшие события показали, что мы ошибались. Я привожу эти записи с самыми незначительными пропусками. Сокращению подвергались места, которые непосредственно касаются тонкостей химии. С ними можно будет ознакомиться после их опубликования в специальной литературе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТАЙНА ДРЕВНЕГО РОДА МЕКАНИКУСОВ

I

«Мое детство я всегда вспоминаю с радостью. Но стоит ли о нем писать?..— так начинались эти записки.— Как бы красочно я ни изображал события и приключения своего раннего детства, для других вряд ли станут понятными те чувства, которые они вызывают в моей душе. Полное ласки, смеха, солнца, чудесных прогулок и увлекательных игр, мое детство оборвалось в памятные всей Бельгии, всему миру августовские дни 1914 года, когда огромная армия кайзера Вильгельма хлынула через границы моей тихой, маленькой родины и началась кровавая драма первой мировой войны.

Мы вместе с многими другими беженцами ушли во Францию. Отец вскоре вступил в армию короля Альберта.

Прошли годы, прежде чем наступил радостный день возвращения. Мы вернулись в наш старый дом на берегу Мааса. Окна были выбиты, мебель поломана... Вначале в нашем доме расположились немцы, потом в нем никто не жил целых три года. Сырой и холодный, он, казалось, тосковал о нас все это время.

Груда книг лежала на полу кабинета. В моей комнате весь потолок был продырявлен. Я внимательно вгляделся: дыры располагались подобно созвездиям на моем звездном глобусе, валявшемся здесь же. Видимо, офицер, который жил здесь, увлекался астрономией на особый, прусский манер.

Отец устроился на работу и уезжал каждое утро на строящийся за городом химический завод. Я стал посещать лицей и много работал в саду, помогая Франсуа, нашему слуге, человеку одинокому и трудолюбивому, который нашел в нашей семье свой дом.

Памятный разговор произошел как-то у меня с отцом.

— Отец,— спросил я его,— почему мы Меканикусы? Почему у нас такая странная фамилия? Мы не фламандцы? Когда я жил во Франции, я спрашивал всех родных. И дядя сказал, что это маленькая тайна и ответить мне сможешь только ты. Франсуа тоже ничего не знает. Это тайна?

— Да, если хочешь...

— Тайна?!

— Видишь ли, все уверены, что Меканикусы много столетий были почтенными купцами. Сейчас нет средневековых сословных предрассудков и строгих разграничений, и все-таки мне не хотелось бы, чтобы наши соседи или владелец завода, на котором я работаю, знали, откуда мы в действительности ведем свой род. Меканикусы появились в средние века. Они торговали вначале шерстью, потом — колониальными товарами. Это все очень солидно, почтенно и ни у кого не вызывает ни усмешки, ни удивления. Нам нечего стыдиться. Прошлое нашей фамилии — скромное, честное прошлое, но мы ведем свой род...— Отец замолчал и внимательно посмотрел на меня.

— От рыцарей?! Да, отец? — прошептал я.

— Нет, Карл, не от рыцарей.

— Мы Меканикусы! Наверное, наши предки были теми людьми, что придумали и строили первые плотины?

— Нет, Карл. Наши предки не строили плотин. Я уж жалею об этом разговоре, ты будешь разочарован. Наши предки были... алхимиками. Да, да, не смейся. В этом самом доме, в его подвале, сотни лет терпеливо работали и мой прапрадед, и прадед, и дед, а потом и мой отец. И я немного... Мы работали тайно. Только иногда из Вестфалии приезжали к деду знакомые алхимики, и тогда в доме устраивались диспуты. Возможно, я не стал бы никогда инженером-химиком, если бы в детстве не наслышался легенд и рассказов о старых алхимиках и если бы не помогал твоему деду в его таинственной работе.

Отец подошел к аккуратно сложенным на полу книгам, тем, что мы нашли в его кабинете.

— На наше счастье, солдаты кайзера неважно разбираются в книгах. Самое ценное осталось. Помоги достать мне вон тот толстый том. Видишь надпись? Книга принадлежала твоему прапрадеду. Это знаменитое сочинение Иоганна Исаака Голландца — настольная книга каждого алхимика.

Я достал толстенную запыленную книгу. С ее разбухших ворсистых страниц на меня глядели замысловатые значки, удивительные фигуры, символы. Некоторые из них показались мне знакомыми.

— Я видел их где-то,— сказал я.

— Видел? Наверно, в учебнике химии?

— Нет, в учебнике изображен алхимик, такой растрепанный старик, важный и оборванный, рядом с какими-то колбами... Но что написано в этой книге? Здесь попадаются латинские слова.

— Да, в этой книге кое-что написано словами. Но у нас когда-то была знаменитая «Либер мутус», так в ней не было ни единого слова — только значки и символы. Она так и называлась «Немая книга» — «Либер мутус» по-латыни.

— Неужели их можно разобрать, эти закорючки и фигурки? Отец, прочти хоть одну фразу!

— Не знаю, смогу ли. Ведь я давно, очень давно не занимался этим... Ну, вот здесь начертана одна из изумрудных таблиц Гермеса Триждывеличайшего. В ней дан способ приготовления золота... Вот видишь, Карл, кружок с точкой посередине? Это знак золота, но он же обозначает и Солнце.

— А рядом Луна!

— Знак Луны обозначает серебро.

— А это я знаю, это планета Марс. Кружок — щит бога войны, и стрелка — его копье.

— Их делали из железа. Поэтому знак Марса в алхимической тайнописи и обозначает железо.

— А как это читается?

Отец отодвинул от себя книгу и стал читать:

— «Это верно, без обмана, истинно и справедливо. Его отец — Солнце, его мать — Луна... Ветер носил его в своем чреве, земля — его кормилица. Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством, и ты получишь славу мира, и всякий мрак удалится от тебя...»

Незнакомые, необычные сочетания слов, и главное, отец читал книгу на память, его глаза были закрыты.

Я медленно перелистывал страницы.

— Ты помнишь все на память? Все-все?

— Я и сам удивляюсь,— ответил мне отец.— Ведь прошло много лет. Я вспоминаю свое детство, свою молодость... Да что говорить! Мне и шести лет не было, когда отец стал приучать меня к Великому Деланию... Великое Делание! Какое горькое и смешное, бесполезное и чудесное заблуждение!.. Да, Меканикусы сотни лет искали способ искусственного приготовления золота, искали настойчиво. Мы были известны среди алхимиков. Некоторые опыты проводились из поколения в поколение — от деда к внуку, от отца к сыну... Понимаешь, Карл? Опыт, который длится сотню лет! Среди Меканикусов были аптекари, были купцы, но все свободное время твои предки проводили внизу, в подвале. Да, да, в том самом подвале, где ты так часто пропадаешь. Но, знаешь, я не жалею ни о чем... Мое раннее, очень раннее знакомство со старинными алхимическими приемами оказалось пресерьезной школой современного химического эксперимента. Я удивлял своих учителей, образованных, настоящих химиков. «Какие руки, Юстус Меканикус! — говорили они мне.— Что за глаза!» Они не знали, что у меня руки наследника десятка алхимиков, что моя наблюдательность химика вырабатывалась в том возрасте, когда другие дети не могут самостоятельно зашнуровать свои башмаки и утереть собственный нос...

Я положил свою руку рядом с рукой отца, и мы переглянулись. У нас были одинаковые, очень схожие по своему складу руки. Ширококостные, но с длинными пальцами. Во Франции мне не раз говорили: «Ну и лапы! А ну, Карл, сожми кулак!». И правда, у меня, пятнадцатилетнего мальчишки, кулак был таким, какой не всегда встретишь у взрослого мужчины.

— Быть тебе химиком! — вдруг сказал мой отец.— Поверь, химия, право же, замечательная наука, если столько Меканикусов служили ей всей своей жизнью. Я не буду тебя неволить, но...— Отец вновь открыл книгу и медленно ее перелистывал.

— Отец,— сказал я,— отец, эти значки я видел там, внизу, в нашем подвале...

— В этом нет ничего удивительного.

— На стене. Прямо на кирпичах.

— Но подвал был оштукатурен перед войной!

— Там штукатурка откололась.

Отец взял фонарь, и мы спустились вниз. Я про-

вел отца мимо бочек из-под вина и стеклянных бутылей к полуразвалившейся печи с вмазанными в нее стеклянными трубками.

— Это атанор,— сказал отец,— печь старых алхимиков... Так где же ты видел надпись?

Я показал ему. Узкий луч света падал из окна, выходившего во двор. На кирпичах темнели значки и буквы. Лицо отца стало серьезным.

— Принеси-ка мне молоток,— попросил он.

Я вихрем вылетел из подвала, а когда вернулся, отец подобранным в мусоре ломом уже осторожно и неторопливо обивал штукатурку. Потом он тщательно зарисовал значки. Мы с отцом торопливо поднялись наверх.

— Действительно, эти знаки, по-видимому, имеют смысл. Так, буква «Z»... В сочетании с соседними она обозначает «замазывание». Но я не вижу знака Великого Делания. Неужели надпись не имеет отношения к алхимии?

Только через несколько дней отец позвал меня.

— Карл,— сказал он,— а ведь я прочел надпись, что была на кирпичах. Она читается, как ребус, и буква «Z» действительно обозначает «замазывание». Я все время искал указания на какой-нибудь химический процесс, поэтому никак не мог расшифровать. Вот что надпись означает...

Отец протянул мне испещренный значками листок бумаги; внизу стояли слова:

Ухожу к гезам. Все замазано.
Все под камнем.
Меканикус адепт.

— Адепт?

— Да, семейное предание говорит, что Меканикусы были адептами, то есть счастливыми обладателями философского камня.

— А может быть, они действительно владели этим философским камнем?

— Нет, нет, философского камня у них, конечно, не было, но чем-то, что принесло им богатство, они владели. Я твердо знаю, что именно во время гезов или немного раньше Меканикусы стали очень успешно торговать. Как из нищих алхимиков Меканикусы превратились в одну из солидных купеческих семей Намюра, мне неизвестно. Здесь был какой-то секрет.

— Гезы?.. Это те, кто восстал против испанского ига? Они подняли народ Фландрии. Тиль Уленшпигель... Сколько же лет прошло?

— Больше трехсот пятидесяти лет этой надписи. Да, Карл, каменная кладка очень старая. Завтра попробуй встать пораньше, и займемся нашим тайником.

II

На следующий день я проснулся чуть свет. Моя комната была на втором этаже, как раз над кабинетом отца. Полуодетый, я скатился вниз по лестнице. Франсуа широким, большим напильником оттачивал ржавую кирку, похожую на длинный и острый птичий клюв. Отец разматывал длинный шнур.

— Одевайся,— сказал он.

Мы наскоро позавтракали. Обжигаясь жареным картофелем и проливая кофе, я первый поднялся из-за стола. Отец также торопился и смотрел на меня с понимающей усмешкой. Франсуа уже возился в подвале. Он аккуратно и старательно водружал ящик на ящик, одну бочку на другую. Иногда раздавался звон осколков старинных реторт и бутылей, стеклянного тростника.

Отец подтянул внутрь подвала шнур с электрической лампой. И когда она зажглась, осветив сводчатые стены подвала, ярким красным пятном выделились обнаженные кирпичи.

Работа оказалась нелегкой: кирпич был необыкновенно прочным. Франсуа принес шоферские очки-консервы, так как при каждом ударе отлетали острые и быстрые осколки.

Но вот кирпичи рухнули на пол, так и не отделившись друг от друга, и пыль закрыла все. Когда она рассеялась, перед нами чернела темная ниша, в которой тускло блестело что-то круглое. Отец осторожно ощупал незнакомый предмет, потом взял его и поднес к электрической лампочке. В его руках был овальный баллон из мутного темно-зеленого стекла. Франсуа подошел к нише, осмотрел ее, но там больше ничего не было.

Под струей воды мы вымыли нашу находку. Отец медленно поворачивал баллон, и с него стекала поистине вековая грязь и пыль. Потом он насухо его вытер. Мы прошли в кабинет. Сейчас можно было рассмотреть нашу удивительную находку подробнее.

Баллон был заткнут полуистлевшей деревянной пробкой. Сквозь стекло было видно, что внутри что-то лежит. Франсуа протянул отцу напильник. Отец обернул бутыль старой газетой и крепко ударил напильником. Баллон разбился, и отец развернул газету. Среди зеленых осколков лежал сверток пожелтевших бумаг, завернутых в какой-то лоскут багрового цвета. Отец осторожно развязал материю. Листки старинной рукописи рассыпались по столу. Латынь на одних листках, на других старофранцузский диалект. Особенно хорошо сохранился жесткий пергаментный свиток, покрытый четкими кружевами арабских письмен.

III

Наши вечера были теперь заполнены. Отец приходил с работы, долго мыл руки, которые за день покрывались желтыми и зелеными пятнами ожогов от химических реактивов. Потом мы усаживались вокруг стола и начинали группировать листки найденной рукописи. Уже было ясно, что перед нами история одного или нескольких Меканикусов. Здесь же была старинная торговая книга. Отец больше всего удивился ей.

— Странно, очень странно! — сказал он.— Я в детстве видел старинную торговую книгу, и как раз за эти годы. Наши дальние родственники, Меканикусы из Гента, привозили ее моему отцу как семейную реликвию. Зачем понадобилось замуровывать такую же? Да и вообще зачем нужна была вторая книга?

— Меня это не удивляет, господин инженер,— улыбнулся Франсуа.— У всех крупных торговцев всегда ведется еще одна книга. В одну пишется одно, а в другую...

— Вы подозреваете, что...

— Нет, нет,— спокойно возразил Франсуа,— так у всех, это правило... Мало ли что... Бывает, что приказчик за известную плату передает другой фирме секрет хозяина, а без секретов в торговом деле никак нельзя...

После этой находки я стал отличаться прилежанием, особенно по точным наукам. Однажды не без хвастовства я сказал в классе, что могу быть только химиком, даже если захочу стать кем-ни-

будь другим,— мне нельзя... Мы, Меканикусы, происходим от древних алхимиков Фландрии.

Эти слова произвели огромное впечатление, что, однако, не помешало Вольфгангу Матерну назавтра встретить меня насмешливым выкриком:

— Ребята, великий маг и волшебник Намюра грядет!

Я набросился на Матерна и задал ему трепку, хотя его слова были не так уж мне неприятны.

Разбор рукописей мы начали с пухлой пачки, в которой первый из Меканикусов повествовал о своей жизни и приключениях.

Передо мной нет сейчас этого документа, но я его столько раз читал, что без больших ошибок могу воспроизвести по памяти. Да, род Меканикусов действительно шел не от рыцарей...

Не было в нашем роду ни богатых вельмож, ни сановников церкви; больше того, первый из Меканикусов, шагнувший к нам со страниц найденной рукописи, был до обиды безродным, чумазым и вороватым пареньком. К чести его можно сказать, что в своих записках он был чистосердечен, в своих действиях — находчив и смел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НЕВЗГОД И УСПЕХОВ ОДО, ПЕРВОГО ИЗ МЕКАНИКУСОВ

I

«Я, Одо, алхимик епископа Льежского,— так (насколько мне не изменяет память) первый из Меканикусов начинал свои повествования,— рожденный от честных родителей в год, который не знаю, в деревне, названия которой не помню, начинаю эту историю в назидание своим потомкам — наследникам моего славного и могучего ремесла; пусть умножают они опыт и знания, пусть продолжают эти записки. И бог да поможет им, как он помогал мне в моих трудах и многочисленных испытаниях. То, что я остался жив, несмотря на непрерывные невзгоды, до сих пор удивляет меня. Я видел голод и мор, пережил войны и плен. Тело мое хранит следы воинских ран и страшных орудий пытки. Я узнал гнев знатных рыцарей и алчность гордых епископов, я видел блестящие турниры и кровавые расправы с народными мятежами. На моей памяти гибли и воскрешались графства. Я видел воинственных, никогда не расстававшихся с мечом священников и набожных вассалов, которые мечтали только о том, чтобы стать приорами монастырей в надежде, что имя святого остановит кровавые устремления соседей-баронов.

Что помню я? Помню дом со стенами из глины и соломенной крышей; помню своего отца, высокого и крепкого крестьянина; помню мать, окруженную оравой кричащих ребятишек.

Мне было шесть или семь лет, когда мы, возвращаясь с ярмарки, были настигнуты конным отрядом какого-то кастеляна. Я спрыгнул с телеги и спрятался в кустах. С дороги доносились крики, ржание коней. Гремя колесами, промчались по дороге повозки, и все стихло. А я все сидел в кустарнике, боясь шелохнуться.

На рассвете осторожно выбрался на дорогу. Лицом вниз лежал мой отец. Он был холоден, как утренняя земля, на которой он лежал. Я тряс его за плечи, но напрасно. Со стороны болот медленно наступал густой туман. Солнце поднималось все выше и выше, а туман становился гуще, воздух — все более холодным. Я не плакал. Слишком грубым было мое воспитание, да и жили мы тогда в очень жестокий век.

Я сделал то, что сделал бы каждый покинутый ребенок на моем месте,— я пошел по дороге. Мне некого было ждать, и никто не стал бы искать меня. Дом свой я и не пытался найти, так как уехали мы от него далеко. Помню, что мы проезжали две или три крепости, помню большие мосты над быстрыми реками...

Все вокруг было незнакомым. Впереди чернел лес, справа вставали высокие и голые горы Арденн. Я шел весь день. К вечеру, прокравшись сквозь открытые ворота какого-то замка, я отыскал по запаху вход в трапезную каноников. Один из них пожалел меня и хотел было накормить, но появившийся в трапезной важный рыцарь увел меня в другую комнату и стал расспрашивать. Я повторил свой рассказ, сказал, что мой бедный отец все еще лежит на дороге к замку... Рассказ не понравился рыцарю. Он приказал своим слугам вывести меня на дорогу.

И замелькали под моими ногами камни древних дорог. Сейчас, умудренный чтением многих хроник и летописей, я знаю, что нечестиво топтал своими босыми ногами камни, по которым шли римские легионы Цезаря. Шли, чтобы в жестоких боях уничтожить славные племена, населявшие древние земли Брабанта и Генегау, Фландрии и Артуа. По этим же дорогам шел первый наш епископ — святой Серваций, неся бедным язычникам крест и имя Иисуса Христа. Правда, насколько я знаю епископов, они редко ходят пешком, предпочитая крытые повозки на высоких, обитых железом колесах, и за ними всегда едет обоз с хлебом и вином, медом и дичью, а впереди и по бокам скачут рыцари — вассалы епископа, но все могло быть по-другому в те времена.

II

Во время своих странствий я примыкал то к нищим, то к странникам, возвращавшимся из святых земель Палестины или из Рима, слышал десятки удивительных рассказов о войнах и о разбойниках, о нравах халифов Востока и христианских королей. Старался я услужить странникам, чем мог, получая в награду чаще всего зуботычины.

Наконец я попал к одному нищему. Это был старый воин, покрытый рубцами и шрамами. На левой руке у него остался только один палец. Он долгие годы воевал с сарацинами в Палестине, но, когда христолюбивое воинство крестоносцев в священной войне за гроб господень связало себя вассальной зависимостью со злонамеренными язычниками — персидскими монголами, не захотел мириться с таким кощунством и, покинув Палестину, вернулся домой.

За время отсутствия его небольшое наследственное поместье было отдано за долги аббатству, и монахи не пустили законного владельца даже на порог. Обиженный и озлобленный, он стал промышлять нищенством, а где было можно, и воровством.

Как ни покажется странным, но ворованное казалось ему вкуснее и слаще, чем доброхотное подаяние. Он никак не мог расстаться с воспоминаниями о героических битвах, о штурмах крепостей, о многодневных переходах в безводных пустынях, когда доблестные христианские воины падали замертво от жары и жажды, устилая своими благородными телами путь к крепостям неверных.

Иногда на постоялых дворах он рассказывал о

своих странствиях, но рассказы его не производили на людей впечатления: к тому времени многие осмеливались откровенно смеяться над подвигами и особенно над неудачами славных крестоносцев.

Этот бродяга — звали его Готфрид — временами очень жестоко колотил меня. Нанося мне удары, он, по-видимому, переносился мыслью в осажденный город, и если бы я не вырывался от него, то давно протянул бы ноги.

Догнать меня он не мог. Придя в себя и немного успокоившись, он упрашивал простить его, старика и воина, и продолжать путь вместе с ним. Нужно сказать, что к тому времени я стал уже — да простит мне господь бог мои прегрешения! — опытным воришкой. Сообразить, что можно украсть, было делом моего хозяина, но залезть к крестьянину во двор или утащить у зазевавшегося покупателя кошелек мог только я.

Однажды я очень обидно обманул своего хозяина. И он весь день пытался меня поймать и отколотить, а потом крикнул мне со злостью:

— Будь ты проклят, бродяга и бродяжий сын! Разве тебе быть слугой бедного и заслуженного воина, у которого каждое су — последнее су! Надо тебе стать слугой епископа, у которого мешки полны денье и дукатов, или слугой алхимика, который делает золота сколько захочет, да еще ему и платят за это!..

После этих сердитых слов мой хозяин сразу успокоился и задумался. Я еще никогда не видел его таким задумчивым и подошел к нему совсем близко. Он по привычке поймал меня за ухо, но не стал его выкручивать, как он это делал обычно, а привлек к себе и зашептал:

— Одо, мой мальчик, ты, кажется, подал мне мысль. И если дело выйдет, то у нас будет вдоволь мяса и хлеба да еще останется на кружку доброго мозельского вина.

Между нами наступили мир и согласие. Хозяин мой что-то все время обдумывал, рылся у продавцов всякой рухляди, время от времени удивляя меня совершенно необычайными покупками. Какие-то медные сковороды, глиняные бутыли... Когда у нас не было денег, мы принимались за нищенство и просили так усердно, что не нуждались бы ни в чем, если бы не наши покупки. Вскоре у нас появились бумага и чернила в медной чернильнице. В молодости хозяин немного учился писать; теперь он частенько усаживался и, положив под бумагу свою видавшую виды кожаную суму, выводил гусиным пером невероятные каракули, похожие на жуков и пауков, а не на буквы.

Однажды хозяин принес длинный черный плащ с капюшоном и, завернувшись в него, сказал, что с сегодняшнего дня я должен звать его не иначе, как Готфрид Компьенский. Всем, кто будет спрашивать, чем занимается мой хозяин, следует отвечать, что он алхимик и волшебник, но что это секрет и большая тайна. Мое воспитание также продвинулось вперед. Хозяин стал обучать меня чтению и письму. Я уже тогда знал, что люди, владеющие искусством грамоты, живут гораздо лучше неграмотных крестьян, и занимался хоть и урывками, но очень прилежно.

Во время своих странствий по Востоку хозяин немного узнал латынь и арабские письмена. Где-то он раздобыл несколько старинных рукописей и часами просиживал над ними, шевеля губами и произнося какие-то странные слова.

Вскоре я понял, что он готовится к какой-то новой роли, которую решил играть. Со страхом и нетерпением я ожидал дальнейших событий.

III

Нам удалось познакомиться с одним очень богатым купцом, на которого произвели бо́льшее впечатление воинственный вид и грубая речь хозяина, нежели его ученость, а может быть, и то и другое.

Купец отдал нам маленький амбар, в котором когда-то хранилось зерно. Все свободное время он наблюдал за тем, как по указаниям моего хозяина складывают какую-то невиданную в этих местах печь, как мой хозяин, произнося непонятные слова, зажигает в ней огонь, как толчет и размешивает в ступе камни, куриный помет, лягушачьи кости, которые я доставлял ему. К зиме печь была установлена, и впервые за много лет нам было тепло. Вскоре один из слуг продал нам убитую им сову. Мы повесили ее чучело на стене, и каждый, кто к нам входил, с уважением и интересом следил за тем, что делал я или мой хозяин.

Хозяин, видимо, читал или слышал о Великом Делании алхимии, стремящейся превращать простые металлы в благородное золото. Но, будучи, как принято говорить сейчас, алхимиком-суфлером, то есть алхимиком, работающим не по древним рукописям Гермеса Триждывеличайшего, или Зосимы из Панополитании, или при помощи таких же достоверных и полных смысла трудов, а по собственному плану и побуждению, он пытался найти свой рецепт, как я вначале считал, превращения свинца в золото. На деле же хозяин мой думал только о том, чтобы сделать золото похожим... на какой-нибудь неблагородный металл. И когда нам удалось купить маленькую фиолку, наполненную ртутью, его опыты сразу пошли на лад.

Вскоре купец начал выказывать нетерпение.

Хозяин мой, Готфрид Компьенский, только посмеивался, но работали мы очень усердно. Наконец он показал мне серебряную монету такой белизны, что, казалось, от нее шли блестящие волоски, когда на нее падал солнечный луч. Я сказал ему, что монета выглядит скорее свинцовой, чем серебряной. Хозяин был огорчен этим, но согласился со мной. Он послал за купцом, пригласив его присутствовать при первом опыте, во время которого мы с помощью божьей попытаемся превратить свинец в золото. Купец явился не один — с ним пришли его друзья, слуги и приказчики. Был среди гостей и пожилой рыцарь, который очень внимательно разглядывал наши тигли и фиолки.

Хозяин пустил по рукам «свинцовую монету» с изображением Фридриха II, императора Германии. И все, кто был в комнате, единодушно сказали, что монета сделана из свинца. Монета вернулась к хозяину, но он ее не взял, а в любезных выражениях попросил нашего купца подержать ее в руках во избежание подозрений. Затем он приказал мне подбросить угля в печь и поставить на огонь малый железный тигель.

Когда все это было сделано и тигель раскалился, мой хозяин насыпал туда порошка из маленькой фиолки, влил несколько капель масла и, когда дым и чад наполнили нашу комнату и все стали сморкаться и тереть глаза, попросил купца положить в раскаленный тигель свинцовую монету. Как только это было сделано, хозяин произнес таинственные заклинания, подтолкнув меня в бок и зна́ком показав, чтобы и я делал то же самое. Через некоторое время хозяин объявил, что Великое Делание свершилось. Первым заглянул в тигель купец и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Там... там блестит.

Он протянул руку и вытащил блестящую золотую

монету. Монета пошла по рукам. Она еще была довольно горяча, и ее перебрасывали с ладони на ладонь, дули на нее, переворачивали с боку на бок.

— Золото, настоящее золото! — слышалось вокруг.

Купец развязал свой кошелек и высыпал на стол десятка два серебряных монет. Он пообещал помогать нам и впредь, и все стали понемногу выходить из нашей лаборатории. Мы терпеливо ждали, когда все удалятся, как вдруг заметили, что в углу комнаты сидит пожилой рыцарь, закрыв лицо руками.

— Господин,— сказал я, кланяясь рыцарю,— мой хозяин, Готфрид Компьенский, устал и хочет отдохнуть.

Пожилой рыцарь отнял свои руки от лица. Мой хозяин отшатнулся и тихо произнес:

— Гартман фон Эшенбах!..

— Готфрид,— тихо сказал рыцарь,— я сразу тебя узнал, дружище! И вспомнил друзей и товарищей. И штурм Гераклиона... Ты честный христианин и воин! Твое место среди нас, ты украсишь любой рыцарский гарнизон. А эту мразь...

Рыцарь выхватил меч и концом его поддел чучело нашей совы, но хозяин поймал его за руку и заставил опустить меч.

— Гартман фон Эшенбах,— сказал мой хозяин,— я не могу больше быть воином! Смотри! — Он поднес к лицу рыцаря свою изуродованную левую руку.

— Рука ничего не значит! — упрямо сказал рыцарь.— Я знаю твое сердце бесстрашного воина...

— Голод, холод и длинные дороги сделали его мягче воска, Гартман... И куда я ни приходил, предлагая свой меч и свою опытность, мне в лучшем случае давали кусок хлеба... Одо, мой мальчик,— обратился он ко мне,— сбегай принеси немного вина...

Когда я вернулся, старики наперебой вспоминали стычки с сарацинами и турками, оба развеселились, помолодели.

— А ты... ты что? Ты понял? — спросил хозяин у Гартмана фон Эшенбаха.

— Да как не понять! Когда монета пошла по рукам, мне стоило только к ней прикоснуться, чтобы сразу почувствовать настоящее золото. А то, что оно было белое... Ну, об этом нужно спросить вот этого мальчика, так как он, наверное, натер ее Меркурием, или, как иначе называют этот удивительный жидкий металл, ртутью. А при нагревании ртуть рассталась с золотом... Я слышал о таких фокусах еще в Византии... Но уж обманывать так обманывать! Что ты щиплешь понемножку этого купца? Я на твоем месте рискнул бы покрупнее и, разом взяв большую сумму денег, бросил бы это мерзкое и еретическое занятие, на которое еще неизвестно как посмотрит епископ... А ведь это он меня прислал сюда. И, не окажись я твоим другом, быть бы тебе в темнице. Однако при дворе епископа есть один самодовольный и очень богатый виконт. И если дело повести тонко, то можно будет выманить у него значительную сумму денег.

— Было бы проще,— сказал мой учитель,— владей я хоть клочком какого-нибудь старинного документа. Трудно допустить, чтобы никому не известный алхимик Готфрид Компьенский открыл секрет Великого Делания. Гораздо проще поверить в то, что я просто сумел прочесть уже открытую тайну или сумел ее украсть.

— На твое счастье, у меня есть такая рукопись! Я пришлю ее тебе. Знатный сарацин просил оставить ему только эту рукопись, когда мы напали на его караван. Он валялся у меня в ногах и предлагал за нее значительный выкуп. Все время этот сарацин повторял: «Джабир, Джабир!»

— Джабир? Мусульманское имя великого Гербера!

— Так я все устрою, Готфрид...

Старики еще раз выпили, и наш гость вышел во двор, где его, оказывается, ждал небольшой отряд воинов, похожих на привидения: липкий мокрый снег покрыл их с головы до ног.

IV

Вскоре мой хозяин получил приглашение от виконта Адальберона Юлихского.

Он вернулся только на следующий день и показал мне пергамент, о котором ему рассказывал Гартман фон Эшенбах.

— Может быть, в нем и сокрыта тайна тайн алхимии, но я не настолько знаю арабский язык, чтобы его смысл стал мне понятен,— сказал хозяин.

Мы выплавили из трех золотых монет три небольших стерженька, а когда они были готовы, хозяин поднял деревянный люк, и мы спустились в подвал.

— Одо,— сказал хозяин,— на тебя вся моя надежда. У тебя будет вода и вдоволь хлеба. Я скажу виконту, что для успеха опыта нужно выждать ровно сутки. Ночью ты выберешься из подвала, положишь в тигель этот кусочек золота, а потом опять спрячешься. Действуй только очень тихо, чтобы стража не услышала.

Я не мог видеть виконта, когда он явился, но пол прогибался под тяжестью его тела. Он говорил громко и повелительно. Я слышал, как он разговаривал с моим хозяином, как гремел у нашей плиты, составляя эликсир, который должен будет превратить ртуть в золото. Потом он приказал своим воинам строго сторожить дом и уехал. Наступила тишина. Я выждал какое-то время, осторожно вылез из подвала, на ощупь подошел к печи, выплеснул ртуть на пол и положил на дно еще теплого тигля стерженек золота, который мы перед этим выплавили из золотой монеты. После этого я опять залез в подпол и вскоре незаметно уснул. Когда я проснулся, через щели в полу уже проникал дневной свет и надо мной гремели шаги.

Виконт был в восторге. Он расписывал съехавшимся сюда рыцарям и воинам чудесный опыт «без всякого обмана»: ведь он сам, своей рукой, положил в тигель все эликсиры, сделавшие ртуть постоянной и превратив ее тем самым в золото.

— Теперь у меня есть свой алхимик! — донеслось до меня сверху.— И мне остается его... повесить, чтобы ничем не отличаться от моего соседа!

Эта грубая шутка была подхвачена находившимися наверху людьми.

— Остается все проверить еще раз,— продолжал он немного погодя.— За секрет вашего, как его, эликсира я заплачу тысячу монет из настоящего золота. Еще одну проверку!

Трудно описать мои мучения в следующую ночь. Воду я неосмотрительно выпил, и сейчас меня терзали и нестерпимая жажда и холод. Я едва дождался, пока наверху все успокоилось, торопливо выскользнул из подвала, быстро пробрался к тиглю, выплеснул из него ртуть и положил на дно его второй кусочек золота, из тех, что предусмотрительно вручил мне хозяин.

Я попробовал разыскать что-нибудь из съестного, но возле двери раздались голоса стражей, приставленных виконтом, и я в испуге бросился в подвал. С ужасом думал я о том, что если виконту придет

в голову желание проверить в третий раз действие эликсира, то мне просто придется умереть от жажды и голода.

V

На следующий день меня разбудили голоса наверху. Все говорили взволнованно, по-видимому, золотой стерженек пошел по рукам.

Воспользовавшись шумом, я постарался быстрыми движениями разогреть затекшие и замерзшие члены. Вдруг наступила тишина, и я услышал громовой голос виконта.

— Готфрид Компьенский,— торжественно говорил виконт,— вы показали свое высокое искусство превращения ртути в золото! Вы доставили мне высокую радость почувствовать, что и у меня есть свой алхимик... Но радость моя была бы неполна, Готфрид Компьенский, или как вас там еще величают, если бы я не смог вас повесить... Все говорили бы: виконт Адальберон — простак, он попался на удочку нищего мошенника, а еще метит в графы... Так говорили бы, но так не скажут. Не скажут потому, что я гораздо больший маг и волшебник, Готфрид Компьенский, чем вы. Если первый раз я действительно плеснул в тигель это вонючее зелье, которое ты, бродяга, выдавал за чудодейственный эликсир, то во второй раз я оставил все как было. Я не произнес ни одного слова из того дьявольского заговора, который содержится в этом листке. Я не влил ни капли эликсира. Я просто потрогал тигель в печи и, приставив стражу, ушел... И ртуть превратилась в золото!.. Да, своим злокозненным мошенничеством ты, Готфрид Черт-тебя-знает, заслужил золото. И ты его получишь! Жуо, Роберт, возьмите десять монет, прикажите позолотить виселицу и вздерните на ней этого негодяя еще до захода солнца!.. Ты будешь качаться на золотой виселице, Готфрид Компьенский!

Я услышал вопль моего хозяина, звук обнажаемого оружия...

Вскоре над моей головой раздался грохот: кто-то разбивал стеклянную посуду, добытую нами с таким трудом. Зазвенели топоры. Рушились стены нашего пристанища, в котором мы провели столько славных минут в работе и размышлениях, а главное, в тепле и сытости...

В невероятном страхе и тревоге я прислушивался к тому, что происходило наверху. Из обрывочных разговоров я понял, что дом будет разрушен и сожжен, так как кто-то по ночам подкладывал в тигель золото. Этот кто-то был я сам. Мне предстояло выбрать между позолоченной виселицей и костром, в который слуги виконта превратят наш амбар.

Ночью дом запылал. Языки пламени метались в щелях над моей головой. И должен сказать, что вначале мне стало приятно от тепла, и вместе с теплом пришла надежда. Люди виконта, убедившись, что дом горит, покинули его, я услышал удаляющийся топот многих коней.

Новая беда подстерегала меня. Люк, на который, по-видимому, свалились бревна, не открывался. Тщетно я бился, напрягая все свои силы, чтобы приподнять его хоть немного, но все было напрасно. Наконец после многих усилий бревно скатилось с люка, и я выполз наружу. Разрушенный дом тлел, густой снег валил на него, с шипением гася огонь. Я, обжигаясь о горящие бревна, выбрался из дома, загасил тлевшую на мне одежду и побрел в сторону леса. Оглядываясь, я брел вдоль опушки. К утру вышел на дорогу, покрытую следами лошадей и пешеходов. Снег начал таять, небо было безоблачным, и солнце ярко светило. Вдруг невдалеке на холме блеснуло какое-то сооружение. Вокруг никого не было. И, когда я подошел ближе, моим глазам представилась ужасная картина: мой хозяин висел на блестевшей позолотой виселице. Я, не помня себя, подбежал и обнял холодный деревянный столб. Сквозь слезы я рассмот-

рел над собой какую-то надпись. Смысл ее не сразу дошел до меня.

Когда-то я умел делать ртуть более постоянной, а теперь меня сделали более постоянным.

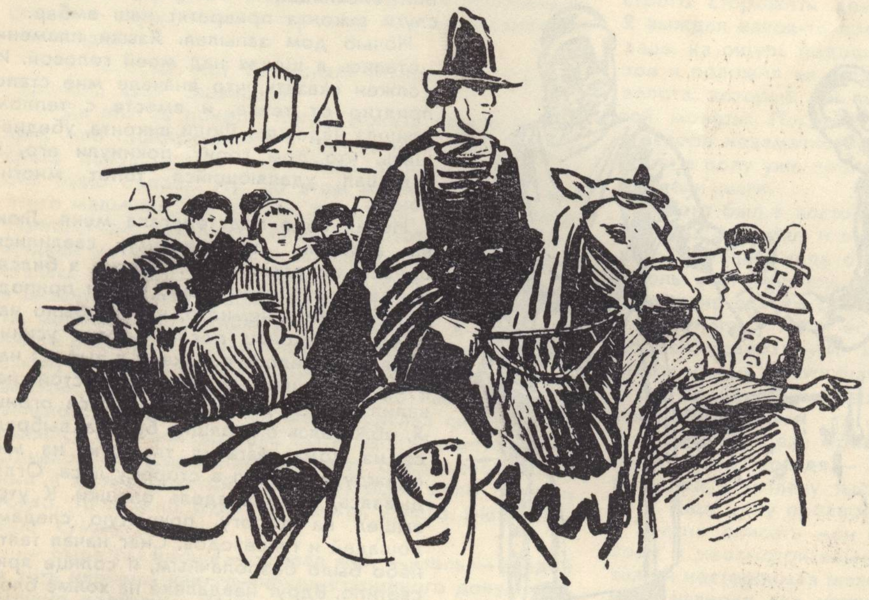
Сзади раздался звук шагов. Я быстро обернулся и увидел рыцаря в полном вооружении. Я узнал его: это был тот самый крестоносец, который пил вино и пел песни вместе с моим хозяином. Внизу под холмом застыли всадники.

Рыцарь медленно вынул меч и обрубил веревку. Несколько слуг бросились ему на помощь, бережно подхватили тело моего хозяина и унесли. Сорвав надпись, рыцарь протянул ее мне. Она была сделана на пергаменте с арабскими письменами. Я бережно спрятал его на груди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ОДО МЕКАНИКУСА

I

И вновь начались мои странствия. Летом я ушел из этих мест, пересек Шампань и Бургундию. Я рос в странствиях. И все, чему успел научить меня мой незабвенный хозяин, сослужило мне верную службу. В тавернах я предлагал свои услуги для чтения книг вслух, если они случайно были у кого-нибудь из постояльцев, и всегда находились благодарные и нескупые слушатели. Я никому не рассказывал, кто я и откуда. Да и кому какое дело было до меня! Но вот однажды — это случилось в Бурже — со мной заговорил некий очень богатый, как я судил по его одежде и обхождению, и внимательный господин. И я

разговорился больше, чем обычно. Мои злоключения заинтересовали его.

Он неожиданно сказал, что у него нет слуги и что я ему подхожу. Я помогал ему в дороге и, изведав ранее невзгоды одинокого бродяги, теперь старался изо всех сил. Меня поражало удивительное сочетание в моем новом господине: он был прост и высокомерен в одно и то же время. Он мог часами расспрашивать меня о том, что делал мой хозяин, посмеиваясь над нашими неудачами и проявляя такую осведомленность в делах алхимиков, что я стал думать, не алхимик ли он сам. Со всеми остальными он был высокомерен и горд. И каждому, кто с ним сталкивался, становилось ясно, что короткий прямой клинок, с которым он никогда не расставался, подвешен к поясу отнюдь не для красоты.

Многие испытания ждали меня на службе у моего нового хозяина, мессера Даниила из Трансиордании. Он выдавал себя то за врача, владеющего панацеей, средством от всех болезней, то за алхимика.

— Одо, поверь,— говорил он мне, смеясь,— мое лекарство узуфур холодит во рту и вылечивает от простуды и проказы, зубной боли и лихорадки.

В две тысячи дукатов обошлась одному знатному вельможе из Тосканы его доверчивость... Мы бежали во Францию.

Но такой дерзкий обман не мог остаться безнаказанным. И вскоре на моих глазах развернулись события, при воспоминании о которых мне и сейчас становится страшно.

Во время большой ярмарки мой хозяин при огромном стечении народа показывал трансмутацию железа в золото. Для этой цели я накануне покрыл золотой гвоздь ржавчиной, замешанной на клею. Гвоздь показывали народу, затем хозяин погружал его в сосуд с коричневой кислотой и, произнося непонятные слова, вынимал через некоторое время. Знатные вассалы и рыцари толпились на помосте, что еще более усиливало доверие к тому, что делал мой хозяин.

Был ясный осенний день. У белоснежных стен города Каркассонна, что высится над рекой Од, на деревянном помосте стоял мой хозяин. Он уже дважды показывал превращение железного гвоздя в золото, но народ, плотным кольцом окружавший помост, не давал нам уйти. Я с шапкой в руке спустился вниз, чтобы собрать деньги, щедро бросаемые приезжими купцами. Все были рады небывалому развлечению. То, что раньше могли видеть только знатные вельможи, имевшие своих алхимиков, теперь показывалось всему народу. Купцы из далекой Англии, приехавшие на ярмарку с оловом и железом, купцы из родной мне Фландрии—они привезли сукно и шерсть,— чехи, приехавшие в Каркассонн с кожей и изделиями из стали, боевыми топорами и кольчугами,— все предвкушали, как, вернувшись домой, они будут рассказывать о необыкновенном чуде, которое показал им Даниил из Трансиордании.

Я поднялся на помост, чтобы отдать своему хозяину деньги, как вдруг увидал пробивающегося сквозь толпу на высоком рыжем жеребце до странности знакомого вельможу. А когда он откинул поля своей широкой шляпы и выступил вперед, мой хозяин попятился в ужасе.

Теперь и я узнал этого господина. Это был брат того тосканского сеньора, которого мой хозяин так ловко обманул.

Вельможа вытащил и занес над головой кривой сверкающий меч. Я закрыл глаза, думая, что моего хозяина уже нет в живых, но вельможа ударил по срубу, на котором лежал золотой гвоздь. Вот он высоко поднял и показывает всем, кто был на помосте, и тем, кто столпился внизу, половинки разрубленного гвоздя. И все видят, что гвоздь целиком золотой, только сверху измазан ржавчиной.

Толпа шумно потребовала смерти моего хозяина.

— Вы не знаете этого гнусного обманщика! — кричал тосканский вельможа.— То, что он показывал сегодня на ярмарке,— только шутка по сравнению с тем, на что он способен!

— А это что за мальчишка? — спросил вдруг кто-то, указывая на меня.

— Одо...— ответил я как мог тихо.

Но толпа зашумела:

— Одо?! Да он сродни нашей славной реке! Утопить его, утопить!..

Со смехом и шутками меня потащили к реке, которая, на мое несчастье, называлась рекой Од. Здоровенный купец схватил меня за ноги и, широко размахнувшись, швырнул в воду. Я погрузился до самого дна, а когда стал выплывать, то сквозь воду слышал крики толпы на берегу. То и дело ныряя, я выплывал все ближе и ближе к другому берегу. На мое счастье, вода была слишком холодна, а злоба против нас уже успела остыть, и за мной никто не бросился. Вскоре я уже стоял на другом берегу. Бегом я бросился к таверне, в которой были оставлены наши пожитки, быстро взбежал наверх и, схватив одну из попавшихся мне наших сумок, выбежал наружу. Через реку на большой лодке возвращались с ярмарки ремесленники и торговцы. Нужно было уходить, и я торопливо зашагал прочь от города.

Только тогда, когда белые стены крепости скрылись из виду, я сел на высокую желтую траву и раскрыл сумку. В ней были деньги и драгоценности хозяина.

Невдалеке от Нарбонна я догнал открытую повозку, в которой сидел мой хозяин. Шесть или семь всадников окружали ее, а впереди, распевая удалую песню, ехал Лоренцо из Тосканы — так, кажется, звали этого знатного сеньора. Его рыжий жеребец был строен, как олень, и могуч, как тур. Но не я один обратил на него внимание в этот вечер...

Барон, владелец замка, где Лоренцо остановился на ночлег, дотемна не отходил от рыжего жеребца своего гостя.

Поздно вечером я проник в комнату барона и, высыпав перед ним все золото, которое было в сумке моего хозяина, упал на колени, умоляя спасти жизнь Даниила из Трансиордании. Звон дукатов придал решимости барону. Он отправился в большую комнату, где расположился Лоренцо со своими спутниками. Вскоре я услышал крики, ругань, а затем и звон оружия. Очевидно, там закипел бой.

Воспользовавшись суматохой, я вывел из конюшни первого попавшегося мне коня. Это был рыжий жеребец Лоренцо. Ножом разрезал я путы на руках и ногах хозяина. Хозяин медленно, прямо с телеги перебросил свои затекшие от веревок ноги на неоседланную спину коня, помог забраться мне, и мы помчались.

Сзади нас все разрасталось зарево пожара: видимо, кто-то в пылу сражения перевернул светильник. И мне все казалось, будто я вижу, как в языках пламени бьется сверкающим мечом неистовый и надменный Лоренцо.

Утром хозяин заставил лечь коня, а мы растянулись рядом на влажном песке. Ветер шевелил мохнатый кустарник; мягкие, неуловимые струйки песка лились у меня с ладони. Светло-зеленое, сверкающее золотыми блестками море шумело перед нами. Высокие волны набегали на берег и, шипя, отступали.

— Я не пойду с вами, хозяин! — сказал я.

— Да, с тебя хватит, я согласен...

— Я буду алхимиком. Буду! Я найду философский камень. Это так интересно! Только не надо обманывать...

— Существует ли он, этот камень?..

— Я буду искать. Я люблю смотреть, как плавится медь, как дробятся и сливаются вместе капли ртути, будто олово, расплавленное, но холодное. Я люблю возиться зимой у печи-атанора и следить, как настой из трав по капле возгоняется из реторты... Я буду алхимиком, хозяин!

Мессер Даниил раскрыл сумку.

— Черт, да где же все золото?!

— Ваша жизнь стоила его, хозяин!

— Здесь осталось всего несколько монет. Возьми их, Одо! Бери с сумкой... Мне они не нужны.

Я доеду до Монпелье, там еще не кончилась ярмарка, и продам этого рыжего красавца. Он стоит не одну сотню дукатов.

— Хозяин, в сумке лежит пергамент.— И я вынул тот самый арабский документ, который был прибит к виселице старика Готфрида.— Вы говорили, что в нем описан способ приготовления узуфура, лекарства от всех болезней...

— Узуфур? Я не умею читать эти закорючки. Возьми его, он твой. Может быть, в нем содержится секрет Красного камня алхимии... Но, Одо, если ты в самом деле хочешь стать алхимиком и всю жизнь дышать невидимыми ядовитыми испарениями, исходящими от раскаленного серебра или кипящей ртути, то я дам тебе письмо к моему старинному знакомому... Когда-то я учился в Англии, в Оксфорде. Мне пророчили блестящую будущность, но я, как видишь, избрал другие пути... Меня очень любил один профессор. Сейчас он оставил кафедру и занимает высокое положение епископа Линкольнского. Я напишу ему несколько слов, он поможет тебе. Но не рассказывай ему, прошу тебя, обо мне. Он будет, пожалуй, огорчен.

В ближайшей таверне у проселочной дороги мой хозяин написал коротенькое письмо на обороте арабского пергамента. И мы расстались. Упругой, неутомимой рысью бежал по светлой дороге рыжий жеребец. На повороте хозяин повернулся, махнул мне рукой и скрылся навсегда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МАГИСТР ИЗ ОКСФОРДА

I

Два года продолжался мой путь в Англию, в графство Линкольн. Это был трудный путь. Часто я вынужден был забывать о своей цели и заботиться о сохранении жизни, о том, чтобы бренная ее нить не прервалась из-за холода и голода...

Кем только мне не пришлось быть, пока я не встретился со стариком — жонглером и фокусником! Он обучил меня своему сложному и любимому народом искусству. На рыночных площадях я пел песни о великих битвах и могучих героях, побеждавших великанов и волшебников, подбрасывал и ловил блестящие ножи и несколько медных шаров, а старик собирал деньги. Слава о моем искусстве опережала бедную лошадку, впряженную в повозку с нашей утварью. Иногда нас приглашали даже в замки, где мы развлекали богатых и знатных вассалов.

— На юг! — говорил мой товарищ.— На юг, туда, где плещется море, где не нужна теплая одежда.

— На север! — отвечал я.— Только на север! Мне нужно прийти в графство Линкольн...

Парусник перевез нас из Булони к меловым берегам королевства Англии. Здесь жонглеров еще больше любили, чем в Бургундии или Шампани. Старик-фокусник простудился в дороге. И я оставил его у крестьянина, отдав все деньги, которые имел, а сам продвигался все дальше и дальше на север. В сияющем мае я уже брел по цветущим лугам графства Линкольн. Но неожиданное и жестокое разочарование ожидало меня: слуги епископа Линкольнского сказали мне, что тот епископ, к которому я шел, уже давно умер.

— Иди в Оксфорд,— посоветовали они мне.— Там живет ученый монах, большой друг нашего покойного епископа.

У меня не было больших надежд, но я все-таки пошел, чтобы хоть посмотреть на этого монаха, который получил прозвание Мирабилис — Несравненный — и об учености которого мне уже давно приходилось слышать. Примет ли он меня?..

Только через месяц пришел я к высокому зданию Оксфордского университета. Полутемным коридором меня провели к узкой двери. Я долго ждал. Из-за двери проникал такой знакомый мне запах горящей серы, слышалось равномерное журчание, которое производит пестик, растирающий порошок в ступе. Раздался звон разбитого стекла. Наконец дверь открылась. Комната была светла, и я невольно зажмурился. Высокий грузный монах, в грубой сутане францисканца, босиком стоял передо мной. Его тонзура на макушке была давно не брита, буйно вьющиеся волосы падали на лоб. Монах внимательно всматривался в темноту коридора.

— Кто ждет меня? — спросил он.

— Одо, юноша из Фландрии,— сказал я, делая шаг к двери.— Я долго искал епископа Линкольнского, но он умер. И вот я пришел к вам.

— Имя моего незабвенного учителя священно для меня,— сказал монах.

Это и был тот самый магистр, о котором мне говорили слуги епископа.

Он пропустил меня в свою мастерскую. Разве могла сравниться эта замечательная, наполненная удивительными, неведомыми мне сосудами комната, настоящая лаборатория алхимика, в которой за большими столами работали ученики и помощники, с тем жалким амбаром, где работал мой добрый и несчастный хозяин Готфрид Компьенский! Разве можно было сравнить ее с сундучком мессера Даниила из Трансиордании, где лежало десятка два разных веществ и который он имел наглость называть своей лабораторией!

Робость охватила меня.

Я протянул магистру пергамент, на котором мессер Даниил написал письмо епископу Линкольнскому, и стал в сторону, наблюдая за учениками. Двое из них пытались разжечь большую печь. Движения их были неловки, и я, воспользовавшись тем, что великий ученый был погружен в чтение письма, осторожно предложил свои услуги.

— Поразительно! — воскликнул магистр.— Это настоящий документ!.. Дети мои,— обратился он к ученикам,— этот юноша принес мне замечательный пергамент! Столетия странствовал этот документ, пока попал в мои руки! И я вижу перст судьбы в том, что он шел к моему другу и учителю Роберту Гроссетесту, а пришел ко мне. Это мой чудесный учитель прислал привет из своей холодной могилы... Мальчик, мы заплатим тебе за него...

— Мне не нужно денег,— сказал я.— Мой хозяин, мессер Даниил из Трансиордании, написал на обороте этого листка письмо.

Магистр быстро перевернул пергамент и рассмеялся:

— Ах, вот что! У него просто не было бумаги, и он использовал этот замечательный документ для письма! Он уподобился тому невежественному тулузскому монаху, который стер бесценную рукопись Аристотеля, чтобы занести на пергамент число поступивших бочек вина и заполнить картулярию с указанием земель, принадлежащих аббатству... Даниил из Трансиордании пишет моему высокочтимому другу, что ты, сын мой, долгие годы работал у различных алхимиков, мечтаешь и любишь искусство Великого Делания, что ты находчив и умел... Два года прошло с тех пор, как этот документ был написан. Осталось ли твое желание твердым, ибо наука требует не высокопарных речей и бездоказательных рассуждений, а великого труда, внимания ко всему, что происходит в колбе, в печи, в воздухе и в небе?

— Я хочу быть алхимиком! — твердо сказал я.— Мне ничего уже не страшно. Я видел и холод и голод, я убегал от толпы разъяренных людей... Но два последних года я был... я был жонглером.

Ученики, бросавшие завистливые взгляды на меня — учитель уделил мне, недостойному, столь много внимания,— громко рассмеялись.

— Уличный фокусник будет искать философский камень! — презрительно бросил один из них.

— Руки, познавшие ловкость, сердце — испытания, тело, привыкшее к лишениям,— это богатство алхимика!..— тихо сказал магистр, и все смолкли.— Тэд,— продолжал магистр, обращаясь к одному из учеников,— проводи Одо и покажи ему келью, в которой вы живете. Накорми его. Он будет вашим товарищем.

II

И началась самая удивительная и прекрасная жизнь, какую я когда-нибудь знал. В большой комнате за дубовым столом мы, ученики великого магистра, собирались поутру, чтобы прослушать лекцию об удивительных свойствах минералов, об открытиях, сделанных нашим учителем в таинственных рукописях древних авторов, о трудах великих ученых Востока: Авиценны и Авензоара, Разеса, называемого арабами ар-Рази, и Джабира ибн-Хайана.

Мои товарищи вскоре полюбили меня и привязались ко мне. Многие испытания, выпавшие на мою долю, сделали меня покладистым и незлобивым. Я легко прощал им насмешки над моей внешностью и моим выговором.

Теперь уже никто не сомневался, что недалек тот день, когда в круглом стеклянном сосуде (мой учитель назвал его философским яйцом) ртуть — мать всех металлов — и сера — отец их,— соединившись, дадут философский камень, заветный Красный камень алхимиков, способный превратить свинец или медь в золото.

В этот период мой учитель уже находился в опале. Временами его увозили в какой-то монастырь близ Парижа, но жил он большей частью в Оксфорде благодаря некоторым надеждам, которые возлагал на него папа Климент IV.

Часто к моему учителю приходили другие монахи-францисканцы. Оборванные и нищие, с горящими глазами, они приносили в нашу лабораторию вести со всех концов королевства Англии. Удивительные и небывалые вещи творились в стране. Бароны ненавидели короля, окружившего себя надменными иностранцами, многие из которых не умели говорить на том языке, на котором говорил простой народ. Рыцари с ненавистью говорили о поборах, которые взимало с них королевское казначейство — «Палата шахматной доски». Говорили, что там на длинных, разделенных продольными полосами столах высятся груды серебряных монет, а воздух пропитан запахом крови подданных жестокого короля. В нашей лаборатории бессменно сидел монах-францисканец с быстрыми, маленькими глазками. Мы знали, что он наблюдает за нашим учителем, подслушивает наши разговоры, следит за теми, кто приходит к нам. И каждый из нас старался напакостить этому монаху как только мог.

О, если бы мы знали, что ожидает нашего любимого учителя, мы, нисколько не колеблясь, уничтожили бы этого мерзкого монаха! Но он казался таким глупым, что никто из нас не видел опасности.

К этому времени, погруженный в чтение арабских книг, наш учитель обратил внимание на сильно горящие порошки, в состав которых входили селитра, уголь и сера. Он очень долго искал нужное соотношение этих веществ, пока не стал получать смеси, горящие быстро, ярко, с громким шипением и треском. Я растирал в большой бронзовой ступке каждый порошок отдельно. Крылом дикого гуся мы смешивали их на плоском камне и подносили горящую лучину. Для нас такой опыт был большим развлечением, но учитель всегда смотрел на него чрезвычайно серьезно и сердился, когда мы сопровождали опыт смехом и шутками.

— Вы не знаете, клетку какого страшного зверя мы открываем! — часто говорил он.

Между тем за стенами университета бушевала междоусобная война. Мы понимали, что наш учитель был на стороне графа Лестерского Симона де Монфора, который смело поднял оружие против короля Генриха III.

В мае 1264 года пришло известие о битве, в которой Симон де Монфор в союзе с горожанами и рыцарями наголову разбил войска короля и взял в плен короля и его старшего сына.

Наш великий учитель совершил, казалось бы, незначительную ошибку, которая, однако, имела самые неприятные последствия для всех нас. В присутствии брата Бонифация наш учитель производил один из этапов Великого Делания, как вдруг на какое-то мгновение железный стержень, которым он размешивал кипящую смесь, покрылся тонким слоем желтого блестящего металла.

Учитель воскликнул:

— Дети мои, я на правильном пути!..

Мы все с любопытством и восторгом смотрели на блестевшую, как золото, полоску.

— Любезный брат мой! — обратился Бонифаций к учителю.— Правильно ли расслышали мои грешные отверстия?..— Брат Бонифаций прикоснулся к сморщенным и грязным лепешкам, заменявшим ему уши.

— Я ничего не утверждал определенно, скорее всего я ошибся,— ответил учитель, и у меня сжалось что-то в груди от жалости, что такой могучий человек, такой всесторонний ум вынужден унижаться перед этим паршивым монахом...— Дети мои, ведь это ошибка! Конечно, ошибка! — Он внес железный стержень в огонь, и золотистый слой немедленно потемнел.— Это медь, конечно, это медь, дети мои...

Но было уже поздно. Ночью из Оксфорда выехал на низкорослой быстрой лошадке рябой францисканец, который часто шептался с братом Бонифацием. Я хотел его догнать, но мой друг Тэд отсоветовал.

— Я знаю, что повез монах,— сказал он.— Ночью я зашел в келью брата Бонифация. У него на столе лежало письмо, сам он спал, и, судя по запаху в комнате, он выпил немало вина. Бонифаций извещает этим письмом папу Климента, что наш учитель на «правильном пути».

Однажды в воскресенье — был жаркий день июля — мы, достав бочонок пива и сбросив с себя напряжение последних месяцев, во время которых нам пришлось очень много работать, веселились вовсю. Меня попросили «тряхнуть стариной». И я, вскочив на стол, жонглировал круглыми камешками и другими предметами, которые мне бросали. Среди них были и мои медные шары, с которыми я пришел в Оксфорд. Мы употребляли их для растирания мягких минералов. Я жонглировал, стоя на столе.

Громко распевая шуточную песенку о том, как жадный граф считает бегающих по полю свиней и все время ошибается, я в такт словам бросал и ловил ножи, камешки и шары, как вдруг в наступившей тишине почувствовал, что что-то произошло. Я оглянулся и увидел строгое лицо учителя.

Я быстро стал ловить и разбрасывать предметы всем, кто присутствовал в комнате; наконец, в моей руке остался медный шар. Я метнул его в ступку. И тут произошло что-то ужасное! Я никогда не слышал такого громкого треска и шума. Не могу подыскать слова, чтобы это описать. Синий дым вырвался из ступки. Я упал со стола. Сверху посыпались раздробленные камни, и пыль заволокла комнату.

«Ты пришел сюда с этим шаром и с ним и покинешь лабораторию»,— подумал я.

Постепенно дым рассеялся. Учитель внимательно разглядывал ступку.

— Она сохранилась!..— шептал он.— Она цела, цела!..

Он поднял голову. Мы тоже посмотрели на потолок и изумились: в своде появилось глубокое отверстие, на целую ладонь в глубину. Я, повинуясь знаку учителя, пододвинул стол к окну, влез на него и просунул руку в отверстие... Каково же было мое удивление, когда в глубине я нащупал что-то круглое! Учитель протянул мне серебряное зеркало. И я, наведя на него луч солнца, ясно увидел, что это был мой шар. Значит, он вылетел из ступки вверх с такой силой, что пробил в потолке глубокую дыру и застрял в ней.

Принесли кирку. Мы разрушили часть потолка, и шар упал. Учитель долго его рассматривал, потом спросил, что было в ступке.

Мы начали вспоминать те задания, которые получили на сегодняшний день, но ничего, что могло бы вызвать такой треск и гром, не могли найти, пока Тэд, один из учеников, не сказал:

— Учитель, простите, это я виноват, на столе было рассыпано немного порошка из серы, угля и селитры. Мы называем его огненным порошком. Я смахнул все это со стола в ступку. Простите меня!..

— Вы, милые дети,— сказал после некоторого молчания учитель,— вы сами не знаете, что нашли. Я давно думал, что огненный порошок, пришедший к нам от арабов, а по слухам, известный и загадочному Китаю, откуда приходят раскрашенный с поверхности фарфор и чудесные мечи из железа, столь ценимые древними римлянами, я давно думал, что этот порошок найдет применение в кровавой науке войны. Но мне казалось, что его можно применить только для разрушения стен осажденной крепости. Я ошибался. Ведь если сделать ступку из бронзы побольше и подлиннее этой, то она сможет вытолкнуть большое каменное или медное ядро, которое сметет все на своем пути! Я вижу новый век. Он рождается, окутанный дымом огненного порошка, в грохоте летящих ядер, от которых не смогут спасти ни щит, ни панцирь, ни стены крепостей... Жаль, как жаль! Я сожалею только о том, что ты, Одо, бросил свой шар сегодня, не раньше... Дети мои! — продолжал наш учитель.— Дети мои... Темные тучи сгущаются над королевством Англии. Крестьяне поджигают замки своих господ. Они так кричат «Монфор! Монфор!», что трусливые бароны и рыцари дюжинами переходят на сторону бежавшего из плена короля и его старшего сына Эдуарда. Быть битве... Вчера один монах, человек большой учености, вся жизнь которого — пост, молитва, подвиг, чем он так не походит на богатых епископов и кардиналов, погрязших в роскоши и богатстве, сообщил мне, что к реке Эйвон сходятся войска короля и войска графа Лестерского. Там и решится судьба королевства... Мне страшно, когда я думаю о будущем Англии. Если король победит, то папа, жадный и кровавый римский папа, приобретет необыкновенную власть над всеми сословиями Англии!

Учитель вышел. Я пошел за ним.

— Одо,— сказал он мне,— я благодарен тебе за то, что, сам того не ведая, ты приоткрыл завесу над будущим. Ты удачно бросаешь свои шары, ты очень ловок, Одо!.. Я даю тебе имя Меканикус. Тебя всегда будут так звать.

Учитель наклонился и достал из-за своей деревянной кровати длинный березовый ствол. Он раскрыл его, как раскрывают шкатулку, и вытащил завернутый в материю меч.

— Иди, Одо! Ты молод и ловок. Я напишу несколько слов графу Лестерскому... Может, он воспользуется моими знаниями. Не мир я несу, но меч!.. Я буду ждать тебя, Одо Меканикус...

— Учитель,— сказал я,— пока я доберусь до побережья...

— Успеешь,— перебил меня учитель.— Войска сходятся возле реки Эйвон, но не той, что несет свои воды в пролив, а той, что вблизи Глостера сливается с рекой Северн. За день ты доберешься до нее.

II

Я шел всю ночь и весь день. Леса преграждали мне путь. Я вброд переходил ручьи. К вечеру на зеленой поляне я нашел оседланного коня. Он был в мыле, и в его холку глубоко вонзилась стрела арбалета. Я вынул ее и поскакал вперед. Когда я подъехал к крепости Ившем, все было кончено...

Мимо меня по дороге промчались рыцари короля, потом медленно прошла толпа пленных. Стонущий, смертельно раненный лондонец тихо сказал мне:

— Монфор убит, король разбил нас...

Я поскакал назад. Конь неуверенно шел по едва видной тропке над быстрым ручьем, вскоре он пал.

Утром я вошел в Оксфорд. Меня никто не встретил, и я прошел в келью к учителю. Он ждал меня; его лицо осунулось, глаза были красны от бессонницы.

Он с силой швырнул в угол меч, который я ему протянул, и закрыл лицо руками.

Королевские гонения охватили Англию. Ежедневно приходили слухи о новых казнях и расправах со сторонниками Монфора. Учитель все время проводил с нами. Казалось, что его посетил чудесный дар — он видел будущее.

И мы не могли не верить ему, столь велика была его убежденность.

Показывая нам шлифованное круглое стекло из Сирии, он говорил, что при помощи нескольких таких стекол люди смогут разглядывать скрытые от глаза тайны малых тел, что они научатся видеть далекие предметы так ясно, как если бы они были рядом. Он говорил, что люди сделают машины, которые без помощи усилий человеческих рук или впряженных лошадей будут с огромной скоростью передвигаться по земле. Что настанет день — и человек полетит, подобно птице, над долинами и горами, морями и реками. И хотя прошло много лет и ничего из того, о чем говорил учитель, не сбылось, я попрежнему верю в его великую правоту.

По приказанию нового папы, Григория X, нас всех под охраной солдат перевезли в Париж. И вскоре мой учитель был заключен в келью с толстыми решетками на окнах. На прощание он успел каждому из нас раздать задания, как это делал обычно. Мне он передал ту самую арабскую рукопись, с которой я пришел к нему.

— Одо Меканикус,— сказал он мне,— я сделал перевод этой рукописи, в ней есть высокий смысл. Попробуй сделать так, как я записал на обороте этого пергамента...

Целыми днями мы простаивали перед стенами монастыря, в котором был заключен учитель. Мы доказывали монахам, что для того, чтобы учитель мог совершить Великое Делание, ему нужна лаборатория, но нас и слушать не хотели...

— Мы из достоверных источников знаем, что ваш учитель один раз уже получил благородное золото,— ответили нам.— А что касается опыта и ваших грязных реторт и колб, то истина познается благочестивыми размышлениями и не нуждается ни в гнусном адовом пламени ваших печей, ни в смердящих серных духах.

Мы, ученики великого магистра, покинули Париж. Большинство уехало в Оксфорд, я вернулся в родной Намюр. Торговец, который согласился отвезти меня на родину, во Фландрию, возвращался с ярмарки. Я стоял в повозке, пахнущей хмелем, и все смотрел на удаляющиеся очертания монастыря, заключавшего в своих стенах моего любимого учителя. Мне казалось, что я вижу, как он ходит в своей узкой келье из угла в угол и мысленно долбит камни, льет расплавленное олово, соединяя вещества и стихии, которые он так любил ощущать своими руками. Теперь этим рукам разрешалось прикасаться только к бумаге и перу да к древним рукописям, случайно сохранившимся в архивах монастыря...»

На этом обрывалась рукопись Одо Меканикуса, первого в роде.

Отец закончил чтение рукописи и долго молчал, перебирая пожелтевшие от времени документы. Среди них он отыскал пергамент, покрытый арабскими письменами.

— Неужели это и есть тот самый документ, о котором упоминается в рукописи? — спросил он, задумчиво его рассматривая.

— Если это он, то на обороте должно быть письмо Даниила из Трансиордании,— ответил я.

И мне было страшно: а вдруг там ничего не окажется? Отец перевернул листок; его оборотная сторона была покрыта латинскими фразами и уже знакомыми мне алхимическими значками. В углу листка была подпись.

Отец быстро встал и, разыскав первый том Британской энциклопедии, развернул его на слове «Автограф». Большие вкладные листы были испещрены подписями выдающихся людей всего мира. И между неровной и запутанной виньеткой Бенджамина Франклина и отрывистыми знаками, начертанными рукой великого Шекспира, стояла подпись, удивительно напоминающая ту, что была на листке пергамента.

— Я так и знал! — сказал отец, сравнивая подписи.— Это Роджер Бэкон! Имя удивительного учителя, о котором рассказывает Одо Меканикус,— Роджер Бэкон. Это человек, с которого естествознание начинало свой новый, опытный период развития. Лишенный возможности проверить свои гипотезы на опыте, четырнадцать долгих лет провел он в одиночном заключении. Да, Бэкон пришел к неверным построениям, к ложным теориям. Но он был до конца уверен в их истинности, был уверен, что если произвести опыт по его рецептам, то в магическом философском яйце ртуть и сера, соединившись, превратятся в золото. С великого ученого и великого мученика начало свое развитие современное опытное естествознание, началась современная химия...

На оборотной стороне арабского пергамента была короткая торопливая записка, подписанная мессером Даниилом. Часть ее удалось разобрать.

«Роберту Гроссетесту, епископу в Линкольне. Примите, мой высокий друг, этого мальчика... Он достаточно смел, чтобы стать ученым... Достаточно умел, чтобы быть полезным.

Даниил».

Ниже, уже рукой Бэкона, был помещен перевод арабского документа. По манере алхимиков того времени Бэкон не столько перевел содержание пергамента, сколько зашифровал его известными одному ему и его ученикам условными, символическими значками и фигурами.

(Окончание в следующем номере)

Дик

Я. РИЦОС

Рисунок П. Пинкисевича.

Скала на перекрестке ветров,
камень, камень...
Кроме камня, ничего здесь нету.
Одни сердца.
Но в каменной пустыне
они окаменели тоже.
Камень, камень...
В нем столько похоронено сердец,
что камень... он почти что ожил.
Он пригодится в будущих постройках,
в дворцах и в грандиозных монументах
героям революции.

Но не забудьте памятник поставить,
да, памятник
собаке нашей, Дику,
товарищу по каторге,
герою,
погибшему от полицейской пули.

Пусть будет Дик наш высечен из камня,
пусть в каменных глазах его блестят
две капли,
капли преданности ссыльным.

Пусть будет он с приподнятой губой,
как был при жизни,
и с клыком торчащим,
готовым ухватить лодыжку ночи,
иль длинную, как палка, тень жандарма,
иль свет прожектора,
мешавший нам бежать.
Пусть будет Дик наш высечен из камня,
чтоб не забыть, как лаял он ночами,
как выл он вместе с нами от тоски
и засыпал у голых ног Свободы,
и как на вытянутом влажном ухе
дрожала мушка утренней звезды...

Он был застрелен в камнях, как собака-
наш друг, наш Дик,
за то, что он любил нас.

Мы завтра снова, может быть, увидим
его среди суровых демонстрантов,
его, с клыком, торчащим, как при жизни,
с приподнятой лукавою губой,
в рубцах и шрамах от жандармских плеток.

Пусть будет Дику памятник поставлен,
на постаменте сделаем мы надпись:
«Товарищу по каторге,
герою,
погибшему от полицейской пули,
за то, что он любил нас».

Перевел с греческого А. Янов.

Тракторист уходит с поля

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Рисунки В. Цельмера.

Мы познакомились с Иваном Логиновым в Москве. Широкоплечий, загорелый человек с красивым лицом, с приветливой улыбкой охотно рассказывал нам о вещах, казавшихся в те дни просто удивительными.

Трактор идет по степи. Он уверенно следует по краю вспаханного поля, двигаясь вдоль только что проложенной борозды. Он тянет за собой плуги, и крайняя полоска вспаханной земли является для него путеводной нитью. Трактор идет без тракториста. В кабине нет никого. Умные автоматические приборы, созданные трактористом Иваном Логиновым, ведут железного пахаря нашего времени.

— Как это вы придумали пустить машину без человека? — спрашиваем мы Логинова.

— Да это получилось само собою,— смеется он.— До совхоза я работал на заводе на копировальном станке. Как работает этот станок? Щуп-копир скользит по шаблону и как бы ведет за собой инструмент, показывает ему, что надо делать. Я подумал: а что если трактор с плугами тоже пустить по копиру? Как видите, получилось. Небольшое устройство, вроде маленького плужка, идет по борозде, управляя трактором. И трактор уже не собьется в сторону — автоматика держит его под уздцы.

Весь этот разговор и встречу эту я вспомнил почти за четыре тысячи километров от Москвы на одном из опытных полей под Красноярском.

Был яркий, солнечный день. По зеленой траве, чуть переваливаясь на неровностях, двигался трактор «ДТ-35». Он делал удивительные вещи: поворачивал вправо, влево, делал замысловатые восьмерки, выписывал сложные вензеля на зеленой траве. Плуги то вонзались в землю, то подымались, оставляя за трактором зеленое невспаханное поле. Потом машина резко развернулась и пошла на нас. Она шла так решительно и подошла так близко, что мы разбежались в стороны. Но трактор остановился и замер. И мы увидели, что в кабине машины никого нет. Кабина была пуста, и сквозь распахнутые дверцы ее просвечивало голубое, полное солнечного света небо.

Так испытывался трактор, управляемый с помощью радио. Тракторист стоял на краю поля, метрах в двухстах от машины. Он держал в руках маленький, чуть больше школьного пенала, ящик, осторожно передвигал небольшой рычажок, укрепленный на его крышке. Рядом зеленый, как кузнечик, с длинным усом антенны стоял небольшой радиопередатчик.

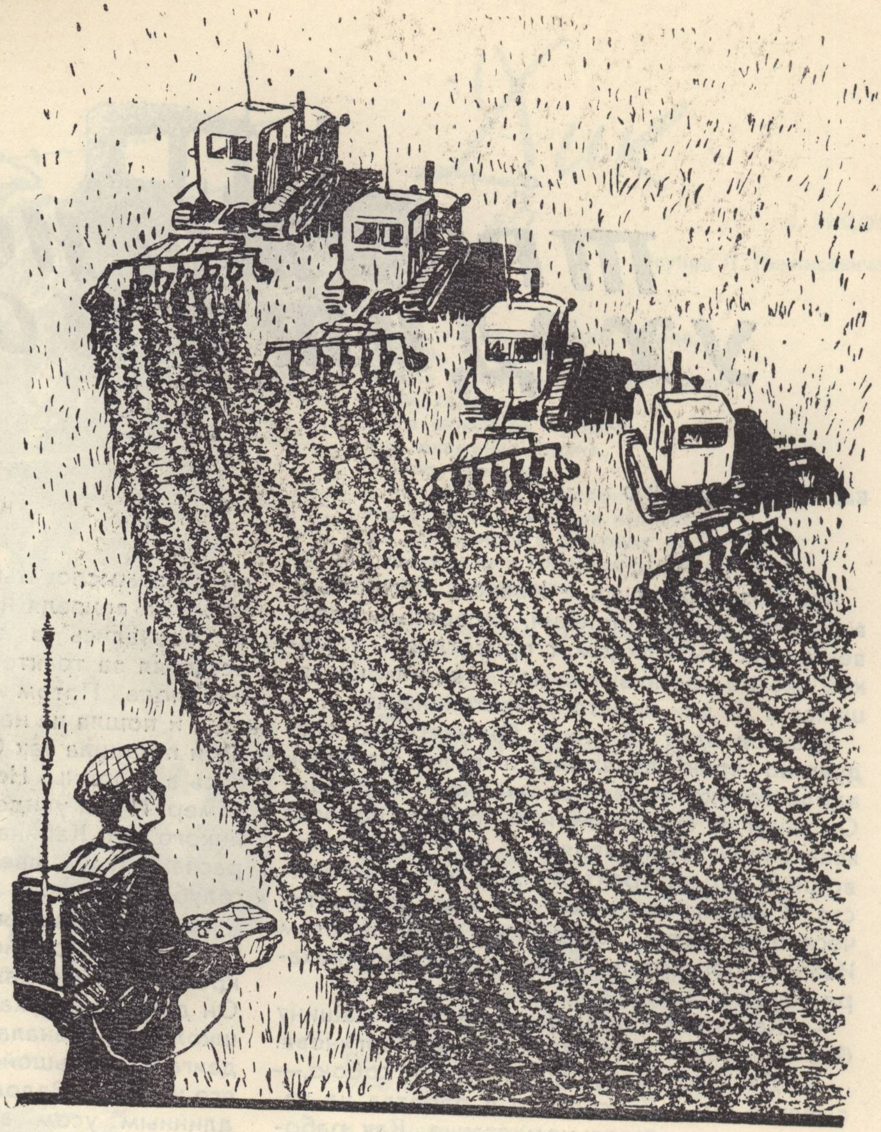
Все, что мы видели, похоже было на сказку. Тракторист ушел не только с трактора, как Иван Логинов, он ушел с поля!

И когда позднее мы собрались около горячего, с еще дышавшим двигателем трактора, разговор сам собою зашел о тракторе Логинова.

Инженер Михайлов рассказал нам, что сначала он и его товарищи по работе решили повторить схему Логинова на более легких тракторах «ДТ-35». Потом подумали: а нельзя ли заставить трактор работать еще лучше? Что, например, делать, если копир соскочил с борозды? Тракториста ведь нет в кабине. Вот и потянется машина в сторону, а ты попробуй нагони ее, когда она на дру-

гом конце поля балует. А как развернуть машину на повороте? Трактористу надо вскакивать на идущий трактор, садиться за рычаги, а потом снова соскакивать. Это и опасно, да и набегаешься за день с шестью — десятью тракторами.

Решили полностью подчинить трактор человеку, покинувшему машину, и дали ему в помощники радио. И первый опыт удался блестяще. Тракторист может стоять где-нибудь на краю поля и с помощью несложного прибора, соединенного с радиопередатчиком, передавать команду трактору, а машина автоматически ее выполняет.

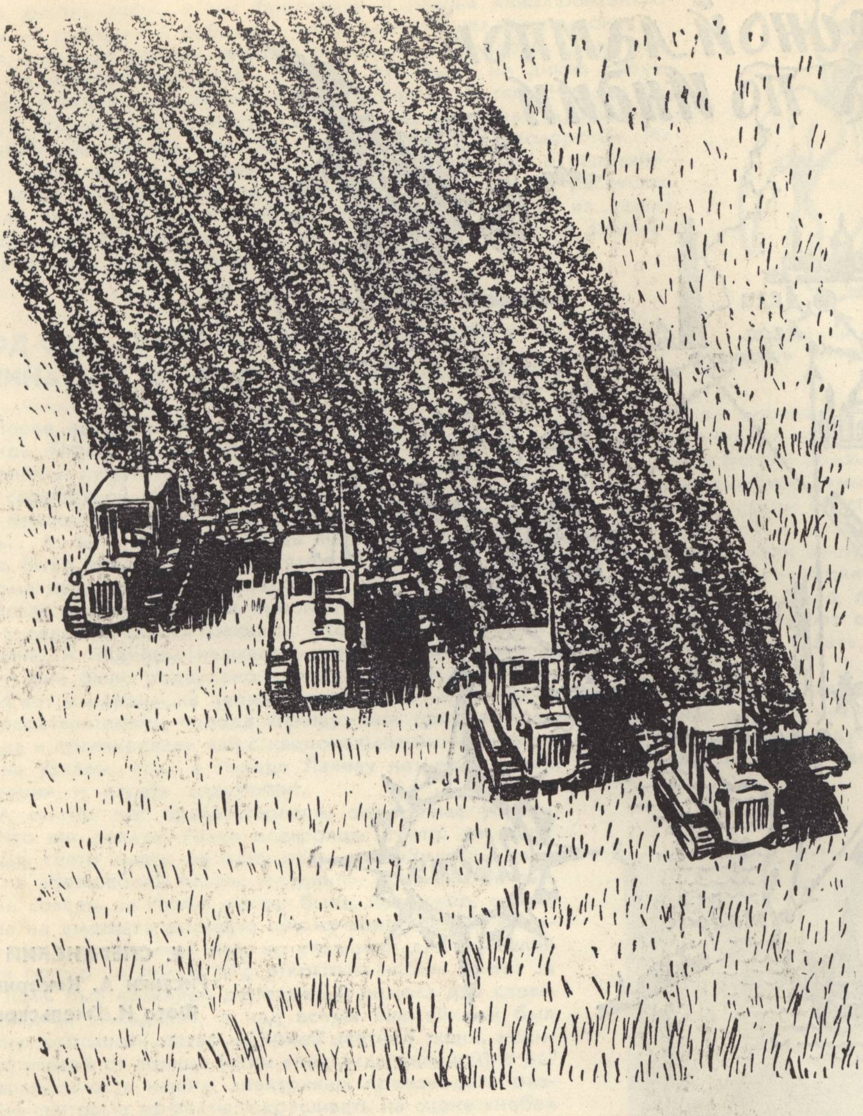
— Так что же, — спросили мы Михайлова, — на каждый трактор необходим радиотракторист?

Михайлов расхохотался.

— Зачем же нам тогда было и забор городить? Один человек с заплечным радиопередатчиком может управлять восемнадцатью тракторами. Да, кстати, забыл вам сказать: наш трактор может двигаться автоматически по копиру системы Логинова и без радиокоманды. А если он собьется, тракторист на расстоянии сможет поправить ход машины. Наш автоматический трактор может выполнять любую работу, а не только пахоту, ведь направляющая борозда ему не нужна!

С уважением осматривали мы замечательное изобретение красноярских инженеров. Как своеобразно развивается человеческая мысль! Перед нами живой пример того, как творческий коллектив советских людей откликается на призыв партии механизировать и автоматизировать промышленность и сельское хозяйство.

Когда-то основоположник Советского государства В. И. Ленин мечтал о ста тысячах тракторов, которые помогут вывести старую Россию на новую, светлую дорогу. Теперь в нашей стране работает свыше миллиона тракторов. Машины помогают подъему колхозного хозяйства. Освоение целинных зе-

мель стало возможным только благодаря машинам, умным, мощным, легко управляемым. Радиотрактор! Первая автоматическая машина советских полей. Это новый шаг бурно растущего сельского хозяйства нашей страны.

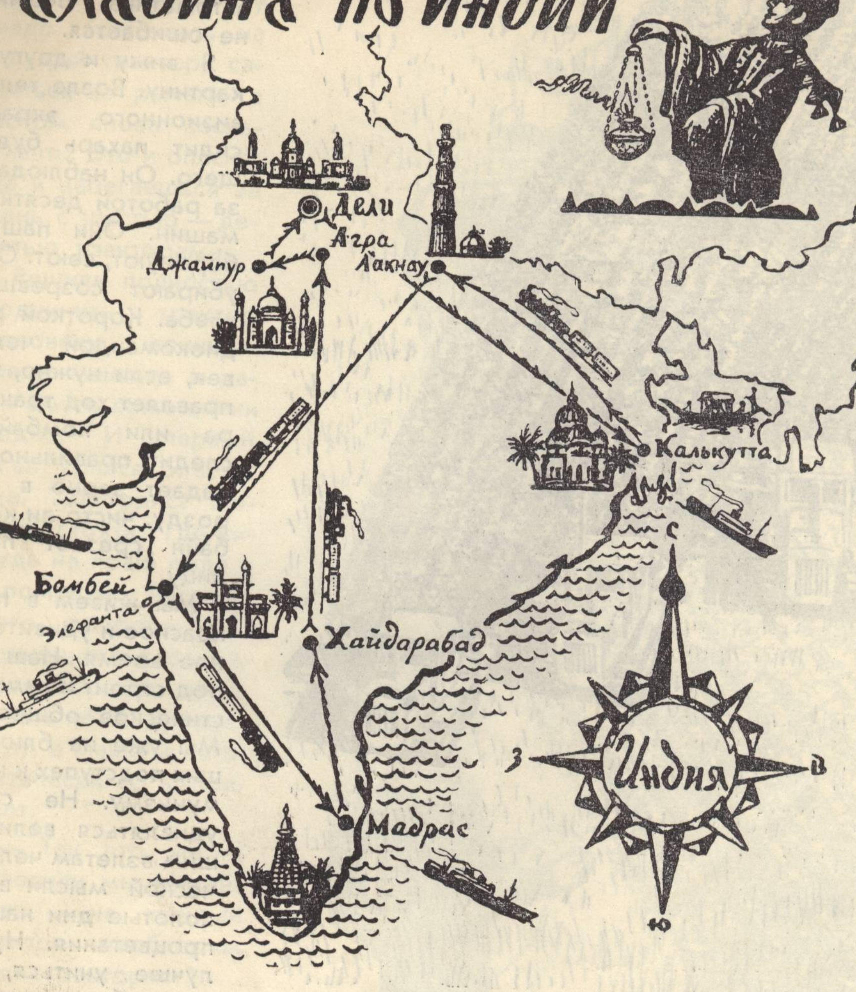
Я представил себе совхозные и колхозные поля через несколько лет. По полю от края до края движется колонна тракторов. Они идут широкой цепью, оставляя за собой застывшие волны вспаханной земли. Колонну ведет один человек. «Пастух» радиовека, он «гонит» перед собой стадо машин. И они подчиняются ему покорно и уверенно: автоматика обычно не ошибается.

Я вижу и другую картину. Возле телевизионного экрана сидит пахарь будущего. Он наблюдает за работой десятков машин. Они пашут, боронуют, сеют. Они убирают созревшие хлеба. Короткой радиокомандой человек, если нужно, исправляет ход трактора или комбайна, следит, правильно ли падает зерно в борозду, чисто ли комбайн срезает пшеницу.

Мы живем в прекрасное и удивительное время. Наш народ строит коммунистическое общество. Мы уже на ближайших подступах к коммунизму. Не стоит удивляться величайшим взлетам человеческой мысли в эти золотые дни нашего процветания. Нужно лучше учиться, лучше работать, осваивать все, что уже создано, и, вкладывая собственную мысль в развитие старого, создавать новое.

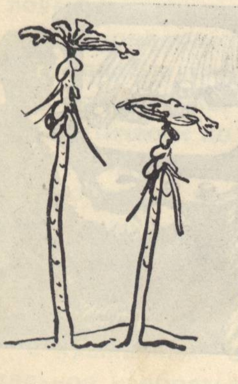
С волшебной лампой Аладина по Индии

(Окончание)

Е. СПЕРАНСКИЙ
Рисунки А. Кокорина.
Фото Н. Гжельского.

ИЗ КАЛЬКУТТЫ В ЛАКНАУ

Итак, мы сыграли свой первый спектакль на индийской земле. После этого мы сыграли еще много спектаклей в Калькутте, и успех наш у индийского зрителя все возрастал. Теперь внимательно следите по карте, ребята: сыграв спектакли в Калькутте, мы отправляемся с вами в длинное путешествие, из города в город по индийской земле...

Из Калькутты мы двинулись в город Лакнау той же дорогой, но уже в обратном направлении, то есть с запада на север. Снова мы пересекли могучий Ганг с его илистыми берегами. Тени больших хищных птиц скользили по мутным водам Ганга, а сами птицы парили высоко в небе. По реке плыли большие, многовесельные лодки. Гребцы гребли стоя: несколько шагов вперед, несколько шагов назад, и издали казалось, что они танцуют. Опять на промежуточных станциях продавцы кричали на одной ноте: «Чаэ-э, чаэ-э!» и «Орэндж, орэндж!»,— а белоголовые грифы молниеносно снижались, падали с неба на подносы с остатками от наших завтраков и обедов.

— Слоны! — раздался вдруг крик в нашем купе, и наши кинолюбители бросились

к своим кинокамерам, а мы бросились к нашим кинолюбителям: держать их за брюки и рубашки, чтобы они не выпали из вагона.

Да, в первый раз мы увидели слонов не в зоопарке, а, так сказать, в их натуральном виде... Правда, это были не дикие слоны джунглей, а ручные, домашние, честные слоны-работяги. Но, как говорили в старину, увы!.. Местность была пересеченная, и, пока кинолюбители нацеливали камеры, слоны скрылись за поворотом. Их было три или четыре, они вышли из какого-то селения и направлялись в глубь равнины. Очевидно, они шли на работу по расчистке леса или перевозке какого-нибудь груза. Все же один из наших кинолюбителей был очень горд: он уверял нас, что успел запечатлеть на пленке «хвост заднего слона»...

Художник нарисовал то, что не удалось снять нашим кинолюбителям.

ГОРОД-САД. ТЕАТР ПОСТРОЕН ЗА ОДНУ НОЧЬ. ЗАКЛИНАТЕЛИ ЗМЕЙ. ИНДИЙСКИЕ МАРИОНЕТКИ

После лихорадочной, душной и пыльной Калькутты нас окружила тишина садов и парков. Городом-садом называют индийцы Лакнау. Наш отель помещался на большой зеленой лужайке, окруженной высокой каменной стеной. По стене бегали обезьяны. В серебряной листве эвкалиптов кричали попугаи. И какие-то крошечные темно-синие птички, вероятно, из семейства колибри, садились на цветы — и цветы не сгибались... А за стеной виднелись неясные очертания старинных дворцов и храмов. Трудно было представить себе, что сто лет назад в этом городе-саде гремели выстрелы, дома превращались в развалины, черная копоть пожаров оседала на серебряных эвкалиптах. И мертвые тела крестьян, ремесленников и индийских солдат, сипаев, лежали в садах и парках Лакнау... Это было «сипайское восстание», как называют его англичане. А индийцы называют его «Национальное индийское восстание». Здесь, в Лакнау, оно было подавлено колонизаторами с особой жестокостью.

И вот мы сидим на зеленой лужайке и мирно беседуем с нашими новыми друзьями, представителями города Лакнау: они пришли приветствовать нас в день нашего приезда и организовали чай с национальными индийскими сластями. Сидим и беседуем, пока не узнаем, что... в городе Лакнау нет помещения, где бы мы смогли поставить декорации и играть спектакли!..

А они-то нас приветствовали, они-то нас угощали!.. Что же делать? Разве построишь театр за ночь?

Да, театр вырос за одну ночь, как «Золотой дворец» из «Волшебной лампы Аладина». Конечно, он вырос не совсем на голом месте; была, например, сцена, но она не вмещала высокую ширму-конструкцию «Аладина». Был зрительный зал, но скамейки для зрителей стояли прямо на земле, под открытым небом. И вот за одну ночь был возведен деревянный помост для сложной ширмы «Аладина», а над всеми скамейками был растянут огромный шатер из яркой цветной ткани, защищая зрителей от солнца (если спектакль дневной) и давая возможность нашим электрикам производить различные световые эффекты: окрашивать на сцене «небо» в голубой цвет, направлять из светового пистолета красный луч на матерчатое «пламя», которое преграждает Аладину вход в пещеру, и направлять прожектор на распускающийся «цветок Джина». Но мало этого: весь наш будущий цветастый, расписной театр был, что называется, с головы до ног украшен к утру свежими, только что сорванными цветами... И вот уже опять разговоры при помощи рук, смешение языков и крики: «Где переводчик?!» И уже идут ученики школ и колледжей, студенты, степенные дяди в чалмах и дхоти и пожилые тети в ярких, парадных сари. Спектакль начинается...

Но теперь мы уже не так волновались, как на первом спектакле на индийской земле. Главный министр штата, с длинной седой бородой, в очках и в белом дхоти и в сандалиях на босу ногу, приветствовал нас, и опять на нас надевали венки из роз. Разница была только в том, что спектакль переводился здесь не на язык бенгали, а на язык хинди.

Однажды во время послеобеденного отдыха нас разбудили пронзительные звуки флейт, и, выйдя на веранду, мы увидели необычайное зрелище: вся зеленая лужайка перед отелем была уставлена скамейками. А на траве, скрестив ноги, сидели полуголые коричне-

Кобры «танцуют»...

вые люди в чалмах и дули в тростниковые дудки: это были «заклинатели змей»; они в нашу честь давали свое представление. Под пронзительные звуки дудок из мешков выползали страшные, с раздутыми шеями кобры и медленно раскачивались из стороны в сторону — «танцевали». Конечно, мы все выбежали на лужайку при виде этого зрелища и защелкали своими фото- и кинокамерами. Танец кобр, собранных в таком количестве (их было десять или пятнадцать), представлял очень интересный сюжет для съемок. Но вообще-то мы уже в Калькутте видели много заклинателей змей, и, по правде говоря, мне всегда было их жалко. Вероятно, когда-то, в давно минувшие времена, они пользовались большим почетом и уважением. Но сейчас это просто очень бедные люди, скитающиеся по улицам города в поисках заработка. Мало кто обращает на них внимание даже среди иностранцев. Равнодушно проходят мимо прохожие. Все знают, что кобры ручные, что у них вырван их страшный ядовитый зуб, сеющий смерть всему живому, и любителям «экзотики» сразу становится скучно. Было ясно по виду заклинателей змей, по их лохмотьям, исхудавшим телам и печальным лицам, что дни этой профессии сочтены, что ей приходит конец...

А нет ничего более жалкого, ребята, как видеть человека, который уже понял, что его труд стал никому не нужным, бесполезным занятием...

Мы горячо поблагодарили заклинателей змей за представление и позвали их всех к нам в театр.

В последний день после спектакля главный министр пригласил нас в гости. И вот уже на другой зеленой лужайке, в резиденции министра, мы сидим и смотрим на маленькую освещенную прожектором сцену, где индийские марионетки (куклы, управляемые при помощи ниток) разыгрывают перед нами картины из древнего индийского эпоса «Рамаяна».

Вокруг нас звенят цикады. Над нами сияют звезды. Нарождающаяся «индийская» луна плывет серебряной лодочкой по небу (я называю ее «индийской» потому, что у нас луна стоит серпом, а здесь она как бы «опрокинута» и действительно похожа на плывущую лодку)... А там, на сцене, под звуки индийского музыкального инструмента ситар двигаются куклы. И протяжная песня (ее поет девушка за сценой) рассказывает нам о похождениях знаменитого царя-изгнанника Рамы и его жены Ситы, о том, как они боролись с демоном Раваной, как им помог в этой борьбе военачальник обезьяньего войска Хануман. Слова этой песни сложились, должно быть, еще тогда, когда на территории современной Европы не было ни государств, ни городов, которые мы с вами знаем теперь, а бродили разрозненные племена. И на берег Москвы-реки из дремучих лесов выходили на водопой медведи и лоси. После представления марионеток нам всем вручили подарки: женщинам — красивые платки и шарфы, мужчинам — шкатулки из дерева и металла. Это был наш последний вечер в Лакнау, на рассвете мы двинулись дальше, в Бомбей.

«ЖЕМЧУЖНЫЙ ПОЯС БОМБЕЯ». В СЛОНОВЫХ ПЕЩЕРАХ. ИЗ БОМБЕЯ В МАДРАС

Бомбей (посмотрите на карту) — один из величайших портовых городов мира. В его порту, как нам сказали, может поместиться флот всех морских держав нашей планеты.

Набережная Бомбея тянется на десятки километров, и одна часть ее называется «Жемчужным поясом Бомбея» — это аристократический район города: красивые белые здания, отели, рестораны, особняки. С балконов этих зданий открывается прекрасный вид на город и море. Особенно красивый вид с этих зданий бывает вечером, когда весь город заливается электрическим светом. Однажды после спектакля нас пригласил в гости известный индийский хирург, который жил в одном из этих красивых зданий. Мы засиделись у него в гостях до поздней ночи, беседуя и любуясь чудесным видом. А вышли из дверей квартиры — и опять нас поразили индийцы, спящие на голом полу лестничных клеток,— это были люди из касты слуг...

По улицам Бомбея, как и других больших городов Индии, не только ходят — на улицах живут: жарят, парят, стирают, молятся, играют в домино и пинг-понг. В гавани Бомбея у самой воды стоят «Ворота в Индию» — красивое сооружение с колоннами из разноцветного мрамора. На воротах высечена надпись: «ВЕРЬ В ИНДИЮ». От этих ворот отчалил однажды пароходик с нашими актерами: мы поплыли в открытое море на маленький остров осматривать знаменитые пещеры Элефанта, что значит Слоновые пещеры. Так их назвали потому, что когда-то над этими пещерами стояло каменное изображение слона. По дороге к острову мы встречали большие грузовые и пассажирские корабли, стоящие на якоре или плывущие в порт под флагами разных наций. Когда мы подъехали к острову и сошли с пирса на берег, то на нас из тропических зарослей, совсем как в каком-нибудь старом приключенческом романе, выбежала толпа полуголых коричневых мужчин и совсем голых ребятишек. Но в руках у них не было ни копий, ни луков с отравленными стрелами, они протягивали к нам руки с криком: «Бакшиш! Бакшиш!» — что, пожалуй, лучше всего перевести словами: «Дай денежку...»

От берега до пещер был крутой подъем — около полукилометра вверх по деревянной лестнице. У подножия лестницы было много носилок, и прибежавшие люди стали их расхватывать. Очевидно, многие иностранцы предпочитали подниматься с комфортом, полулежа на носилках. Но непривычны мы, советские актеры, передвигаться таким образом. И пришлось нам долго объяснять, что мы хотим идти пешком. А почему пешком? Вот и попробуйте объяснить людям, которые в течение двухсот лет из поколения в поколение носили на руках «белых господ», почему...

В сумерках огромных пещер, куда с трудом пробирались солнечные лучи, было тихо. Огромные, в два — три человеческих роста барельефы, высеченные из одного куска скалы, изображения индийских богов и различных сцен из древней индийской мифологии возникли перед нами. На нас смотрели из-под полуопущенных век, улыбаясь своей загадочной улыбкой, древние божества Индии. Мы переходили из пещеры в пещеру, их было всего пять пещер, и перед нами разворачивались свадьбы богов, танцы богов, битвы богов... И все это было высечено в скале неизвестными теперь мастерами — скульпторами VII—VIII веков... Вдруг в одной из соседних пещер зазвучали голоса, мы услышали русский язык. Кто это? Оказалось, это наши советские рабочие и инженеры, строящие в Индии большой металлургический комбинат. Очень приятно было встретить своих соотечественников в сумеречных пещерах Элефанта на острове в Индийском океане! Вместе с ними вышли мы, хмурясь от ослепительного солнца Индии, обмениваясь впечатлениями о стране и воспоминаниями о родине. Признаться, древние боги, несмотря на все их величие и красоту, слегка потускнели и позабылись при этой встрече...

Много можно было бы еще рассказывать о Бомбее, но такова уж судьба актеров: не успели обжиться в одном городе, как надо переезжать в другой; а ведь мы с вами условились путешествовать вместе. И вот уже машинист в красном тюрбане опять дает сигнал к отправлению... Мы двигаемся еще дальше на юг, снова пересекая огромный полуостров Индии. Жара усиливается. Никакие фены, души и умывальники не помогают. В нашем купе смолкли разговоры. Каждый старается экономить движения и даже мысли. Лежим на своих полках в одних трусиках и дышим.

Улица в Хайдарабаде. На заднем плане вы видите одни из четырех ворот мечети Чар-Минар.

Постепенно близость океана накладывает свой отпечаток на все. Большие пальмовые рощи. Нежно-зеленые рисовые поля. Климат становится более влажный. До сих пор мы видели очень мало воды на полях Индии. А теперь в большом количестве стали появляться поля, затопленные водой, и колодцы. Это были колодцы ирригационные, для орошения посевов. Некоторые из них очень просты по своему устройству: человек стоит на коромысле, посредине. На одном конце коромысла груз, на другом — ведро, опускающееся в колодец. Человек делает шаг к грузу — и ведро поднимается. Перемещает тяжесть своего тела к середине — и ведро погружается. Иногда от колодца шла упряжка буйволов, а над колодцем вертелось большое колесо с черпаками.

...Больше стало чернокожих людей на станциях — это были южане, люди из племен тамилов, телугов, каннора.

Часто на станциях нас окружала толпа местных жителей, спрашивая, кто мы, откуда едем и т. д. Возникали короткие, до отхода поезда, беседы. Группа рабочих-строителей, когда поезд отходил, кричала нам хором: «Руси, хинди — бхай, бхай!» — «Русские, индийцы — братья!».

— Смотрите, облака! — закричал кто-то из нас, взглянув на небо.

Да, действительно, за все это время мы совсем забыли об облаках, а тут они появились, настоящие белые курчавые барашки! Небо сразу стало веселым и как будто приблизилось к земле.

МАДРАС. «ЧУК И ГЕК» НА ЯЗЫКЕ ТАМИЛОВ

Если и раньше наши спектакли проходили с успехом, то здесь жители Мадраса принимали их, как говорится, «на ура». Что творилось в зрительном зале во время «битвы на саблях», появления «Золотого дворца» или при виде нашего огненного Джина! Какая буря восторга поднималась, когда наш Лев, важно и медленно

шествующий в пустыне Магриба, неожиданно, щелкнув зубами, ловил воображаемую муху или, оскалив зубы, чесал лапу! А уж когда он съедал Гадателя — и говорить нечего. Одним словом, сказался южный темперамент зрителей Мадраса.

Почти каждое утро до завтрака мы отправлялись на автобусе на берег Бенгальского залива. По широкой марине — шоссе, вьющемуся вдоль берега, шли в этот ранний час рыбаки. Они были совсем черные и почти совсем голые — с узкой полоской материи вокруг бедер. Высоко подняв руки над головой, они тащили сети. А вот и их лодки на берегу — две колоды, связанные джутовым канатом, и косой черный парус. Рыбаки отправляются на этих лодках в море ставить или вытаскивать сети. Черные косые паруса резко выделяются на нежно-голубой воде залива. И тогда кажется, что город осажден пиратами, а ты сам герой какого-нибудь очень старого приключенческого романа...

Но однажды в Мадрасе мы пережили настоящее «приключение»: в яркий знойный полдень мы вошли в полутемное помещение «Театра для детей», и перед нами вдруг замелькали... большие сибирские сосны, опушенные снегом! А затем мы увидели Чука и Гека, знаменитых героев Гайдара. Они мчались по тайге в розвальнях на свидание с отцом. Это был наш советский фильм «Чук и Гек», озвученный в Мадрасе. Чук и Гек нисколько не изменились в Индии, только говорили они на тамильском языке. И говорили так, как будто это был их родной язык! Замечательные актеры озвучивали Чука и Гека! Только вот забыли мы спросить, были ли это взрослые актеры или ребята-тамилы.

Здесь, в Мадрасе, мы уже навсегда простились с океаном, дальше мы будем двигаться в глубь полуострова, так ни разу и не увидев больше его ласковых волн и золотых пляжей.

В МУСУЛЬМАНСКОМ ГОРОДЕ ХАЙДАРАБАДЕ. ТРОЕ РУССКИХ. ЖИВАЯ БУДУР ПРИХОДИТ НА СПЕКТАКЛЬ «ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА АЛАДИНА»

— В этом городе живут трое русских,— сказал переводчик Андрей.

Из окна вагона мы увидели белые здания, храмы, мечети, раскинувшиеся вокруг большого озера.

Хайдарабад — мусульманский город. А мусульмане — это та часть населения, которая смешалась после арабского нашествия с арабами и приняла их веру — ислам. Поэтому в городе так много мечетей, минаретов и зданий с куполообразными крышами и резными каменными решетками, типичными для арабской архитектуры. И поэтому в городе так много пожилых мужчин в чалмах, похожих на нашего Великого Визиря, и юношей, похожих на Аладина, и женщин в шароварах, закрывающих лицо фатой или носящих черную маску во все лицо с тонкими прорезями для глаз. На главной площади Хайдарабада стоит знаменитая мечеть Чар-Минар с четырьмя воротами, выходящими на четыре стороны света: север, юг, восток и запад.

Мадрасские рыбаки спускают лодку в море. Они увидели, что их снимают, и поэтому слегка приоделись.

Конечно, трое русских людей были все время с нами. Они волновались вместе с нами, вместе с нами «переживали» каждый спектакль. Но «переживать» пришлось только большой успех спектакля.

— И не удивительно,— сказала нам в антракте Людмила Васильевна, одна из трех русских-хайдарабадцев.— Ведь они смотрят свою родную арабскую сказку!

И, взяв за руку смуглую черноокую девушку, стоящую рядом с ней, сказала:

— А вот вам живая Будур.

Девушка застеснялась и отвернулась, а Людмила Васильевна в нескольких фразах рассказала нам историю своей юной подруги: она родилась и росла в богатой мусульманской семье. Когда ей было четырнадцать лет, родители решили выдать ее замуж за старого богатого мусульманина. Но девушка воспротивилась. Она не любила, как и наша Будур, старого толстого Визиря, да и вообще не хотела выходить так рано замуж, а хотела учиться. Отец уговаривал дочь, угрожал ей, совсем как наш старый Султан из «Волшебной лампы Аладина». Тогда девушка убежала из дома к своим

Вот тут перед вами индийские девушки; они тоже любят мороженое...

друзьям, которые не были такими «правоверными», как ее родители. Услышав эту историю, наша актриса, игравшая Будур, схватила свою куклу — царевну Будур — и поднесла ее к девушке, и вот состоялась встреча двух Будур — кукольной и живой. Они поздоровались, и кукольная Будур похлопала своей деревянной ручкой живую Будур по смуглой щеке. С этого момента живая Будур не пропускала ни одного спектакля — она сидела у нас за кулисами и во все глаза следила за работой актеров. Не знаю, было ли ей просто скучно в своем родном городе Хайдарабаде или чем-то полюбились ей наши люди — советские актеры, приехавшие из далекой, почти неизвестной ей страны, с волшебной сказкой из «Тысячи и одной ночи»,— но она сопровождала нас повсюду. Разумеется, она была и на вокзале, когда мы уезжали из мусульманского города Хайдарабада. И показалось ли нам или взаправду на глазах у нее были слезы?

А это наша кукла — царевна Будур.

ИЗ ХАЙДАРАБАДА В АГРУ. ДЖУНГЛИ. ПАНТЕРА В ГОРОДЕ. ТАДЖ-МАХАЛ

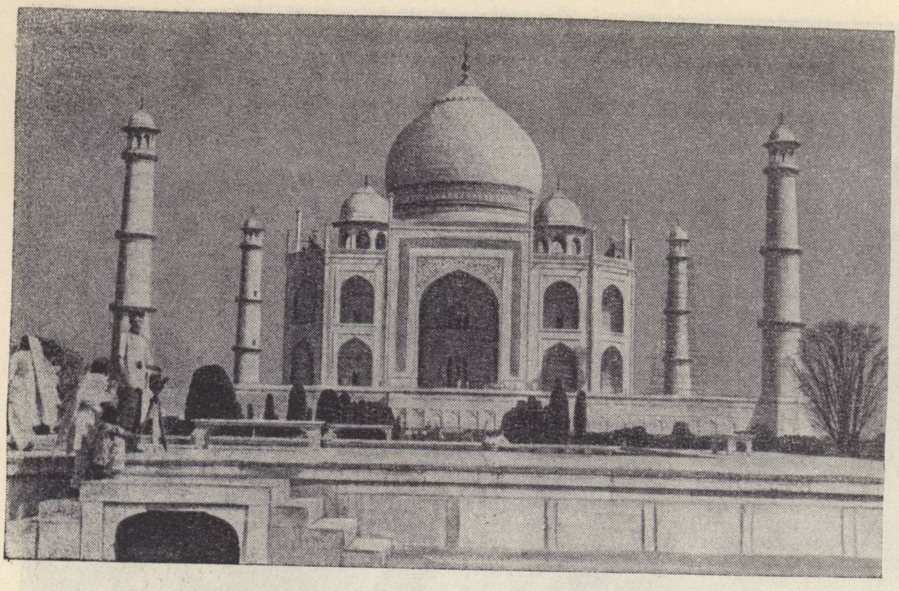
Теперь мы двигаемся опять на север, мы должны остановиться на два дня в городе Агра, знаменитом своими памятниками старинной архитектуры. Там мы не будем играть спектаклей, мы едем как экскурсанты, потому что быть в Индии и не видать Тадж-Махала — гордость Индии — невозможно.

Так сказали нам наши индийские друзья. Но еще раньше, в Москве, мне про это выдающееся произведение искусства сказал мой друг, художник нашего театра Б. Д. Тузлуков. (Это он делал кукол и декорации к «Волшебной лампе Аладина».)

— Что тебе привезти из Индии? — спросил я его накануне отъезда.

— Ничего мне не нужно,— ответил художник,— только посмотри за меня на Тадж-Махал.

И вот мы едем теперь смотреть Тадж-Махал. Едем, но еще не доехали. А жара спадает, ночи становятся прохладнее... На одной станции около шести часов вечера к нашему купе подошел администратор Кришна, посмотрел

Вот он, красавец Тадж-Махал. А внизу художник нарисовал Тадж-Махал издали. Вот таким мы его видели в круглом зеркальце на террасе дворца Шах-Джехана.

на нас, потом на свои расшитые золотом туфли, потом опять на нас — так он всегда делал, когда хотел сказать что-нибудь значительное,— и произнес по-русски:

— Еще семь миль— джунгли: будем ехать всю ночь джунгли... Хороший охота на тигра.

И на следующем перегоне мы въехали в джунгли. Можете на меня сердиться, ребята, но индийские джунгли напомнили мне да и всем моим товарищам по купе наш русский подмосковный лес. Даже, как говорится, сердце дрогнуло, когда мы въехали в эти джунгли. Стояла поздняя индийская весна, переходящая в засушливое лето. Страшное индийское лето, когда порой даже тигры приходят в деревни и не трогают людей: им нужна не кровь, а вода, хоть капля воды! По-индийски это была «поздняя весна», а по-нашему, мы ехали русским осенним лесом с уже опавшей листвой. Помните, как у Пушкина:

Октябрь уж наступил. Уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей...

И только пробежавший через дорогу шакал или стайка обезьян на дереве напоминали нам, что мы находимся в Индии.

Наступит «зима», на Индию обрушится огромная масса дождей, с утра до ночи и с ночи до утра будут идти затяжные тропические ливни, и после этого джунгли покроются листвой и цветами. И тогда уже они не будут похожи на русский лес: их лиственный наряд будет так же отличаться от русского леса, как индийское сари отличается от рязанского сарафана.

Наши кинолюбители до самого захода солнца стояли у раскрытых дверей купе в ожидании тигров, но сумерки спустились на джунгли, а тигров как не бывало. Проснувшись ночью, я выглянул в окно и увидел длинные полосы огня по всем направлениям. Выглянул в противоположное окно — и опять как будто множество людей бежало по лесу с горящими факелами. Я открыл дверь, и до самого рассвета я и мои товарищи стояли у раскрытых дверей, наблюдая ночной пожар в джунглях. Иногда мы видели совсем близко пламя, лизавшее дерево. Купе наполнилось едким дымом. Джунгли горели...

Рано утром мы приехали в Агру, город дворцов и гробниц эпохи Великих Моголов — древних завоевателей Индии. Пока мы разбирались с чемоданами, заполняли анкеты и получали номера в отеле, появились свежие местные газеты. В вестибюле кто-то воскликнул: «Пантера!» И еще несколько возбужденных голосов повторило: «Пантера! Пантера!»

Не волнуйтесь: пантера была не в вестибюле гостиницы, а в газетах. Оказывается, накануне нашего приезда пантера из джунглей забрела в город, загрызла студента и покалечила еще трех человек, пытавшихся защитить студента. Ее не удалось убить вчера, и она все еще бродила в окрестностях города. В этом происшествии не было ничего необычного для индийского города, расположенного неподалеку от джунглей. Во время нашего путешествия я часто просматривал местные газеты, издающиеся на английском языке, и на последней странице, в отделе «происшествий», встречал объявления, вроде следующего: «500 рупий за тигра-людоеда». Это означало, что вокруг города или деревни бродит тигр, который «вошел во вкус», попробовал человеческой крови и теперь нападает не только на животных, но и на людей.

В отеле «Империал» нас опять поселили в огромных комнатах десятиметровой высоты, где гудели установки «Эркондишионед», крутились фены и пахло сандаловыми свечами. Но жара была уже не та, что в Бомбее и Мадрасе: чувствовался север.

Сразу же после завтрака мы поехали смотреть Тадж-Махал.

Тадж-Махал — это гробница из белого мрамора, в которой погребена Арджуман, любимая жена правителя Шах-Джехана. Придется вам уж разобраться в этой древней семейной истории, ребята, потому что много с ней связано прекрасных архитектурных сооружений в городе Агра. Велика, должно быть, была любовь грозного Шах-Джехана к своей жене. Но и мастерство архитектора Уста-Эматома было не менее великим: красота Тадж-Махала известна на весь мир. Гробница стоит на высоком берегу реки Ямуна. Мы видели Тадж-Махал дважды: днем под лучами солнца он весь сверкает, как будто сделан из чистого сахара. А ночью при лунном свете он, пожалуй, еще прекрасней: он кажется таким легким и стройным по своим пропорциям, как будто висит в воздухе. Но описать его красоту нет никакой возможности, и ваш автор отказывается от этого дела. Когда мы вернулись из Индии в Москву, мой друг художник спросил меня:

— Ну что, видел ты Тадж-Махал?

— Видел,— ответил я.

— Спасибо,— сказал художник.

Он не стал меня расспрашивать о красоте Тадж-Махала. Он понимал, что красоту этого здания описать невозможно. И все же, когда я при лунном свете среди светлячков, ползающих в траве, и звенящих цикад смотрел на Тадж-Махал, в моем воображении возникла другая красота: скромная белая башня в Коломенском, под Москвой. Это тоже очень древний памятник, но уже нашей, русской архитектуры. И я понял, что есть чужая красота и есть своя. И как ни прекрасна чужая красота, своя кажется ближе, роднее. В Коломенское не надо лететь на «ТУ-104», туда можно ехать за 30 копеек на 47-м номере трамвая. Я думаю, индийцы не обидятся на меня за то, что, смотря на Тадж-Махал, я вспомнил белую башню в Коломенском: они очень хорошо это понимают.

Печальная участь постигла правителя Шах-Джехана: когда он был уже совсем старым, один из его сыновей, Аурангзеб, захватил власть, а отца посадил во дворец под домашний арест. Мы были и в этом дворце. Он находится довольно далеко от Тадж-Махала, но все же, когда старый Шах-Джехан выходил на каменную террасу дворца, он мог видеть издали прекрасную гробницу, где покоилась его любимая Арджуман. Семь лет протомился Шах-Джехан под домашним арестом. Когда он уже стал совсем плохо видеть, то велел вделать в наружную стену дворца маленькое круглое зеркальце. В этом зеркальце отражался Тадж-Махал со всеми его башнями и бассейнами. Видели мы и это зеркальце, и действительно, далекий Тадж-Махал отражался в нем...

Вот какие сложные «семейные истории» бывают на свете, ребята... Но пора уже нам выезжать из «города дворцов и усыпальниц», из древней Агры: живая, современная Индия, живые, с горячей кровью зрители ждут наших спектаклей в Джайпуре!

ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД ДЖАЙПУР

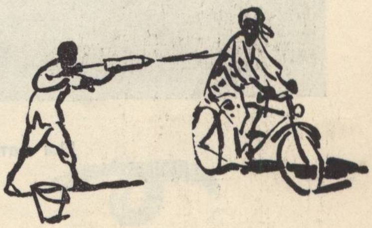
Мы приехали в Джайпур накануне «холи»—праздника в честь весны. Должно быть, поэтому Джайпур показался нам очень веселым, жизнерадостным городом. «Холи» — общеиндийский народный праздник. В эти дни вся страна веселится, пляшет, поет. В магазинах и лавках появляется к этому времени множество глиняных горшочков с сухими и жидкими красками, потому что по древнему обычаю люди красят друг друга. Уже отъезжая от вокзала, мы увидели большую процессию с песнями, плясками. Над толпой летала зеленая, красная, желтая пыль — порошковая краска. А ребята «стреляли» в прохожих из спринцовок красящей жидкостью. Лица и одежда людей были уже вымазаны во все цвета радуги.

Джайпур — столица штата Раджастан. Основное население этого штата — раджпуты, земледельцы и скотоводы. Это очень гордый, воинственный народ.

«Трех вещей ты не должен просить у раджпута,— сказал один из раджпутских вождей грозному делийскому правителю, попросившему у него коня,— его возлюбленной, его меча и его коня» (Джавахарлал Неру «Открытие Индии»).

Но это было давно. За двести лет английского владычества этот народ, как и остальные народы Индии, перенес много горя. В Джайпуре мы слушали древние песни и видели танцы Раджастана. Певцы и танцоры выступали в старинных нарядах. И здесь мы почувствовали гордый дух древних рыцарей Раджастана.

— В этом городе нет уже ни одного русского,— сказал нам Андрей, когда мы подъезжали к Джайпуру.

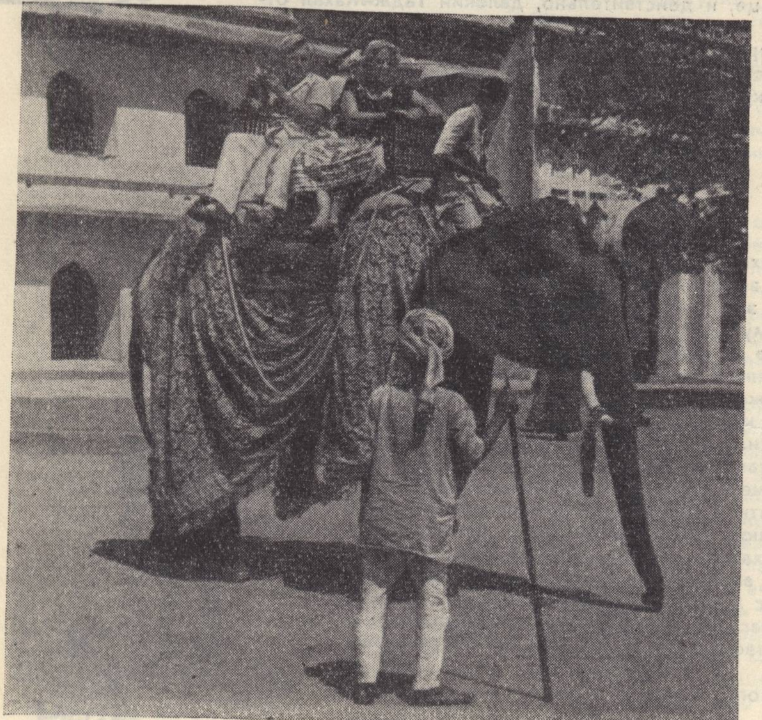
Но мы не видели не только русских, а и вообще иностранцев на улицах города. На другой день после дневного спектакля мы решили пройтись по улицам Джайпура. Нас вышло на прогулку три — четыре человека. Я думаю, что если бы на улицах нашей Костромы или Калуги появилась группа приезжих с островов Фиджи или с Огненной Земли, то, наверное, они бы вызвали меньше удивления, чем вызвали мы на улицах Джайпура. Павлины,

сидящие на заборах и роющиеся, совсем как куры, в городской пыли, нас не заметили. Но первый же мальчишка, лет четырех, голый и черный, с серебряными браслетами на ногах, при виде нас испустил пронзительный клич — с таким кличем, должно быть, древние рыцари раджпуты бросались в битву,— и вот мы идем, уже окруженные толпой ребят от четырех до шестнадцати лет. Эта толпа к тому времени, как мы дошли до центральной площади, превратилась в целое войско. Тут были и взрослые. И все — и дети и взрослые — были в страшном восторге. Появились какие-то люди с барабанами, и вот среди общего ликования перед нами заплясали чернокожие танцоры, а сморщенные старухи хватали нас за пиджаки и платья, чтобы пощупать материал, из которого они сшиты. Уж очень было интересно и весело смотреть на странных иностранцев, с белой кожей, в пиджаках, брюках, юбках и кофточках! Толпа провожала нас до ворот отеля, и здесь мы дружелюбно простились со своей свитой. На вечернем спектакле губернатор штата подарил театру большой, метра в полтора, фонарь, искусно сделанный мастерами — рабочими Джайпура. Он был очень похож на нашу волшебную лампу Аладина, только она у нас маленькая, величиной с кулак. Но по форме фонарь был, совсем как она, с такой же медной цепочкой и такими же украшениями. Мы назвали фонарь «лампой Аладина». Должно быть, скоро его можно будет увидеть в одном из фойе нашего театра подвешенным к потолку; и каждый день, проходя под ним, мы будем вспоминать Индию.

ПОСЛЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ НА ИНДИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ. В МОСКВУ!..

Джайпур был предпоследним городом наших гастролей по Индии. После него мы вернулись в Дели, столицу Индии, откуда, если вы помните, мы начали свое путешествие. И вот последний спектакль на индийской земле!

Мы катаемся на слонах.

В последний раз нам преподносят венки из роз и говорят трогательные прощальные речи. В этих речах часто произносятся слова «дружба», «индийский народ», «советский народ» и «приезжайте еще!».

Да, конечно, мы захотим еще раз приехать в Индию и увидеться с нашими новыми индийскими друзьями, но сейчас, на последнем спектакле, мы думаем только о Москве...

И вот уже наш «старый знакомый», воздушный красавец «ТУ-104», ожидает нас на аэродроме, распластав свои серебряные крылья... Один за другим исчезают в его огромном корпусе наши люди, актеры советского театра кукол. Но «нашего войска прибыло»: вместе с нами летят два попугая-неразлучника, «Священная птица Манга», живые рыбки из индийских аквариумов — подарки наших друзей. А вот поднимается по лесенке и исчезает в «ТУ-104» и ваш автор, которого уже начинает мучить вопрос: как описать все, что он видел в Индии, советским ребятам?..

Взревели двигатели «ТУ-104»... Подъем...

Прощай, Индия, здравствуй, Москва!

☆

НАСТОЯЩАЯ ПИОНЕРКА

Очень прошу передать мою благодарность пионерке Тане Полиновой.

У меня заболела жена, и ее срочно положили на операцию, а я, тяжело больной астмой, остался один с пятилетней дочкой на руках. Как, думаю, справлюсь с домашними делами? Кто присмотрит за дочкой?

Но неожиданно ко мне на помощь пришла пионерка Таня. Как опытная няня, она умыла девочку, помогла ей одеться, заплести косы, накормила, убрала комнату, а затем повела дочь гулять. Более двух недель помогала мне Таня. Хорошее, чуткое у нее сердце! Родители могут гордиться такой дочкой. Таня — настоящая пионерка. Большое спасибо ей.

Б. КЕЖУТИН,
пенсионер, гор. Муром

ПУТЬ ОГНЮ ПРЕГРАЖДЕН

Ученики 9-го и 2-го классов Владик и Костя Симоновы.

Братья Симоновы возвращались с Амура. Владик, как обычно, шел впереди, Костя — сзади.

Проходя через Первомайский парк, они заметили пламя, которое охватило трубопровод, выходящий с нефтебазы.

— Беги в охрану, сообщи о пожаре! — сказал Владик младшему брату.

— А ты?

— Я буду тушить.

Сначала Владик пытался сбить пламя пиджаком, но огонь стремительно продвигался вперед. Тогда Владик принял новое решение. Он стал засыпать трубопровод песком. Путь огню был прегражден.

Когда прибежали из охраны, пожар был уже потушен.

гор. Благовещенск.

ОТВАГА НАХОДЧИВОСТЬ ЧЕСТЬ

«ПРОСТО Я ХОРОШО ПЛАВАЮ»

Это случилось в Новоуральском совхозе. Двое малышей-дошкольников решили покататься на лодке по глубокому котловану. Когда они были уже далеко от берега, в старую лодку набралось много воды, и она перевернулась. Дети стали тонуть.

В это время поблизости оказался пионер Саша Нетеса, ученик шестого класса. Не задумываясь, он бросился в воду, поплыл к тонущим. Саша помог одному из малышей ухватиться за лодку, а второго доставил к берегу. Потом он вернулся за первым мальчиком.

Саша смущенно улыбается, когда ему говорят, что он совершил смелый поступок.

— Что ж тут особенного? — возражает он.— Каждый так сделает. Просто я хорошо плаваю.

гор. Омск.

В стране Шаха — владыки черных и белых полей

О ты, вошедший в мои владения! Почему ты не преклонил колен предо мной! Меня даже короли боятся! Как только я, Шах, появляюсь на доске, король, будь он белый или черный, прячется за спины пешек. Отступи, читатель, от меня на клетку! Иначе я не смогу с тобой разговаривать. Я, Шах, очень мудрый и очень важный. Ну вот, теперь хорошо!

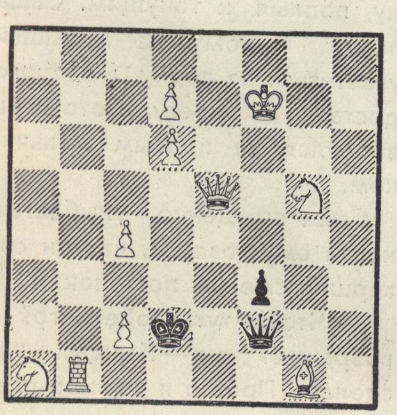
Слушай, что я скажу! Я люблю тех, кто королей в страхе держит. И если ты хочешь подружиться со мной, то приготовься к испытаниям.

Первое — реши мою задачу. Второе — составь задачу сам, да похитрей! Третье — сразись в школьном турнире и о своих шахматных боях без утайки поведай мне, Шаху — владыке черных и белых полей!

ЗАДАЧА ШАХА

Испытайте мудрость свою. Белые начинают игру и дают мат в два хода.

Тот, кто решит эту мою задачу, получит доступ в тайники страны черных и белых полей.

ЧТО РАССКАЗАЛ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСТЕР МИХАИЛ ЮДОВИЧ

— Много лет я занимался с юными шахматистами в Московском городском Доме пионеров. У нас были ребята, которые всерьез увлекались шахматами. Юрий Авербах стал гроссмейстером, звание мастера получили Олег Моисеев, Яков Эстрин, Павел Кондратьев, Нина Войцик завоевала титул чемпионки Москвы.

Но были у нас и такие ребята, которым казалось, что спортивные успехи приходят сами по себе, стоит только захотеть. Сегодня я расскажу вам о шахматных приключениях Славы Королева, о том, как он играл в школьном турнире.

ПЕРВЫЙ ТУР, ПЕРВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Жребий свел Королева с Мишей Жуковым. Жуков играл белыми, Королев — черными.

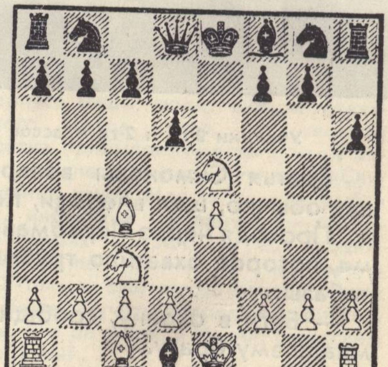
Первый ход был самым обычным: 1. е2 — е4. Королев тут же ответил 1... е7 — е5.

Сражение началось.

2. Кg1 — f3 d7 — d6. 3. Сf1 — с4 Сс8 — g4 4. Кb1 — с3 h7 — h6.

Слава думал, что этот ход сделал его позицию неприступной. На g5 теперь ни конем, ни слоном белые не могли сунуться. Но Миша вдруг улыбнулся и взял конем f3 пешку е5.

Ферзь белых стоял под ударом. Стараясь не выказать радости, Королев снял ферзя и небрежно бросил в коробку. Итак, его ход был 5. ...Сg4 : d1

Миша продолжал улыбаться. «Выдержка!» — с уважением подумал Королев о противнике.

Шестой ход белые сделали такой: Сс4 : f7 +. Когда черный король ушел на е7, белый конь ворвался на d5.

7. Кс3 — d5х.

— Теперь твоему королю мат,— сказал Жуков.— Почитывать надо теорию. Так еще двести лет назад француз Легаль играл. Да ты не огорчайся. В то время Легалю было 85 лет. Когда ты доживешь до таких...

— Хватит! — оборвал Королев, смахивая фигуры.— Зевнул я, и все тут. И вообще мне черными не везет.

ОПЯТЬ СЕМЬ ХОДОВ

Во втором туре Слава Королев играл с чемпионом пятого класса Вовой Селезневым. Вова принес с собой шахматную книжку.

— Ты что же это, по книжке играть будешь? — усмехнулся Королев.

— Да нет, это я дома готовился,— сконфузился Вова,— варианты просматривал.

— Варианты! А мы вот и без вариантов обойдемся.

Слава двинул вперед пешку от короля. 1. е2 — е4. События развивались так: 1... е7 — е5 2. Кg1 — f3 Кb8 — с6

3. Сf1 — с4 Кс6 — d4.

«Это еще что такое?» — Королев внимательно посмотрел на противника. Вова не улыбался. Славе даже показалось, что вид у него расстроенный.

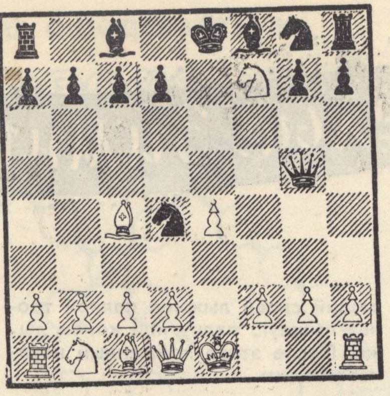
— Жалко пешку,— позлорадствовал Слава и сыграл 4. Кf3 : е5. И тут Вова поставил ферзя на g5.

«Игрочок! А еще книжки шахматные читает»,— подумал Королев и решительно сыграл 5. Ке5 : f7. (Верхняя диаграмма.)

— Крышка твоей ладье,— сказал он, откидываясь на спинку стула.

Черные взяли пешку. 5... Фg5 : g2. Ладьей надо было уходить. 6. Лh1 — f1 Фg2 : е4 + 7. Сс4—е2. Не закрываться же ферзем!

— Мат! — сказал Вова и поставил коня на f3.

Слава даже вспотел: опять он проиграл раньше всех.

— Ты у нас спринтер,— засмеялся кто-то из ребят.— И черными и белыми все равно в семь ходов проигрываешь...

* * *

Как же так получилось, что Слава Королев стал «шахматным спринтером»? Дело в том, что Слава в начале партии допускал ошибки, которые характерны для начинающих шахматистов. Он неосмотрительно нападал на силы противника, не заботясь о защите, отставал с развитием фигур.

В первой партии ход h7 — h6 был неправильным. В начале партии нужно скорее вводить в бой фигуры, а Слава сыграл пешкой, затормозив развитие своей шахматной армии. Правильным было продолжение: 4...Кb8—с6, и защита у черных получилась бы крепкой.

Во второй партии Слава погнался сначала за пешкой, а потом за ладьей. Он забыл о защите и получил мат. На третий ход черных конем на d4 у него было хорошее продолжение 4. с2 — с3. Черные вынуждены размениваться конем на f3, после чего белые берут коня ферзем и получают неплохую позицию.

«Пешкоедством» в начале партии заниматься нельзя. Главная цель играющих состоит в том, чтобы быстро развить фигуры и занять ими удобные позиции.

Победа юных москвичей

Уже более четверти века проводятся у нас всесоюзные соревнования юных шахматистов.

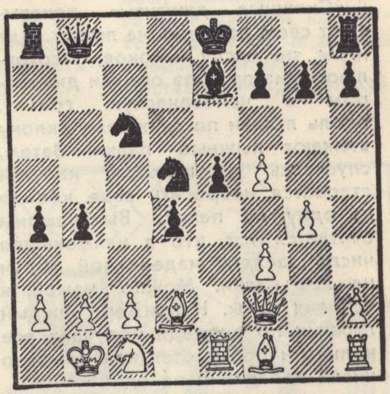
В этом году звание чемпиона СССР завоевала команда юных москвичей.

Во второй группе победили литовские школьники.

Как и обычно, на первенстве школьников было сыграно много красивых и содержательных партий. Вот какая позиция получилась, например, в партии Карклис (Латвия) — Буховер (Украина).

Украинский школьник сильно провел финальную атаку.

Далее было: 22 . . . Кd5 — с3+ 23. Крb1 — а1 b4 — b3! 24. Кс1 — d3 (Плохо 24. bc b2+ 25. Крb1 bcФ+26. Кр : с1 0—0,

и атака черных неотразима) 24 . . . Кс3 : а2 25. Кd3 : е5 (Белые пытаются перехватить инициативу) 25... Кс6 : е5 26. Фf2: d4 0—0! (Сильнее, чем 26 . . . К : f3 27. Л : е7+ Кр : е7 28. Фе3+) 27. Фd4 : е5 Се7—f6 28. Фе5 : b8 Лf8 : b8 29. Сd2—f4 (На 29. с3 также решало 29 . . . а3) 29 . . . а4 — а3! 30. с2 — с3 а3 : b2 + 31. Крa1 : b2 Сf6 : с3+32. Крb2—b1 Ка2—b4.

Белые сдались. От мата на а1 у них нет удовлетворительной защиты.

Весёлые зимние игры

СНЕЖНАЯ ДЖИГИТОВКА

Кто не слыхал о ловких всадниках — джигитах! На скаку умеют они соскользнуть под брюхо своего коня и вынырнуть с другой стороны, разрубить острым клинком подброшенный в воздух платок, поднять, повиснув на стременах, шапку с земли.

«Снежные джигиты» показывают свою ловкость на лыжах. Для игры, по числу игроков, заготовляются из прутьев обручи диаметром в человеческую голову. Вдоль лыжни по снежному склону втыкают лыжные палки. Затем, спускаясь по очереди, каждый старается набросить свое кольцо на одну из палок. Выигравшим считается тот, кто в наименьшее число заездов надел свой обруч на все палки. Можно изменять условия игры. Например, каждый лыжник по очереди получает все кольца и добивается наибольшего числа попаданий за один спуск.

САЛОЧКИ НА ЛЫЖАХ

Для игры надо выбрать не очень большую и хорошо отграниченную снежную площадку. Например, поляну в лесу. Пойманным считается тот, у кого водящий своей лыжной палкой тронет лыжную палку или конец лыжи. После этого пойманный начинает водить.

ДИКАЯ ЛИСИЦА

Тому, кто изображает дикую лисицу, дается десять — двадцать минут на запутывание следов. «Лисица» кружит, пересекает свой след, делает петли, возвращается по своим отпечаткам, устраивая тупики, и, наконец, прячется в засаду, облюбовав подходящее место.

Когда приблизится погоня, «дикая лисица» бросает в «охотников» заготовленные снежки. Меченный снежком охотник выходит из игры. «Лисица» считается проигравшей после того, как в нее три раза попадут снежком.

ЭСТАФЕТА С ПРИЩЕПКАМИ

Да, да! Для этой игры нужны бельевые прищепки. Поперек ледяной дорожки протягивается веревка на высоте 1,5—1,8 метра, в зависимости от роста игроков. Ребята делятся на две команды Стартуют парами, по одному конькобежцу от команды.

Конькобежцы первой пары получают на старте по пять прищепок. Добежав до финишной веревки, оба закрепляют на ней свои прищепки. Следующих два игрока, добежав до веревки, спешат снять прищепки и, вернувшись к стартовой черте, передать их своим товарищам из третьей пары. Третья пара вешает прищепки, четвертая снимает, и так до победы одной из двух команд.

ПОЕДИНОК В КРУГУ

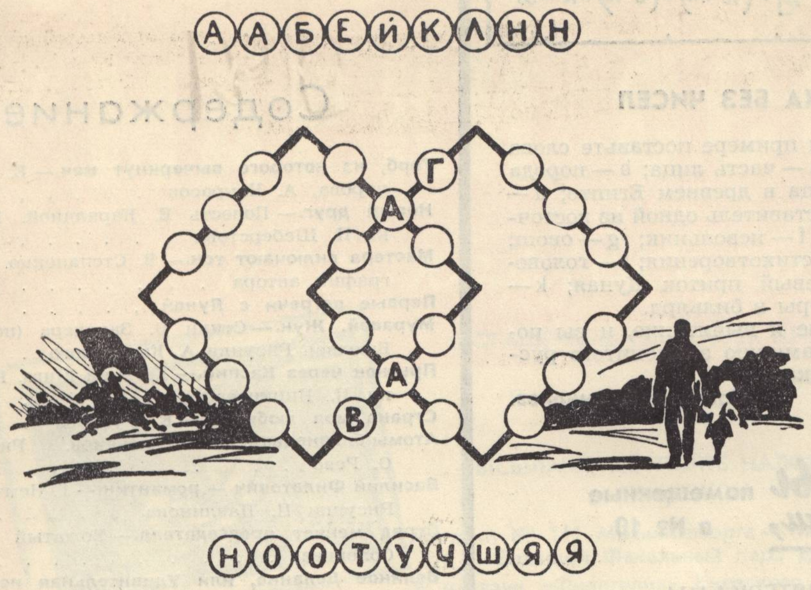
На льду очерчивается круг диаметром в три — четыре метра. В круг выходят для единоборства два конькобежца. Держась обеими руками за палку, оба стараются вытолкнуть или «выкатить» своего противника из круга. Переступивший границу круга выходит из игры. Его сменяет новый игрок, чтобы померяться в силе и ловкости с победителем.

Поединки могут быть и командными. В этом случае выбывшего игрока сменяет другой из той же команды.

ЧАСЫ ДОСУГА

ЗАДАЧА С ПОДСКАЗКАМИ

Для начала придется кое-что подсказать.

Вот, например, первая подсказка:

«...И отцы ушли и братья ушли. Или нам, мальчишкам, сидеть дожидаться, чтобы буржуины пришли и забрали нас в свое проклятое буржуинство?»

А вот вторая:

«Ни дырявого забора, ни высокого крыльца еще не было видно, но уже показалась деревянная крыша нашего серого домика, и над ней с веселым жужжанием крутилась наша роскошная, сверкающая вертушка».

Нетрудно догадаться, что это цитаты, надо только вспомнить, откуда они, и совсем легко будет решить головоломку. Для этого нужно расставить фишки с буквами в свободные гнезда фигуры так, чтобы по ходу часовой стрелки можно было прочитать названия двух произведений, хорошо вам известных и принадлежащих одному автору: название одного произведения — в левом, название другого — в правом квадрате. Назовите и автора произведений.

Составил **М. ДАВЫДОВ.**

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

Такой картины, разумеется, не существует, однако персонажи этой забавной композиции, взятые в характерных для них позах, очевидно, знакомы вам по различным картинам русских мастеров живописи прошлого и настоящего времени.

А. Завьялов

$$a+(b-c)+[d+(e-f)-g]+(h-m)+(l-n)+k=x$$

АРИФМЕТИКА БЕЗ ЧИСЕЛ

На место букв в этом примере поставьте слова следующих значений: a — часть лица; b — порода попугаев; c — бог Солнца в древнем Египте; d — часть скелета; e — представитель одной из восточных национальностей; f — невольник; g — овощ; h — жидкость; m — вид стихотворения; l — головоногий моллюск; n — левый приток Дуная; k — принадлежность для игры в бильярд.

Произведите сложение и вычитание, и вы получите значение x — фамилию знаменитого русского ученого-математика.

Составил **Г. Смирнов.**

Ответы на задачи, помещенные в № 10

ПЯТЬЮ ПЯТЕРКАМИ

Вот один из вариантов решения:

$$\frac{5-5}{5}+\frac{5}{5}=1.$$

$$\frac{(5+5)+(5-5)}{5}=2.$$

$$\frac{(5\times5)-(5+5)}{5}=3.$$

$$\frac{5+5+5+5}{5}=4.$$

$$(5+5+5)-(5+5)=5.$$

$$\frac{5\times5}{5}+\frac{5}{5}=6.$$

$$\frac{(5\times5)+(5+5)}{5}=7.$$

$$\frac{5+5+5}{5}+5=8.$$

$$\frac{(5+5)\times5-5}{5}=9$$

ПЛЕТЕНКА

Четыре китайские пословицы

1. Учиться — все равно, что грести против течения: только перестанешь — и тебя гонит назад.
2. Знания, которые не пополняются ежедневно, убывают с каждым днем.
3. Настоящая дружба — это чистая вода. Мед — дружба фальшивая.
4. Охраняй прошлое, но знай новое.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

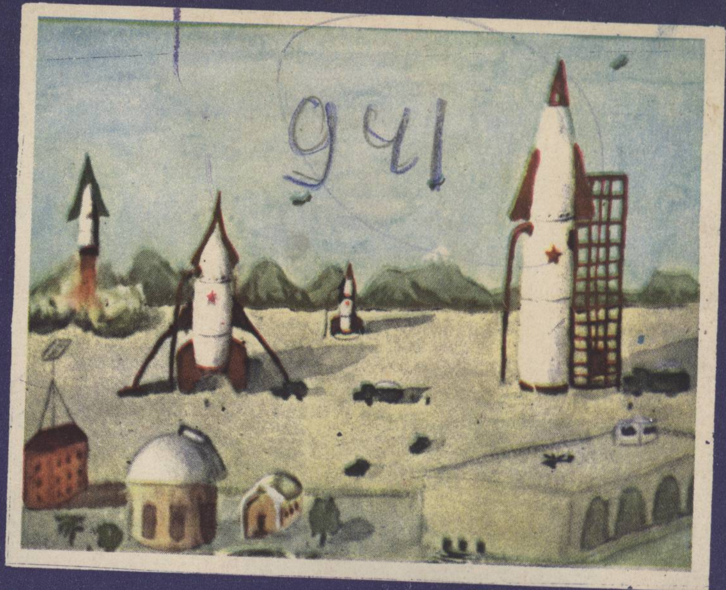
Оформление номера **П. Кузьмичева.**

Технический редактор **А. Ефимова.**

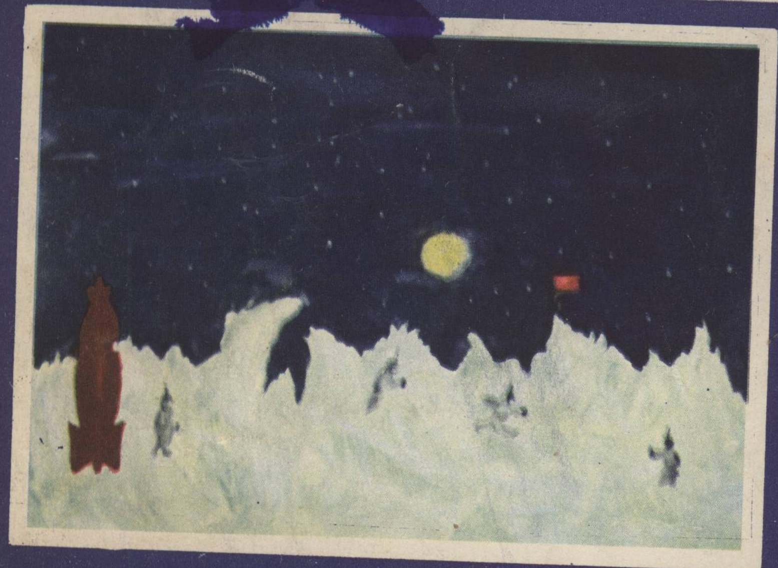
А 05696. Подписано к печати 22/X 1959 г. Тираж 512 200 экз. Изд. № 1572. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61. Заказ № 2319.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

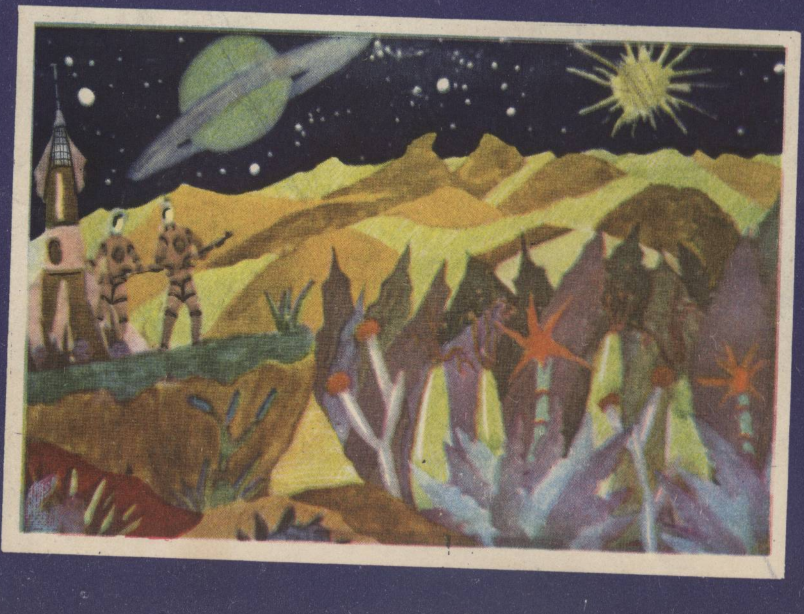
Мы путешествуем в Космосе

«КОСМОПОРТ В ГОРАХ».
...я Алехин, 12 лет.

«ПОЛЕТ НА ЛУНУ».
Миша Тарасов, 10 лет.

«НА МАРСЕ».
Боря Санин, 11 лет.